

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: Лингвистика и педагогика
Научный журнал

Том 12 № 2 / 2022

Proceedings
of the Southwest
State University
Series: Linguistics and Pedagogics
Scientific Journal

Vol. 12 № 2 / 2022

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: Лингвистика и педагогика**

**(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Lingvistika i Pedagogika)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как русский язык, теория языка, сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, теория и методика профессионального образования, общая психология, психология личности, история психологии, социальная психология.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Филологические науки: 10.02.01; 10.02.19; 10.02.20

Педагогические науки: 5.8.7

Психологические науки: 19.00.05; 5.3.1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р технических наук, профессор, ректор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Скобликова Татьяна Владимировна, д-р педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов Валерий Петрович, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Российской академии естественных наук, доктор филологических наук, профессор; Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Российская Федерация)

Боженкова Раиса Константиновна, доктор филологических наук, профессор; МГТУ им. Н.Э. Баумана (г. Москва, Российская Федерация)

Боженкова Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (г. Москва, Российская Федерация)

Василенко Татьяна Дмитриевна, доктор психологических наук, профессор; Курский государственный медицинский университет (г. Курск, Российская Федерация)

Криволапова Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор; Курский государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Молчанова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор; Курский государственный медицинский университет (г. Курск, Российская Федерация)

Никишина Вера Борисовна, доктор психологических наук, профессор; Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (г. Москва, Российская Федерация)

Пищальникова Вера Анатольевна, доктор филологических наук, профессор; Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, Российская Федерация)

Подымова Людмила Степановна, доктор педагогических наук, профессор; Московский педагогический государственный университет (г. Москва, Российская Федерация)

Попова Нина Васильевна, доктор педагогических наук, профессор; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Степыкин Николай Иванович, доктор филологических наук, доцент; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Степанова Надежда Сергеевна, доктор филологических наук, доцент; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Томаков Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Шаклеин Виктор Михайлович, академик РАН, доктор филологических наук, профессор; Российский университет дружбы народов (г. Москва, Российская Федерация)

Якушкина Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент; Российский государственный гидрометеорологический университет (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции

305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

Телефон: +7(4712) 22-25-26,

Факс: +7(4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80884 от 21.04.21).

ISSN 2223-151X (Print)

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieslingva/>

© Юго-Западный государственный университет, 2022

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

16+

Подписка и распространение:

журнал распространяется по подписке.

Подписной индекс журнала 44292 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: четыре выпуска в год

Свободная цена

Оригинал-макет подготовлен Е.Г. Анохиной

Подписано в печать 30.06.2022

Дата выхода в свет 19.09.2022. Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Усл.печ.л. 21,8.

Тираж 1000 экз. Заказ 43.

Proceedings of the Southwest State University Series: Linguistics and Pedagogics

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication is to publicly present to the scientific community the scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such fields as the Russian language, language theory, comparative historical typological and comparative language knowledge, theory and methodology of vocational education, general psychology, personality psychology, history of psychology, social psychology.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete text of the articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Philological Sciences: 10.02.01; 10.02.19; 10.02.20

Pedagogical Sciences: 5.8.7

Psychological Sciences: 19.00.05; 5.3.1

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering, Rector of the Southwest State University
(Kursk, Russian Federation)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana V. Skoblikova (Deputy Editor-in-Chief),
Doctor of Pedagogy, Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Valery P. Abramov, Doctor of Philological Sciences, Professor; Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Raisa K. Bozhenkova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation)

Natalia A. Bozhenkova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation)

Tatyana D. Vasilenko, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Kursk State Medical University (Kursk, Russian Federation)

Elena M. Krivolapova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Kursk State University (Kursk, Russian Federation)

Lyudmila N. Molchanova, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Kursk State Medical University (Kursk, Russian Federation)

Vera B. Nikishina, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Pirogov Russian National Research Medical University (Moscow, Russian Federation)

Vera A. Pischalnikova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)

Lyudmila S. Podymova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)

Nina V. Popova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Nikolay I. Stepykin, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Nadezhda S. Stepanova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Vladimir I. Tomakov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Victor M. Shaklein Doctor of Philological Sciences, Professor; RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Tat'yana V. Yakushkina, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor; Russian State Hydrometeorological University (Saint Petersburg, Russian Federation)

Founder and Publisher :

“Southwest State University”

Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office

50 Let Oktyabrya str., 94, Kursk 305040,
Russian Federation

Phone: +7(4712) 22-25-26,

Fax: +7(4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-80884 of 21.04.21).

ISSN 2223-151X (Print)

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieslingva/>

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,
50 Let Oktyabrya str., 94, Kursk 305040,
Russian Federation

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44292 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: Quarterly

Free-of-control price

Original lay-out design Elena G. Anohina

Sent to the printing 30.06.2022.

Release date 19.09.2022. Format 60x84/8.

Offset paper. Printer's sheets: 21,8.

Circulation 1000 copies. Order 43.

16+

© Southwest State University, 2022

 Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	8
Оригинальные статьи	
Репрезентация образов мужчины и женщины в русской фразеологии: общая характеристика (на материале медиатекстов)	8
<i>Беспалова Е. А.</i>	
Политика и политический дискурс: политический и коммуникативный аспекты	20
<i>Ахметгареева О. Ф.</i>	
Теория аутопоэза как методологическая основа исследования интернет-коммуникации	31
<i>Абдульмянова Д. Р.</i>	
Инструментальный таксис в контексте межкатегориального взаимодействия (на материале немецкого языка)	43
<i>Архипова И. В.</i>	
Овладение языком как направление современных психолингвистических исследований во Франции	51
<i>Баринаева П. С.</i>	
Ассоциативный эксперимент как метод исследования изменений гендерной специфики восприятия новых слов носителями языка	63
<i>Виноградова М. В., Эркенова Д. И.</i>	
Экстралингвистический контекст деятельности понимания как сфера интереса психолингвистики ..	74
<i>Кружилина Т.В., Кружилин И.Б.</i>	
Экспериментальное исследование образа цветообозначения <i>оранжевый</i> в сознании носителей русской культуры	89
<i>Таныгина Е. А.</i>	
Способы формирования физической и математической терминологии в английском и русском языках	107
<i>Шатохина О. А.</i>	
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	115
Оригинальные статьи	
Становление профессиональной культуры обучающихся посредством изучения теории и практики истории костюма и моды	115
<i>Будникова О. В., Колесникова Е. В.</i>	
Речевое воздействие имиджевой рекламы: некоторые лингвистические особенности рекламного текста	124
<i>Анненкова А. В.</i>	
Формирование фразеологической осведомленности будущих бакалавров в процессе обучения иностранному языку	142
<i>Карташова В. Н.</i>	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	154
Оригинальные статьи	
Особенности формирования стрессоустойчивости в студенческой среде (результаты психологического исследования)	154
<i>Тарасова Н.В., Тимофеев Н.С., Шамакина В.В.</i>	
Развитие эмоционального интеллекта в контексте проблемы формирования личности	170
<i>Иванова Т. В., Ильина С. В.</i>	
Взаимосвязь гендера и индивидуально-психологических особенностей личности	178
<i>Хахутадзе Н.М.К., Кузнецова А.А., Баркова В.Л.</i>	
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	188

CONTENT

LINGUISTICS	8
Original article	
Representation of Images of Men and Women in Russian Phraseology: General Characteristics (Based on Media Texts)	8
<i>Ekaterina A. Bespalova</i>	
Politics and Political Discourse: Political and Communicative Aspects	20
<i>Oksana F. Akhmetgareeva</i>	
Autopoiesis Theory as a Methodological Basis for Internet Communication Research	31
<i>Diana R. Abdulmianova</i>	
Instrumental Taxis in the Context of Inter-Categorical Interaction (Based on the Material of the German Language)	43
<i>I. V. Arkhipova</i>	
Language Acquisition as a Field of Modern Psycholinguistic Studies in France	51
<i>Polina S. Barinova</i>	
Association Experiment as a Method of Gender Specific Changes Study of New Words Perception by Native Speakers	63
<i>Margarita V. Vinogradova, Jamilia I. Erkenova</i>	
The Extralinguistic Context of the Activity of Understanding as a Sphere of Psycholinguistic Interest	74
<i>T.V. Kruzhilina, I.B. Kruzhilin</i>	
The Experimental Study of the Image of Russian Color Term Orange in the Consciousness of Russian Culture Bearers	89
<i>Elena A. Tanygina</i>	
Methods of Formation of Physical and Mathematical Terminology in English and Russian	107
<i>Olga A. Shatokhina</i>	
PEDAGOGICAL SCIENCE	115
Original article	
Formation of Professional Culture of Students Through the Study of Theory and Practice of the History of Costume and Fashion	115
<i>O.V. Budnikova, E.V. Kolesnikova</i>	
Linguistic Manipulation of Image Advertising: Some Linguistic Characteristics of Advertising Text	124
<i>Antonina V. Annenkova</i>	
Formation of Phraseological Awareness of Future Bachelors in the Process of Teaching a Foreign Language	142
<i>V. N. Kartashova</i>	
PSYCHOLOGY	154
Original article	
Features of the formation of stress resistance in the student environment (results of psychological study)	154
<i>N.V. Tarasova, N.S. Timofeev, V.V. Shamakina</i>	
Development of Emotional Intelligence in the Context of the Problem of Personality Formation	170
<i>T.V. Ivanova, S.V. Ilina</i>	
The Relationship Between Gender and Individual Psychological Characteristics of Personality	178
<i>Nilufer M. K. Khakhutadze, Alesya A. Kuznetsova, Valentina L. Barkova</i>	
INFORMATION FOR AUTHORS	188

УДК 811.161.1

Репрезентация образов мужчины и женщины в русской фразеологии: общая характеристика (на материале медиатекстов)

Е. А. Беспалова¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kbespalova@yandex.ru

Резюме

Актуальным направлением современной лингвистики выступает исследование гендерных отношений в языке и во фразеологии, в частности; изучение фразеологических обозначений мужчины и женщины на материале газетных текстов дает возможность проследить степень актуализации устойчивых оборотов названной группы в медиаречи. Целью данной работы является общая характеристика репрезентации фразеологических наименований мужчины/женщины в речи современных носителей русского языка на материале медиатекстов. В ходе проведения исследования решены следующие промежуточные задачи: проведен количественный анализ фразеологических единиц, номинирующих мужчину и женщину, в современных медиатекстах; выявлены особенности их стилистической и эмоционально-экспрессивной окраски; отобранные фразеологизмы классифицированы по тематическим группам, сделаны выводы об их соотношении. В работе применены методы наблюдения, сплошной выборки, количественного и контекстуального анализа, систематизации и классификации языкового материала.

Показано, количество устойчивых сочетаний, номинирующих женщину, в узусе превосходит соответствующий показатель единиц, называющих мужчину. Однако не все они относятся к активному языковому запасу: третья часть всего корпуса отобранных фразеологизмов в медиатекстах не встречается, что можно объяснить их фольклорным и диалектным происхождением, наличием в их составе устаревших элементов или книжной окраской, не всегда уместной в публицистическом дискурсе. Активно используются модели с компонентами «леди» и «пол». В современных медиатекстах наиболее широко используются книжные, разговорные и просторечные обороты; зачастую узусная книжная окраска в контексте снижается за счет создания иронической интонации.

Фразеологизмы, репрезентирующие образы мужчины и женщины, тематически объединяются в три группы – по социальным, физиологическим и психологическим характеристикам человека. Наиболее широко представлена группа фразеологизмов, называющих социальные особенности человека (соотношение трех групп – 3:1:1). В рамках каждой тематической группы фразеологические наименования женщин количественно превосходят соответствующие номинации мужчин.

Ключевые слова: фразеологизм; мужчина; женщина; медиатекст; газетный корпус.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Беспалова Е. А. Репрезентация образов мужчины и женщины в русской фразеологии: общая характеристика (на материале медиатекстов) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 2. С. 8-19.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022

Статья подписана в печать 30.03.2022

Статья опубликована 30.06.2022

Representation of Images of Men and Women in Russian Phraseology: General Characteristics (Based on Media Texts)

Ekaterina A. Bespalova¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kbespalova@yandex.ru

Abstract

The actual direction of modern linguistics is the study of gender relations in language and phraseology, in particular; the study of phraseological designations of men and women on the material of newspaper texts makes it possible to trace the degree of actualization of stable turns of the named group in the media language. The purpose of this work is a general description of the representation of phraseological names of men / women in the speech of modern native speakers of the Russian language on the material of media texts. In the course of the study, the following intermediate tasks were solved: a quantitative analysis of phraseological units nominating a man and a woman in modern media texts was carried out; the features of their stylistic and emotionally expressive coloring were revealed; the selected phraseological units were classified into thematic groups, conclusions were drawn about their relationship. The methods of observation, continuous sampling, quantitative and contextual analysis, systematization and classification of linguistic material are used in the work.

It is shown that the number of stable combinations nominating a woman in the usage exceeds the corresponding indicator of units naming a man. However, not all of them belong to the active language stock: the third part of the entire corpus of selected phraseological units is not found in media texts, which can be explained by their folklore and dialect origin, the presence of outdated elements in their composition or book coloring, which is not always appropriate in journalistic discourse. Models with "lady" and "gender" components are actively used. In modern media texts, bookish, colloquial and colloquial turns are most widely used; often the usual book coloring in the context is reduced by creating an ironic intonation.

Phraseological units representing the images of men and women are thematically grouped into three groups - according to the social, physiological and psychological characteristics of a person. The most widely represented group of phraseological units naming the social characteristics of a person (the ratio of the three groups is 3:1:1). Within each thematic group, the phraseological names of women outnumber the corresponding nominations of men quantitatively.

Keywords: phraseology; man; woman; media text; newspaper corpus.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bespalova E. A. Representation of Images of Men and Women in Russian Phraseology: General Characteristics (Based on Media Texts). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(2): 8–19 (In Russ.).

Received 11.02.2022

Accepted 30.03.2022

Published 30.06.2022

***

Введение

На протяжении всей человеческой истории социум и мир в целом членится на «мужское» и «женское». Замечено, что «оппозиция «мужской» – «женский» яв-

ляется фундаментальной для человеческой культуры» [1, с. 3].

В языке и во фразеологии, в частности, отражаются гендерные стереотипы, существующие в обществе, что делает их

исследование на материале живой медиаречи заведомо актуальным. Изучению гендерных отношений во фразеологии посвящены работы многих ученых [1; 2; 3; 4; 5 и др.].

Целью данной работы является общая характеристика репрезентации фразеологических наименований мужчины/женщины в речи современных носителей русского языка на материале медиатекстов. Промежуточными задачами исследования выступают квантитативный анализ фразеологических единиц (ФЕ), номинирующих мужчину и женщину, в современных медиатекстах; характеристика особенностей их стилистической и эмоционально-экспрессивной окраски; общая квалификация отобранных фразеологизмов по тематическим группам.

Оппозиция «мужчина» – «женщина» репрезентируется в языке различными средствами, и одно из наиболее ярких из них – фразеологические ресурсы, аккумулирующие исторически накопленные культурные смыслы. Обозначение мужчины или женщины содержится в самих компонентах фразеологизма (*добрый молодец, мужчина в самом расцвете сил, соломенный муж; девушка с характером, сладкая женщина, первая леди*) или выступает одним из его семантических признаков (*сильный пол, мышинный жеребчик, ясный сокол; бальзаковский возраст, в горящую избу войдет, небесное создание*).

Фразеологизмы с компонентами значения «мужское» и «женское» используются в речи современных носителей языка с разной степенью частотности. Анализ их употребления в медиатекстах последнего времени позволяет выявить пласт активно используемых устойчивых сочетаний (а также единиц, уходя-

щих в пассивный запас) и те социальные (в том числе и в плане речевого поведения социальной группы [6; 7; 8]), физиологические и психологические признаки мужчин и женщин, которые номинируются подобными фразеологизмами.

Материалы и методы

Фразеологические единицы с компонентами значения «мужской» и «женский» составляют специфический пласт фразеологии. Он сравнительно не велик по объему, но интересен по своему составу: многие из входящих в него единиц характерны именно для русской культуры, не имеют полных синонимов в других языках, т.к. этимологически связаны с русским фольклором, диалектами (*[как] Илья Муромец, Арина бесплодная*). Наряду с такими оборотами, к числу фразеологизмов анализируемой группы относятся и универсальные единицы (*сильный пол, первая леди*).

Фразеологические единицы для проведения исследования были выбраны из историко-этимологического словаря «Русская фразеология» [9] и «Фразеологического словаря русского литературного языка» [10]; корпус составил 176 фразеологизмов, свыше 12000 фразеопотреблений.

Источником эмпирического материала послужил газетный корпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [11]. Тексты газетного корпуса позволяют отследить активность употребления фразеологизмов выбранной тематической группы, показать, насколько закрепленное в устойчивом сочетании значение актуализируется в современной медиаречи, являющейся отражением реальной речи носителей русского языка последнего времени. Газетный корпус НКРЯ систе-

матически обновляется, в 2021 г. он был пополнен медиатекстами 2019 г. (до этого в 2020 г. – текстами 2018 г.), что свидетельствует об актуальности языкового материала, его соответствии современной речевой ситуации.

В ходе исследования применялись методы наблюдения, сплошной выборки, количественного и контекстуального анализа, систематизации и классификации языкового материала.

Результаты и обсуждение

Среди устойчивых сочетаний, отраженных в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» и «Фразеологическом словаре русского литературного языка, нами выявлено 176 единиц, номинирующих мужчину и женщину. Явное преобладание фразеологических оборотов, репрезентирующих образ женщины, можно объяснить следующим фактором. Одним из характерных проявлений андроцентризма фразеологии и языка в целом выступает номинация человека в целом по принципу мужского рода: практически все характеристики лица по социальным, физиологическим и иным ключевым параметрам даются в языке по отношению к *человеку*, что само по себе выражает идею мужского пола (в русском языке существует огромное количество фразеологизмов, обозначающих социальный статус человека, его происхождение, роль в обществе, характер и род деятельности и т.п. (*стреляный воробей, толстый карман*), при толковании которых характеризуется *человек* (что, несомненно, исторически подразумевает принадлежность мужчине, согласно закреплённым традицией гендерным ролям, но все же не содержит лексемы *мужчина* в толковании); такие фразеоло-

гические единицы не являются предметом нашего рассмотрения в данной работе (если в их значении нет дополнительного указания на принадлежность мужскому полу). Поэтому, возможно, потребность во фразеологической номинации собственно мужчин не столь велика, как в наименовании женщин.

Важным показателем актуальности фразеологического оборота в речи современных носителей языка является частота его употребления [12, с. 39]. В соответствии с данным критерием в текстах газетного корпуса НКРЯ нами были выделены фразеологизмы нескольких типов:

– сверхчастотные – частота употребления больше 100 (*отец семейства, прекрасная половина человечества, бальзаковский возраст*) – 15 % от общего количества ФЕ;

– высокочастотные – частота употребления от 51 до 100 (*дамский угодник, синий чулок, подруга жизни*) – 6 %;

– среднечастотные – частота употребления от 11 до 50 (*мужчина в самом расцвете сил, девушка с характером, вечная женственность*) – 22 %;

– низкочастотные – частота употребления от 2 до 10 (*молочный брат, маменькина дочка, попрыгунья-стрекоза*) – 18 %;

– единичные – частота употребления 1 (*соломенный вдовец, бесплодная смоковница (во 2-м значении), что за фря*) – 4%;

– неупотребительные – не встретились в анализируемых медиатекстах (*дачный муж, дама из Амстердама, рязанская баба*) – 35 %.

Приведем перечень наиболее употребительных фразеологизмов с их индексами (количеством употреблений в газетном корпусе НКРЯ).

	ФЕ - наименования мужчин	ФЕ - наименования женщин
1	<i>крестный отец</i> 962	<i>первая леди</i> 2076
2	<i>сильный пол</i> 898	<i>слабый пол</i> 861
3	<i>отец семейства</i> 534	<i>прекрасный пол</i> 805
4	<i>[как] Илья Муромец</i> 395	<i>железная леди</i> 349
5	<i>святой отец</i> 369	<i>прекрасная половина <человечества></i> 295
6	<i>джентльмен удачи</i> 253	<i>бальзаковский возраст</i> 239
7	<i>сукин <ты> сын</i> 204	<i>в юбке</i> 235
8	<i>ученый муж</i> 185	<i>ночная бабочка</i> 218
9	<i>мастер на все руки</i> 122	<i>сестра милосердия</i> 205
10	<i>духовный отец</i> 121	<i>Баба-Яга [костяная нога]</i> 198

Обращает на себя внимание частотность употребления устойчивых сочетаний с заимствованным англоязычным компонентом *леди*. Первые два из них – *первая леди*, *железная леди* – характерны для публицистического дискурса, имеют соответствующую стилистическую помету в словаре. Их популярность в текстах СМИ можно объяснить появившейся в постсоветское время возможностью писать о женщинах – первых лицах государства: «*В то же время на сцене появляется новая законодательница моды – первая леди Украины Елена Зеленская*» (lenta.ru, 28.12.2019).

ФЕ с компонентом *пол* также отличаются высокой частотой употребления, активно используются для наименования как мужчин – *сильный пол* («...комментарии в подобном духе среди представителей сильного пола встречаются очень часто» (Московский комсомолец, 24.07.2019)), так и женщин – *слабый пол* («*Башаров заявил о своих требованиях к слабому полу*» (gazeta.ru, 10.12.2019)), *прекрасный пол* («...немногие представительницы прекрасного пола могли устоять перед напором этой бешеной харизмы» (Новая газета, 14.04.2017)). В медиатекстах отражается наблюдающая-

ся в речи носителей языка тенденция иронического отношения к фразеологизмам *слабый пол* и *сильный пол*, развития языковой игры и полисемии: «*8 Марта пожаловался на горькую судьбинушку слабого мужского пола*» (lenta.ru, 2019.03.09); «*Женщины на каннском экране – сильный пол*» (Новая газета, 29.11.2018). Смысловые трансформации таких ФЕ – свидетельство актуальности их употребления в современной речи [13, с. 207].

Анализ материала показал, что многие фразеологизмы (35 % от числа отобранных ФЕ), номинирующие мужчин и женщин и входящие в современные фразеологические словари, в медиаречи не актуализируются. Среди ФЕ, репрезентирующих образ мужчины, это устойчивые сочетания *божий воин*, *вражий сын*, *дамский хвост*, *дачный муж*, *добрый молодец*, *доказать гусара*, *крылатый всадник*, *курицын сын*, *мой батюшка*, *матушкин сынок*, *мышинный жеребчик*, *необстрелянный птенец*, *соломенный муж*, *собачий сын*, *сударь-батюшка*, *сын природы*, *трясти итанами*, *хамов сын*, *хитрый Митрий*; среди ФЕ, репрезентирующих образ женщины – *Арина бесполденная*, *в*

девицах, валамова ослица (во 2-м значении), *ваша сестра, вековечная невеста, весела как вешний жаворонок, глупая как валамова ослица, дама из Амстердама, Дунькина фабрика, Евина внучка, жертва вечерняя, жрица Венеры, жрица наслаждений, заломить свои руки как гитана, кающаяся Магдалина* (в 1-м значении), *круглая лицом как глупая луна, лакомый кусочек (блюдо), маком сидеть, мести подолом, молочная сестра, Милитриса Кирбитьевна, мраморные плечи, на возрасте, наряжаться как Маланья на свадьбу, рязанская баба, сама себе госпожа, сатана в юбке, сидеть в юбке, сияше аки луна в ночи, собачья (сучья) дочь, соблазненная и покинутая, соломенная жена, сорока короткохвостая, сосуд скудельный* (в 1-м значении), *старая скворечница, трепать подол, трепать хвост, упрямая как валамова ослица, царевна-недотрога, чертова перечница*. Из перечисленных единиц некоторые имеют в словарях помету *устаревшее* (*божий воин, дамский хвост, доказать гусара, мышиный жеребчик, собачий сын, сударь-батюшка, сын натуры, сын природы, хамов сын; вековечная невеста, дама из Амстердама, Евина внучка, Милитриса Кирбитьевна, на возрасте, сама себе госпожа, сияше аки луна в ночи, трепать подол*), их переход в пассивный запас языка можно связать с наличием устаревшего компонента или его формы в составе ФЕ. Неупотребительность другой части ФЕ можно объяснить наличием народно-поэтической или книжной окраски, которая не всегда уместна в публицистическом дискурсе. Кроме того, публицистический дискурс подтверждает тенденцию перехода отдельных ФЕ из разряда устаревших (к таким в словарях относятся ФЕ *крестный*

отец, духовный отец, духовный сын, святой отец и др.) в группу широко употребляющихся в речи, как в старом значении (*духовный отец, духовный сын*), так и в обновленном в соответствии с современной речевой ситуацией или известным прецедентным выражением (*крестный отец*); в целом возрождение ФЕ изначально религиозного содержания обусловлено идеологическими трансформациями в нашей стране конца 20 – начала 21 вв., актуализацией религиозной сферы жизни.

Стилистическая окраска фразеологизмов анализируемой группы варьируется от книжной высокой до грубопросторечной.

Группа стилистически нейтральных фразеологических оборотов в газетных текстах НКРЯ представлена незначительно: *братья по оружию, дачный муж, отец семейства, бабье лето* (2 зн.), *бесплодная смоковница* (1 зн.), *девушка моей мечты, старая дева, три грации, укрощение строптивой* и др. («...отношения с братьями по оружию из других армий стран НАТО далеко не всегда были равными (lenta.ru, 07.04.2019)).

Достаточно обширна в медиатекстах и группа книжных фразеологизмов, среди которых представлены ФЕ с пометой в словаре *книжн. (книжное)* – *Аполлон Бельведерский, рыцарь на час, рыцарь печального образа, Синяя борода, сын своего времени; вавилонская блудница, вечная женственность, гений чистой красоты, дама полусвета, жена Пентефрия, леди Макбет, погибшее, но милое создание*, с пометой *книжн. высок. (книжное высокое)* – *рыцарь без страха и упрека*, с пометой *высок. поэт. (высокое поэтическое)* – *небесное создание, чистойшей прелести чистойший образец*.

ФЕ данной группы характерны для письменной речи, их стилистическая принадлежность обусловлена соответственной маркированностью входящих в состав компонентов. Однако предполагаемая в узусе возвышенная окраска обычно бывает снижена за счет создания иронической интонации в контексте: «*В дымном пространстве залы, словно прекрасные привидения, как гении чистой красоты, перемещались туда-сюда супер-модели*» (Комсомольская правда, 03.11.2013).

Распространены среди ФЕ, репрезентирующих мужчину и женщину, фольклорные и народно-поэтические фразеологизмы, в целом составляющие значительное количество фразеопотреблений в газетных текстах: [как] *Илья Муромец, суженый-ряженный, Финист ясный сокол, ясный сокол; Баба-Яга [костяная нога], Василиса Премудрая, хозяйка медной горы (1 зн.), царица Несмеяна («Паша, как Илья Муромец, встанет и пойдет на своих ногах» (lenta.ru, 15.10.2019))*.

Частотны ФЕ с пометой публ. (публицистическое): *железная леди, первая леди, девушка с характером*, употребление которых характерно именно для выбранного типа дискурса («...можно быть железной леди и самой теплой и очаровательной армянской мамой на свете» (Московский комсомолец, 19.10.2019)).

Разговорный пласт фразеологии представлен в газетных текстах ФЕ *бог войны (2 зн.), ваш брат, друг сердца, мальчик с пальчик, мастер на все руки, мужская рука, сам себе хозяин, сын полка, ученый муж, Баба-Яга [костяная нога], в девушках, женский род, маменькина дочка, мастерица на все руки, мужик в юбке, наша сестра, царица Несмеяна («Но*

зато она из загнанной бизнес-леди, мужика в юбке превращается в женщину» (Комсомольская правда, 24.09.2003)).

На границе литературной нормы находятся просторечные фразеологизмы, в газетных текстах это ФЕ *Аника-воин, мальчик на побегушках, старый пень, бабье царство, в девках, на выданье*; за эту границу выходят сниженные грубопросторечные элементы, отмеченные в газетных текстах: *старый хрен, сукин <ты> сын, чертов сын, старая карга*, их употребление в медиатекстах отражает тенденцию демократизации языка СМИ («... Европа – сукины сыны, от них останутся останки» (Новая газета, 18.02.2018)).

Наличие эмоциональной окраски является достаточно «подвижной» характеристикой фразеологических единиц. Наиболее характерна для ФЕ выбранной тематической группы коннотация следующих типов:

– *шутл.* (шутливое) – в отношении мужчин (*брат во Христе (2 зн.), Ванька-ключник, мужчина в самом расцвете сил, соломенный вдовец*) и женщин (*бабье царство, бальзаковский возраст, в горящую избу войдет, в юбке, дама сердца, дама, приятная во всех отношениях, железная леди, ищите женщину!, лучшая половина человечества, дражайшая (лучшая) половина, погибшее, но милое создание, прекрасная половина человечества*);

– *ирон.* (ироническое) – в отношении мужчин (*Аника-воин, дамский угодник, джентльмен удачи, папенькин (папин, отцов) сынок, рыцарь на час, рыцарь печального образа, странствующий рыцарь, ученый муж*) и женщин (*в юбке, вечная женственность, дама полусвета, дама с камелиями, кисейная барышня (1*

зн.), *мужик в юбке, фря какая (что за фря), царевна Несмеяна, шерочка с ма-шерочкой*);

– презр. (презрительное) – в отношении мужчин (*мальчик на побегушках, старый пень*) и женщин (*Баба-Яга [костяная нога], синий чулок*);

– пренебр. (пренебрежительное) – в отношении мужчин (*мальчик на побегушках, папенькин сынок*) и женщин (*красотки кабаре, маменькина дочка, синий чулок*);

– неодобр. (неодобрительное) – в отношении мужчин (*Ванька-ключник, Синяя борода*) и женщин (*Баба-Яга [костяная нога], женщина легкого поведения, попрыгунья-стрекоза, синий чулок, старая карга*).

Среди русских фразеологизмов с компонентами значения «мужской» и «женский» можно выделить несколько тематических групп, раскрывающих разные стороны названной оппозиции. Для семантической квалификации фразеологизмов в медиатекстах мы используем классификацию, предложенную в работе Д.В. Семеновой [1, с. 5]. В газетных текстах НКРЯ представлены ФЕ следующих групп:

1) ФЕ, называющие социальные особенности мужчин и женщин (семейное положение социальный статус, социально значимая деятельность): *брат во Христе, брат по оружию, дамский угодник, друг сердца, духовный отец, духовный сын, крестный отец, мальчик на побегушках, мастер на все руки, морской волк, нижний чин, отец семейства, папенькин сынок, святой отец, синие мундиры, сын полка; бабье царство, дама сердца, дама полусвета, девушка моей мечты, женщина легкого поведения, класная дама, красотки кабаре, масте-*

рица на все руки, моя дражайшая половина, мужик в юбке, ночная бабочка, первая леди, подруга жизни, представительница древнейшей профессии, сестра во Христе, сестра милосердия, соломенная вдова, старая дева и др.;

2) ФЕ, обозначающие физиологические характеристики (внешность, возраст): *Аника-воин, Аполлон Бельведерский, [как] Илья Муромец, мальчик с пальчик, мужчина в самом расцвете сил, сильный пол, старый пень, старый хрен; бабье лето (2 зн.), бальзаковский возраст, вечная женственность, небесное создание, писаная красавица, прекрасный пол, слабый пол, сладкая женщина, три грации, чистойшей прелести чистойший образец и др.;*

3) ФЕ, обозначающие психологические характеристики (характер, ум, память): *муж совета, рыцарь без страха и упрека, рыцарь на час, рыцарь печального образа, сам себе голова, ясный сокол; Баба-Яга [костяная нога], Василиса Премудрая, дама, приятная во всех отношениях, девушка с характером, железная леди, кисейная барышня (1 зн.), леди Макбет, маменькина дочка, нежный пол, попрыгунья-стрекоза, сама себе хозяйка, тургеневская барышня (девушка), царевна Несмеяна и др.*

Как видим, в газетных текстах наиболее широко представлена группа фразеологизмов, называющих социальные особенности человека (соотношение трех групп – 3:1:1). В рамках каждой тематической группы фразеологические наименования женщин количественно превосходят соответствующие номинации мужчин, что можно объяснить общим количественным перевесом первых. Подробное описание особенностей употребления фразеологизмов каждой тема-

тической группы требует отдельного рассмотрения и может стать перспективой исследования.

Выводы

Проведенное исследование позволяет выявить некоторые особенности употребления фразеологизмов, репрезентирующих образы мужчины и женщины, в современной медиаречи.

Квантитативный анализ показал, что количество устойчивых сочетаний, номинирующих женщину, в узусе значительно превосходит соответствующий показатель ФЕ, называющих мужчину (важно отметить, что при составлении корпуса ФЕ последних мы учитывали только фразеологизмы, в значении которых есть компонент *мужчина*, а не *человек* в целом: последний компонент позволяет, как правило, отнести ФЕ к лицам обоих полов). Однако не все они относятся к активному языковому запасу: третья часть всего корпуса отобранных фразеологизмов в медиатекстах не встречается (*соломенный муж*, *рязанская баба*). Факт перехода некоторых оборотов в пассивный фонд языка можно объяснить их фольклорным и диалектным происхождением (*добрый молодец*, *Арина бесполденная*), наличием в их составе устаревших элементов (*весела как вешний жаворонок*, *сияше аки луна в ноц*

и) или книжной окраской, не всегда уместной в публицистическом дискурсе (*жрица Венеры*, *заломить руки как гитана*).

К числу свехчастотных в медиатекстах фразеологизмов относятся ФЕ *первая леди* (2076 употреблений), *сильный пол* (898), *слабый пол* (861), *прекрасный пол* (805), *[как] Илья Муромец* (395), *железная леди* (349), *ученый муж* (185).

В речи носителей языка активно используется модель с компонентом *леди*. ФЕ *первая леди*, *железная леди* характерны именно для публицистического стиля; их популярность можно объяснить значительным влиянием на русский язык англоязычных заимствований, а также социально-историческим фактором – появившейся в постсоветское время возможностью открыто и свободно писать о женщинах – первых лицах государства. Кроме того, очень популярна в медиаречи фразеологическая модель с компонентом *пол*, называющая мужчин и женщин в целом (*сильный пол*, *слабый пол*, *прекрасный пол*). В отношении этих выражений наблюдается тенденция обыгрывания их значений, развития языковой игры, полисемии и контекстуальной антонимии («*слабый мужской пол*»).

С точки зрения стилистической окраски, в современных медиатекстах наиболее широко используются нейтральные (*ученый муж*, *лучшая половина человечества*) и книжные обороты (*дама полусвета*, *леди Макбет*). Зачастую узусная книжная окраска в контексте снижается за счет создания иронической интонации («*как гении чистой красоты*, *перемещались туда-сюда супер-модели*»). Для фразеологизмов анализируемой группы характерна шутливая / ироническая (*папенькин сынок*, *моя дражайшая половинка*) или неодобрительная коннотация (*Ванька-ключник*, *попрыгунья-стрекоза*).

ФЕ, репрезентирующие образы мужчины и женщины, тематически объединяются в три группы – социальные, физиологические и психологические характеристики человека. Обозначения мужчин наиболее широко представлены в первой группе, наименее – в третьей. Фразеологические наименования женщин

во всех трех тематических блоках количественно сопоставимы, при этом есть небольшой перевес в сторону первой группы. Перспективой нашего исследо-

вания может стать подробное описание специфики употребления ФЕ каждой тематической группы.

Список литературы

1. Семенова Д.В. Гендерный аспект концептуального анализа лексем «мужчина» и «женщина» (на материале фразеологии английского, русского и кабардинского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2006. 25 с.
2. Волошина К.С. Фразеологизм как средство концептуализации понятия «гендер»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2010. 25 с.
3. Чибышева О.А. Концепт «женщина» в русской и английской фразеологии (на материале предметных фразеологизмов, именующих женщину): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 24 с.
4. Лю Бо. Концепт «женщина» в русской языковой картине мира (на фоне китайской): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2010. 26 с.
5. Ферреро А.М. Диас, Хервилья Э.Ф. Керо. Анализ паремий, выражающих негативную оценку женщины в русском и португальском языках // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 42-58.
6. Степыкин Н.И. Small talk как стереотип вербального поведения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 584. С. 209-218.
7. Степыкин Н.И. Small talk: рекомендуемые и конвенционально запрещенные темы (на материале английского языка) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2014. № 4. С. 25-28.
8. Степыкин Н.И., Полхова Ю.А. Анализ коммуникативных стратегий и тактик в ситуации конфликта (на материале телесериала «Scrubs») // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 37. № 3. С. 442-450.
9. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
10. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. М.: ООО Издательство АСТ, 2001. 720 с.
11. Газетный корпус русского языка // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-paper.html>.
12. Беспалова Е. А. Процессуальные фразеологические единицы в публицистике Е.И. Носова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2015. № 1 (14). С. 38-44.
13. Попова Г.В. Организация художественного мира фантастического произведения: категориальные понятия (на материале дилогии О. Громько «Год Крысы») // Научный диалог. 2021. № 9. С. 200-216.

References

1. Semenova D.V. *Gendernyj aspekt konceptual'nogo analiza leksem «muzhchina» i «zhenshchina» (na materiale frazeologii anglijskogo, russkogo i kabardinskogo yazykov)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Gender aspect of the conceptual analysis of the lexemes "man" and "woman" (based on the phraseology of English, Russian and Kabardian languages). Cand. philol. sci. abstract diss.]. Nal'chik, 2006. 25 p.
2. Voloshina K.S. *Frazeologizm kak sredstvo konceptualizacii ponyatiya "gender"*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Phraseology as a means of conceptualizing the concept of "gender". Cand. philol. sci. abstract diss.]. Nal'chik, 2010. 25 p.
3. Chibysheva O.A. *Koncept "zhenshchina" v russkoj i anglijskoj frazeologii (na materiale predmetnyh frazeologizmov, imenuyushchih zhenshchinu)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The concept of "woman" in Russian and English phraseology (based on the material of subject phraseological units naming a woman). Cand. philol. sci. abstract diss.]. Chelyabinsk, 2005. 24 p.
4. Lyu Bo. *Koncept "zhenshchina" v russkoj yazykovej kartine mira (na fone kitajskoj)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The concept of "woman" in the Russian language picture of the world (against the background of Chinese). Cand. philol. sci. abstract diss.]. Vladivostok, 2010. 26 p.
5. Ferrero A.M. Dias, Hervil'ya E.F. Kero. Analiz paremij, vyrazhayushchih negativnuyu ocenku zhenshchiny v russkom i portugal'skom yazykah [Analysis of the paroemias expressing a negative assessment of women in Russian and Portuguese]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2018, no. 54, pp. 42-58.
6. Stepykin N.I. Small talk kak stereotip verbal'nogo povedeniya [Smalltalk as stereotypes of verbal behavior]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Moscow State Linguistic University*, 2010, no. 584, pp. 209-218.
7. Stepykin N.I. Small talk: rekomenduemye i konvencional'no zapreshchennye temy (na materiale anglijskogo yazyka) [Small talk: recommended and conventionally prohibited topics (based on the material of the English language)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2014, no. 4, pp. 25-28.
8. Stepykin N.I., Polhova Yu.A. Analiz kommunikativnyh strategij i taktik v situacii konflikta (na materiale teleseriala "Scrubs") [Analysis of communicative strategies and tactics in a conflict situation (based on the material of the TV series "Scrubs")]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities*, 2018, vol. 37, no. 3, pp. 442-450.
9. Biriĥ A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologičeskij slovar': ok. 6000 frazeologizmov* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary: about 6000 phraseological units]; ed. by. V. M. Mokienko. Moscow, Astrel': AST: Lyuks Publ., 2005. 926 p.
10. *Frazeologičeskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]; ed. by. A.I. Fedorov. Moscow, OOO Izdatel'stvo AST Publ., 2001. 720 p.
11. Gazetnyj korpus russkogo yazyka [Russian Russian Language Newspaper Corpus]. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/search-paper.html>.

12. Bespalova E. A. Processual'nye frazeologicheskie edinicy v publicistike E.I. Nosova [Procedural phraseological units in E.I. Nosov's journalism]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2015, no. 1 (14), pp. 38-44.

13. Popova G.V. Organizaciya hudozhestvennogo mira fantasticheskogo proizvedeniya: kategorial'nye ponyatiya (na materiale dilogii O. Gromyko "God Krysy") [The organization of the artistic world of a fantastic work: categorical concepts (based on the material of O. Gromyko's dilogy "The Year of the Rat")]. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*, 2021, no. 9, pp. 200-216.

Информация об авторе / Information about the Author

Беспалова Екатерина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: kbespalova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7218-0635
Researcher ID: ABG-7397-2021

Ekaterina A. Bespalova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: kbespalova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7218-0635
Researcher ID: ABG-7397-2021

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'42

**Политика и политический дискурс: политический
и коммуникативный аспекты****О. Ф. Ахметгареева¹** ✉¹Военный университет Министерства Обороны

Волочаевский проезд, д. 3/4, г. Москва 111033, Российская Федерация

✉ e-mail: oksanafed1979@mail.ru

Резюме

Статья посвящена анализу роли и влияния отдельных политических событий на коммуникативное поведение политиков. В грузиноязычных политических текстах находят свое отражение наиболее значимые внешне- и внутривнутриполитические события. Используемые говорящими коммуникативные средства являются формой отображения действительности посредством языка и эффективным средством, способствующим формированию «нужной» адресату картины мира, обладающим наиболее сильным прагматическим эффектом, поскольку сочетает прагматические, когнитивные и лингвистические знания в отношении политики, культуры, идеологии и истории. Зачастую реципиент понимает и принимает действительность сквозь призму подаваемой в аудиторию информации, а также через сложившиеся стереотипы, образы, прототипы. Современная политическая деятельность не существует без использования языка, что подразумевает наличие определенной прагматической цели, а одной из самых интересных тем для ученых в области политической коммуникации является анализ политического дискурса в периоды значимых политических событий как локального, так и межгосударственного уровня. Реализуемые в политическом дискурсе языковые средства можно рассматривать как один из способов творчески позиционировать идеи и постулаты правящих элит. Использование многообразных лексических средств характерно для современного политического дискурса на многих языках. В данной статье мы предприняли попытку проиллюстрировать основные тенденции их использования в политическом дискурсе, которые характерны для грузинских политиков в политическом сегменте «взаимоотношения с Россией». Выбор текстов политического дискурса современной Грузии объясняется тем, что на сегодняшний день представлено ограниченное количество работ, связанных с изучением грузиноязычных политических текстов в рамках политической лингвистики. При написании данной статьи автором были изучены исключительно оригинальные материалы на грузинском языке. Полагаем, что сведения, нашедшие свое отражение в настоящей работе, могут быть интересны и полезны лингвистам, картвелологам и специалистам в области межкультурной и политической коммуникации.

Ключевые слова: политический дискурс; дискурсивное мышление; коммуникация; политическая лингвистика; конфликт.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ахметгареева О. Ф. Политика и политический дискурс: политический и коммуникативный аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 2. С. 20-30.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022

Статья подписана в печать 17.05.2022

Статья опубликована 30.06.2022

© Ахметгареева О. Ф., 2022

Politics and Political Discourse: Political and Communicative Aspects

Oksana F. Akhmetgareeva¹✉

Military University of the Ministry of Defense
¾ Volochaevsky proezd, Moscow 111033, Russian Federation

✉ e-mail: oksanafed1979@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the role and influence of individual political events on the communicative behavior of politicians. Georgian-language political texts reflect the most significant external and internal political events. The communicative means used by speakers are a form of representation of reality through language and an effective means that contributes to the formation of the "necessary" picture of the world to the addressee, which has the strongest pragmatic effect, since they combine pragmatic, cognitive and linguistic knowledge in relation to politics, culture, ideology and history. Often the recipient understands and accepts reality through the prism of the information presented to the audience, as well as through established stereotypes, images, prototypes. Modern political activity does not exist without the use of language, which implies a certain pragmatic goal, and one of the most interesting topics for scientists in the field of political communication is the analysis of political discourse during periods of significant political events at both the local and interstate levels. The linguistic means implemented in political discourse can be considered as one of the ways to creatively position the ideas and postulates of the ruling elites. The use of diverse communicative ways of influencing the audience is characteristic of modern political discourse in many languages. In this article, we have attempted to illustrate the main trends of their use in political discourse, which is characteristic of Georgian politicians in the political segment of "foreign relations with Russia". The choice of texts of the political discourse of modern Georgia is explained by the fact that today there are a limited number of works related to the study of Georgian-language political texts within the framework of political linguistics. When writing this article, the author studied exclusively original materials in the Georgian language. We believe that the materials reflected in this work may be interesting and useful to linguists, cartwellologists and specialists in the field of intercultural and political communication.

Keywords: *political discourse; discursive thinking; communication; political linguistics; conflict.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Akhmetgareeva O. F. Politics and Political Discourse: Political and Communicative Aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(2): 20–30 (In Russ.).

Received 28.03.2022

Accepted 17.05.2022

Published 30.06.2022

***

Введение

Обострение обстановки в сегменте «взаимоотношения Грузии с Россией» проявилось в политическом дискурсе и речевом поведении правящих элит. Коммуникативная составляющая выступает ключевой формой политического дискурса, следствием чего становится постепенное усиление различных форм подачи информации адресату.

Цель данной статьи – выявить основные факторы, влияющие на изменение коммуникативного поведения поли-

тиков, а, следовательно, и на политический дискурс, в свете складывающейся внешне- и внутривнутриполитической ситуации в отношении России в грузиноязычном политическом дискурсе на примере выступлений М. Саакашвили и Г. Маргвелашвили. Мы утверждаем – смена правительства, внешнеполитического курса, внутривнутриполитическое состояние и необходимость поддержки населения формируют определенный образ России в политическом дискурсе Грузии. В статье анализируются выступления двух президентов

Грузии – М. Саакашвили и Г. Маргвела-швили. Автором применялся лингво-прагматический и ретроспективный подходы к анализу публичных выступлений президентов, что позволило определить, как изменялось отношение к России в разные периоды начала 20-го века в зависимости от сложившейся политической ситуации.

Результаты и обсуждение

Политические заявления третьего президента Грузии Михаила Саакашвили в отношении Российской Федерации можно условно разделить на два периода – первый срок президентства, когда М. Саакашвили активно говорит о нормализации отношений с Россией и необходимости начинать их с чистого листа, и заявления, сделанные после событий августа 2008 года. Прежде чем приступить к анализу выступлений Михаила Саакашвили, нам кажется важным сказать несколько слов о сложившейся политической ситуации в Грузии того периода, которая сыграла важную роль в формировании направлений внешней политики и, как следствие, отношения к ее северному соседу.

2 ноября 2003 г. грузины вышли на улицы в знак протеста против фальсификации результатов выборов [1]. Результатом 20-дневных демонстраций на проспекте Руставели стала смена правительства. 22 ноября 2003 г. протестующие оппозиционеры во главе с Михаилом Саакашвили ворвались в зал парламента и вынудили парламентариев и президента покинуть здание. После акций протеста последовала отставка второго президента Грузии – Эдуарда Шеварднадзе. С одной стороны, налицо незаконная смена власти, с другой стороны, ноябрьские события проиллюстрировали приверженность грузинского народа демократическим ценностям, а именно право выбирать лидера нации и главу государства. Данные события получили название «Революции роз», после чего популярность Михаила

Саакашвили и его «ერთიანი ნაციონალური მოძრაობა» – «Единого национального движения» росла беспрецедентными темпами. Поддержка политика населением выразилась в безоговорочной победе М. Саакашвили на президентских выборах 4 января 2004 г., на которых он набрал 96,27% голосов и стал третьим президентом Грузии [2].

Следует отметить, что в результате смены правительства в Грузии была предсказуема и смена внешнеполитического курса в политическом сегменте «взаимоотношения Грузии с Россией». Планы развития Грузии, а также некоторые векторы политических перспектив нашли отражение в политическом дискурсе Грузии. Позитивное отношение М. Саакашвили к России и его стремление к нормализации отношений отчетливо выразилось в речи на церемонии инаугурации 25 января 2004 г., когда президент протянул «руку дружбы» Российской Федерации. М. Саакашвили публично заявил, что Грузии нужна Россия как друг, сильный союзник и партнер, а не как враг [3], активно демонстрировалась важность особых отношений с Россией:

რუსეთის ხელოვნურად გაღიზიანება, წინა მთავრობის მიერ გადადგმული ნაბიჯები, რომ შინაგანი სისუსტეების კომპენსირება მოეხდინა რუსეთთან აგრესიული რიტორიკით, ძალიან ცუდად დამთავრდა ჩვენთვისაც და ჩვენი და რუსეთის ურთიერთობისთვისაც. დარწმუნებული ვარ, თანმიმდევრული, პრინციპული, ღირსეული საუბრით რუსეთთან ჩვენ შევძლებთ ამ ქვეყნის შემობრუნებას. – Искусственное раздражение России, действия предыдущего правительства по компенсации ее внутренней слабости агрессивной риторикой в отношении России, закончились очень плохо для нас и для наших отношений с Россией. Уверен, что при последовательном, принципиальном, достойном разговоре с Россией мы сможем вернуть эту страну [4].

Лидер нации в своих официальных заявлениях подчеркивал важность установления добрососедских взаимоотношений с Россией. Следует отметить, что подобные заявления президента Грузии звучали в период негативного отношения населения к России, что обуславливается некоторыми политическими и историческими факторами [5]. Тем не менее, будучи лидером государства, М. Саакашвили подтверждает готовность грузин к возобновлению дружеских взаимоотношений с Российской Федерацией. Анализ выступлений Михаила Саакашвили показал, что в его заявлениях до событий августа 2008 года активно используются следующие вербальные единицы:

«ურთიერთობების სუფთა ფურცლიდან დაწყება – начиная отношения с чистого листа», «რუსეთი, როგორც საიმედო მეზობელი – «Россия как надежный сосед», «სტრატეგიული პარტნიორი – Стратегический партнер», «მეგობრობის ხელი – рука дружбы», «საქართველო რუსეთთან ღია და ეფექტური თანამშრომლობისათვის მზად არის – Грузия готова к открытому и эффективному сотрудничеству с Россией», «რუსეთის ბაზრის შენარჩუნება – сохранение российского рынка» и др. Подобные высказывания и словосочетания с положительной про-российской коннотацией способствовали относительной нормализации восприятия России как доброго, надежного соседа, чему немало помог и имидж главы государства – по результатам опросов общественного мнения, проведенных в 2006 году Михаил Саакашвили был назван самым влиятельным человеком в Грузии (76,9%) [6].

Процесс нормализации и потепления отношений между Грузией и Россией коренным образом изменился в 2006 году, когда грузинский парламент потребовал пересмотра соглашения 1992 года и вывода российских миротворцев из зоны конфликтов [7]. По требованию грузинской стороны их должны были заменить

международные и «нейтральные» силы. Эскалация напряженности российско-грузинских отношений пришлось на сентябрь 2006 года после ареста грузинскими спецслужбами и последующего объявления персонами нон грата нескольких военнослужащих РФ [8]. Ответным шагом со стороны России стала операция российских правоохранительных органов по выявлению, задержанию и выдворению трудовых мигрантов из Грузии с территории России, что негативно сказалось на отношениях между Москвой и Тбилиси. В результате сложившейся политической ситуации в 2006 году Россия ограничила право граждан Грузии на въезд в Россию и ввела эмбарго на экспорт наиболее важных для Грузии продуктов - грузинского вина, минеральной воды Боржоми и сельскохозяйственных продуктов [9]. Новый виток напряженности между государствами произошел в 2008 году, кульминацией которого явился кровавый конфликт, получивший название «пятидневной войны», после чего дипломатические отношения между Грузией и Российской Федерацией были разорваны.

Сложившаяся конфликтная ситуация не могла не отразиться на политическом дискурсе современной Грузии. Здесь нам кажется уместным пояснить наше понимание политического дискурса, которое основывается на трактовке дискурса, предложенной Н.Д. Арутюновой, где дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/skurs.htm>]: политический дискурс = политическая ситуация + политическая коммуникация.

литической власти и оружием в борьбе с оппозицией.

Действительно, опросы общественного мнения, проведенные в Грузии в 2008–2013 годах, подтверждают, что президент Михаил Саакашвили пользовался доверием населения. Особенно высокий процент был зафиксирован в 2011 году – 58% населения доверяет и поддерживает Президента Грузии и его действия. Данные по годам распределяются следующим образом: 2008 г. – 52%, 2009 г. – 48%, 2010 г. – 56%, 2012 г. – 7%, 2013 г. – 23% [13].

Следует отметить, что по прошествии определенного периода после августовской войны постепенно проявилась несколько смягченная риторика Михаила Саакашвили и сформировалось желание сотрудничать с демократической Россией. Это мнение было публично озвучено во время ежегодного парламентского выступления Саакашвили в 2012 году:

«ეს მარტივი არ არის, მაგრამ რუსეთი არის და იქნება საქართველოს მეზობელი, რაც განაპირობებს ჩვენს წადილს, დავამყაროთ მასთან მშვიდობა. – Это не просто, но Россия есть и будет соседом Грузии, поэтому мы пытаемся примириться с ним. Однако этот мир возможен с Россией, которая признает и соблюдает все международно признанные нормы отношений между суверенными государствами».

თუმცა ეს მშვიდობა შესაძლებელია ისეთ რუსეთთან, რომელიც აღიარებს და ემორჩილება სუვერენულ სახელმწიფოთა შორის ურთიერთობების ყველა საერთაშორისოდ აღიარებულ ნორმას – Однако этот мир возможен с Россией, которая признает и соблюдает все международно признанные нормы отношений между суверенными государствами [15].

Подводя итог меняющейся политике Михаила Саакашвили в отношении Российской Федерации, мы видим, что антироссийские заявления в адрес России яв-

лялись эффективным политическим коммуникативным оружием, функционирующим в политическом дискурсе современной Грузии и активно применяющимся в процессе идеологического воздействия на массового адресата в периоды борьбы за власть, а также в условиях сложной внешнеполитической ситуации. Очевидно, что языковые средства с негативной коннотацией в адрес России, и с положительной коннотацией в адрес Грузии, реализуемые в политическом дискурсе в период правления М. Саакашвили, способствовали созданию положительного имиджа политика, что способствовало формированию позитивного отношения общества к политику.

В рамках политического дискурса современной Грузии, а именно в результате жестких заявлений лидера государства образ Российской Федерации стал клишированным, как «ოკუპანტი» – «оккупант» не только для населения Грузии, но и для международного сообщества, а Грузия – «გმობიად» – «героем», который всеми силами и силами боролся против великого и опасного врага.

Безусловно, формирующийся, и уже становящийся стереотипным для грузинского этноса и народов, населяющих Грузию, «образ врага» по отношению к России, который возникает в рамках родной политической культуры, может передаваться по наследству из поколения в поколение, храниться в культурной памяти отдельного этноса на протяжении веков. В современном политизированном информационно-коммуникативном пространстве достаточно возможностей чтобы определить содержание интересов, политических убеждений и предпочтений общества. Занимаясь изучением политического дискурса Грузии в период правления М. Саакашвили, мы не могли не задаться вопросом: чему способствовала антироссийская направленность политического дискурса этого яркого политика? Соответственно, закономерным явилось наше обращение к политическим заявле-

ниям четвертого президента Грузии Георгия Маргвелашвили. Примечательно, что после прихода к власти Г. Маргвелашвили столкнулся с довольно сложной внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуацией – в этой связи особенно важно было сбалансировать отношения между Западом и Российской Федерацией [18]. По мнению руководства Российской Федерации, смена правительства позволила возобновить связи между Россией и Грузией, которые были прерваны в связи с событиями августовской войны 2008 года [19]. С приходом Г. Маргвелашвили к власти со своей командой, была обозначена цель восстановить отношения с Российской Федерацией, при этом инвективные заявления звучали в адрес предыдущего правительства Грузии, осуждалась и его агрессия по отношению к северному соседу. Готовность и желание к сотрудничеству с Россией нашло свое отражение в политических текстах четвертого президента Грузии Георгия Маргвелашвили. В этой связи заслуживает внимания инаугурационная речь президента:

«მიუხედავად დღეისათვის არსებული გართულებული ვითარებისა, ჩვენ კვლავ ვაცხადებთ მზადყოფნას გავაღრმავოთ რუსეთთან დიალოგი. – Несмотря на сложившуюся непростую ситуацию, мы все же заявляем о своей готовности к углублению диалога с Россией» [20].

По словам Г. Маргвелашвили, можно было решить проблемы между Грузией и Россией параллельно с интеграцией Грузии в европейские и евроатлантические структуры, но для нормализации отношений от России было необходимо уважать международно признанные границы и национальные интересы Грузии [20]. Очевидно, что новая политическая элита не отказалась от прозападного курса и подтвердила стремление и сильное желание Грузии присоединиться к Североатлантическому альянсу и Европейскому союзу. Тем не менее, в пользу вос-

становления отношений с Россией бил «экономический набат», поскольку российский рынок всегда был важным источником дохода для Грузии, а российское эмбарго на продукты, имеющие ключевое значение для Грузии, такие как вино и минеральная вода, нанесло серьезный удар по торговле страны и имело далеко идущие социальные последствия. Что касается визовых ограничений и их последствий, то были серьезные проблемы с трудовой миграцией в Россию и поступлением крупных денежных переводов из России [18]. Таким образом, с учетом сложившейся ситуации в стране вопрос восстановления экономических отношений с Российской Федерацией занял важное место в политическом дискурсе нового президента.

Стремление к установлению отношений, основанных на принципе равенства с Российской Федерацией, было подтверждено в ежегодном парламентском отчете президента Грузии Г. Маргвелашвили за 2015 год:

დღეს ჩვენი ამოცანა რუსეთის «პრივილეგირებული ინტერესების სფეროების» კონფრონტაციული პარადიგმის მიღმა დარჩენა და რუსეთთან თანასწორობის პრინციპებზე დაფუძნებული კეთილმეზობლური პოლიტიკის დადგენაა. - Наша задача сегодня - выйти за рамки конфронтационной парадигмы «привилегированных сфер интересов» России и установить политику добрососедства, основанную на принципах равенства с Россией [21].

Положительная коннотация в политических текстах четвертого президента Грузии прослеживается в его инаугурационной речи от 17.11.2013г.

მიუხედავად დღეისათვის არსებული გართულებული ვითარებისა, ჩვენ კვლავ ვაცხადებთ მზადყოფნას, გავაღრმავოთ რუსეთთან დიალოგი... - Несмотря на сложную сегодня ситуацию, мы по-прежнему заявляем о своей

готовности к углублению диалога с Россией... [21].

Доброжелательные интенции нового лидера Грузии сохраняются и в период парламентских выборов 2016 года ... [21].

კიდევ ერთხელ, როგორც სახელმწიფოს მეთაური, ვადასტურებ საქართველოს სწრაფვას კეთილშობილური ერთმანეთის ეროვნული ინტერესების, ტერიტორიული მთლიანობის პატივისცემის და თანასწორუფლებიანობაზე დაფუძნებული ურთიერთობისაკენ. - Еще раз, как глава государства, я подтверждаю приверженность Грузии добрососедству, национальным интересам, уважению территориальной целостности и равенству, основанному на равенстве... [21].

Вышеприведенные примеры из текстов официальных выступлений президента Грузии Г. Маргвелашвили, ясно показывают, что одно из ключевых коммуникативных направлений в политическом дискурсе в политическом сегменте «взаимоотношения Грузии с Россией» занимает восстановление-нормализация отношений с Россией, разрушенных предыдущей властью, а также налаживание экономических связей. Глава государства заявляет о важности открытия российского рынка и экономического прогресса.

Результатом про-российских заявлений президента Грузии явилось то, что общественное мнение в отношении Российской Федерации претерпело значительные изменения. Фактически, острота восприятия грузинским обществом России как главного врага значительно снизилась.

Выводы

Подводя итог, можно сказать, что в политическом дискурсе современной Грузии в период правления Г. Маргвелашвили наблюдается снижение антироссийских высказываний по сравнению с периодом правления М. Саакашвили, что

в первую очередь объясняется внутривнутриполитической ситуацией в Грузии в анализируемые периоды. Анализируя тексты выступлений политика, мы пришли к выводу, что функционирующие в политическом дискурсе лексемы, имеющие как негативную, так и позитивную окраску, выступают эффективным коммуникативным инструментом для идеологического воздействия на массы.

В заключение хотим отметить, что для политического дискурса современной Грузии характерно изменение коммуникативного поведения от ярко выраженного негативного, до ярко выраженного позитивного в соответствии и с учетом сложившейся политической ситуации. В частности, в рамках исследования мы проанализировали тексты периодов правления двух президентов Грузии - Михаила Саакашвили и Георгия Маргвелашвили. Мы утверждаем, что изменение коммуникативного поведения политической элиты в отношении России было вызвано следующими факторами: сменой правительства, изменением внешней политики, изменением внутривнутриполитической ситуации в стране и необходимостью заручиться поддержкой населения. Тот факт, что в политическом дискурсе Грузии находили свое отражение внешнеполитический курс и отношение к Российской Федерации в соответствии с изменяющейся политической ситуацией как внутри страны, так и за ее пределами, подтверждается проведенным анализом текстов, опубликованных в период правления двух президентов. С победой Михаила Саакашвили на президентских выборах активно звучали призывы начать отношения с Россией с «чистого листа». Несмотря на первоначальные дружеские настроения, заявления М. Саакашвили стали резко антироссийскими после августовской войны 2008 года и т.н. «оккупации» Россией территории Грузии. Очевидные прозападные интенции Михаила Саакашвили и усиление стремления Грузии к интеграции в западные структуры

привели страну к противостоянию с Россией, которую в своих выступлениях М. Саакашвили номинировал «ოკუპანტად» – «оккупантом» и «მტრად» – «врагом». Подобные заявления М. Саакашвили были направлены на демонизацию образа России с целью удержать пошатнувшуюся власть и оправдать потерю территорий Абхазии и Южной Осетии.

В очередной раз коммуникативное поведение в адрес России изменилось после того, как к власти пришел Г. Маргвелашвили и коалиция «Грузинская мечта», сменившие вектор «враждебности» в адрес северного соседа, что способствовало

процессу относительной нормализации отношений. Исследование показало, что такие факторы, как внутривнутриполитическая ситуация в стране, внешняя политика, экономические факторы, сыграли важную роль в формировании политического дискурса современной Грузии в положительную сторону по отношению к России. Определяющим фактором, безусловно, явились убеждения и идеи политических элит, которые различались в периоды правления разных правительств и, следовательно, приводили к изменчивости официальных заявлений в отношении Российской Федерации.

Список литературы

1. Политический кризис в Грузии в ноябре 2003 ("революция роз"). URL: <https://ria.ru/20071107/86972437.html>. (дата обращения: 02.02.2022).
2. Социально-экономическая ситуация в Грузии в период правления Михаила Саакашвили. URL: <https://tass.ru/arhiv/711112>. (дата обращения: 02.02.2022).
3. Президентские маневры. URL: http://www.stoletie.ru/geopolitika/prezidentskie_manevri.htm. (дата обращения: 02.02.2022).
4. საქართველოს პრეზიდენტის მიხეილ სააკაშვილის წლიური საანგარიშო მოხსენება პარლამენტის პლენარულ სხდომაზე. URL: <https://www.president.gov.ge>. (дата обращения: 02.02.2022).
5. Основные направления развития грузинского национализма в условиях политической нестабильности 1990-х гг. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-razvitiya-gruzinskogo-natsionalizma-v-usloviyah-politicheskoy-nestabilnosti>. (дата обращения: 02.02.2022).
6. Sumbadze N. Georgia Public Opinion Barometer. Tbilisi, 2006.
7. Парламент Грузии принял решение о выводе российских миротворцев со своей территории. URL: <https://www.newsru.com/world/18jul2006/gruz.html>. (дата обращения: 02.02.2022).
8. Витязь в овечьей шкуре: грузинские спецслужбы устроили очередную провокацию против наших военных. URL: <https://rg.ru/2006/09/28/gruzia-grvz.html>. (дата обращения: 02.02.2022).
9. Huseynov V. The foreign policy of Post-Soviet Georgia: Strategic idealism and the Russian challenge. *Caucasus International*. 2015. 5, 117-131. (дата обращения: 02.02.2022).
10. საქართველოს პრეზიდენტის ოფიციალური ვებგვერდი. URL: <https://www.president.gov.ge>. (дата обращения: 06.03.2022).
11. საქართველოს პრეზიდენტის ოფიციალური ვებგვერდი. URL: <https://www.president.gov.ge>. (дата обращения: 06.03.2022).
12. Huseynov V. The foreign policy of Post-Soviet Georgia: Strategic idealism and the Russian challenge // *Caucasus International*. 2015. 5, 125.
13. საქართველოს არქივების ისტორია. URL: <https://publika.ge/article/saparlameto-archevnebis-istoria/>. (дата обращения: 28.03.2022).

14. საქართველოს პრეზიდენტის ოფიციალური ვებგვერდი. URL: <https://www.president.gov.ge>. (дата обращения: 16.01.2022).
15. ანალიტიკური ნაშრომი. URL: http://css.ge/files/Papers/MacFarlane_2015_GEO.pdf. (дата обращения: 16.01.2022).
16. Kogan E. Russian-Georgian relations and the reaction from the European Union. Tbilisi: Georgian Foundation for Strategic and International Studies. 2013, Retrieved from. URL: <http://gfsis.org/> (дата обращения: 11.03.2022).
17. საქართველოს პრეზიდენტის ოფიციალური ვებგვერდი. URL: <https://www.president.gov.ge>. (дата обращения: 06.03.2022).
18. Huseynov V. The foreign policy of Post-Soviet Georgia: Strategic idealism and the Russian challenge. *Caucasus International*. 2015. 5, 127.
19. საქართველოს პრეზიდენტის ოფიციალური ვებგვერდი. URL: https://www.president.gov.ge/2015_tslis_saparlamento_mokhseneba. (дата обращения: 06.03.2022).
20. URL: <https://www.youtube.com/watch>. (дата обращения 06.03.2022).
21. საქართველოს პრეზიდენტის ოფიციალური ვებგვერდი. URL: <https://www.president.gov.ge>. (дата обращения: 06.03.2022).

References

1. *Politicheskij krizis v Gruzii v noyabre 2003 ("revolyuciya roz")* [Political crisis in Georgia in November 2003 ("Rose Revolution")]. Available at: <https://ria.ru/20071107/86972437.html>. (accessed 02.02.2022).
2. *Social'no-ekonomicheskaya situaciya v Gruzii v period pravleniya Mihaila Saakashvili* [Socio-economic situation in Georgia during the rule of Mikhail Saakashvili]. Available at: <https://tass.ru/arhiv/711112>. (accessed 02.02.2022).
3. *Prezidentskie manevry* [Presidential maneuvers]. Available at: http://www.stoletie.ru/geopolitika/prezidentskie_ma-nevri.htm. (accessed 02.02.2022).
4. საქართველოს პრეზიდენტის მიხეილ სააკაშვილის წლიური საანგარიშო მოხსენება პარლამენტის პლენარულ სხდომაზე. Available at: <https://www.president.gov.ge>. (accessed 02.02.2022).
5. *Osnovnye napravleniya razvitiya gruzinskogo nacionalizma v usloviyah politicheskoy nestabil'nosti 1990-h gg.* [The main directions of development of Georgian nationalism in the conditions of political instability of the 1990s.]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-razvitiya-gruzinskogo-natsionalizma-v-usloviyah-politicheskoy-nestabilnosti>. (accessed 02.02.2022).
6. Sumbadze N. *Georgia Public Opinion Barometer*. Tbilisi, 2006
7. *Parlament Gruzii prinyal reshenie o vyvode rossijskih mirotvorcev so svoej territorii* [The Parliament of Georgia has decided to withdraw Russian peacekeepers from its territory]. Available at: <https://www.newsru.com/world/18jul2006/gruz.html>. (accessed 02.02.2022).
8. *Vityaz' v ovech'ej shkure: gruzinskie specsłużby ustroili ocherednyu provokaciju protiv nashih voennyh* [Knight in sheep's clothing: Georgian special services staged another provocation against our military]. Available at: <https://rg.ru/2006/09/28/gruzia-grvz.html>. (accessed 02.02.2022).
9. Huseynov V. The foreign policy of Post-Soviet Georgia: Strategic idealism and the Russian challenge. *Caucasus International*, 2015, 5, 117-131. (accessed 02.02.2022).
10. საქართველოს პრეზიდენტის ოფიციალური ვებგვერდი. Available at: <https://www.president.gov.ge>. (accessed 06.03.2022).

11. საქართველოს პრეზიდენტის ოფიციალური ვებგვერდი. Available at: <https://www.president.gov.ge>. (accessed 06.03.2022).
12. Huseynov V. The foreign policy of Post-Soviet Georgia: Strategic idealism and the Russian challenge. *Caucasus International*, 2015, 5, 125.
13. საპარლამენტო არჩევნების ისტორია. Available at: <https://publika.ge/article/saparlameto-archevnebis-istoria/>. (accessed 28.03.2022).
14. საქართველოს პრეზიდენტის ოფიციალური ვებგვერდი. Available at: <https://www.president.gov.ge>. (accessed 16.01.2022).
15. ანალიტიკური ნაშრომი. Available at: http://css.ge/files/Papers/MacFarlane_2015_GEO.pdf. (accessed 16.01.2022).
16. Kogan E. Russian-Georgian relations and the reaction from the European Union. Tbilisi: Georgian Foundation for Strategic and International Studies, 2013. Retrieved from. Available at: <http://gfsis.org/> (accessed 11.03.2022).
17. საქართველოს პრეზიდენტის ოფიციალური ვებგვერდი. Available at: <https://www.president.gov.ge>. (accessed 06.03.2022).
18. Huseynov V. The foreign policy of Post-Soviet Georgia: Strategic idealism and the Russian challenge. *Caucasus International*, 2015, 5, 127.
19. საქართველოს პრეზიდენტის ოფიციალური ვებგვერდი. Available at: https://www.president.gov.ge/2015_tslis_saparlameto_mokhseneba. (accessed 06.03.2022).
20. Available at: <https://www.youtube.com/watch> (accessed 06.03.2022).
21. საქართველოს პრეზიდენტის ოფიციალური ვებგვერდი. Available at: <https://www.president.gov.ge>. (accessed 06.03.2022).

Информация об авторе / Information about the Author

Ахметгареева Оксана Федоровна, старший преподаватель кафедры языков и культур СНГ, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: oksanafed1979@mail.ru

Oksana F. Akhmetgareeva, Senior Lecturer of the Department of Languages and Cultures of the CIS of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: oksanafed1979@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81

Теория аутопозза как методологическая основа исследования интернет-коммуникации

Д. Р. Абдульмянова¹ ✉

¹Московский городской педагогический университет

2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1, г. Москва 129226, Российская Федерация

✉ e-mail: diana-gazieva@mail.ru

Резюме

Особое место в процессе межличностного взаимодействия принадлежит сети Интернет, ставшей неотъемлемой частью жизни цивилизованного общества, что не могло не сказаться на форме и способе общения, которое в наши дни в значительной мере переместилось из реального мира в мир виртуальный и повлекло за собой ряд изменений в самом характере и структуре межличностной коммуникации. Существенные изменения, которые претерпевает коммуникация в связи с развитием компьютерных технологий, требуют специального изучения и поэтому представляют собой важную исследовательскую задачу. При этом важно учитывать то, что участники общения в интернете используют принципиально новый арсенал средств репрезентации мысли, в котором вербальные способы оформления высказывания интегрированы с невербальными средствами. Целью работы является рассмотрение коммуникации как гибкого динамического процесса с большим количеством возможных путей развития.

В статье рассматривается возможность применения аутопозтической теории в качестве методологической платформы исследования коммуникации в интернет-пространстве. Представляется, что опора на данную теорию позволяет учитывать динамику интернет-коммуникации и моделировать поведение коммуникантов, тем самым описывая процессуальность коммуникативного взаимодействия с учетом таких адаптационных параметров, как активность, языковая способность и структурность. Рассмотрение коммуникации с позиции теории аутопозза позволяет выявлять причинно-следственные связи в поведении коммуникантов и говорить о коммуникативном акте как о процессе с несколькими допустимыми вариантами развития. Адаптация как основа всей деятельности коммуникантов дает возможность говорить о поведении участников интернет-форумов и чатов с точки зрения их индивидуальных характеристик, интересов и ценностей, а не рассматривать их как составные элементы фиксированной схемы взаимодействия.

Ключевые слова: теория аутопозза; рекурсивность; коммуникативное поведение; адаптация; языковая способность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Абдульмянова Д. Р. Теория аутопозза как методологическая основа исследования интернет-коммуникации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 2. С. 31-42.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022

Статья подписана в печать 15.04.2022

Статья опубликована 30.06.2022

© Абдульмянова Д. Р., 2022

Autopoiesis Theory as a Methodological Basis for Internet Communication Research

Diana R. Abdulmianova¹ ✉

¹Moscow City Pedagogical University

4, 2-oj Sel'skohozyajstvennyj proezd, Moscow 129226, Russian Federation

✉ e-mail: diana-gazieva@mail.ru

Abstract

A special place in the process of interpersonal interaction belongs to the Internet, which has become an integral part of the life of a civilized society, which could not but affect the form and method of communication, which nowadays has largely moved from the real world to the virtual world and entailed a number of changes in the very nature and structure of interpersonal communication. The significant changes that communication is undergoing due to the development of computer technology require special study and therefore represent an important research task. At the same time, it is relevant to take into account that the participants of communication on the Internet use a fundamentally new arsenal of means of representation of thought, in which verbal ways of making statements are integrated with non-verbal means. The objective of the current study is to consider communication as a flexible dynamic process with a large number of possible ways of development.

The paper focuses on the autopoiesis theory as a methodological platform for the study of communication in the Internet space. This approach allows us to consider the dynamics of Internet-mediated communication and model communicants' behavior, thereby describing the processuality of communicative interaction based on such adaptive parameters as activity, language capacity and structurality. When considering communication from the autopoiesis perspective, it allows to identify cause-and-effect relationships in the behavior of communicants and talk about a communicative act as a process with several acceptable development options. Adaptation as the basis of all the activities of communicants makes it possible to state the behavior of participants in the Internet-forums and chats from the point of view of their individual characteristics, interests and values, and not to consider them as components of a fixed scheme of interaction.

Keywords: *the theory of autopoiesis; reclusiveness; communicative event; adaptation; language capacity.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Abdulmianova D. R. Autopoiesis Theory as a Methodological Basis for Internet Communication Research. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(2): 31–42 (In Russ.).

Received 28.03.2022

Accepted 15.04.2022

Published 30.06.2022

***

Введение

Постоянно изменяясь и усложняясь, открывая новые возможности для взаимодействия, коммуникация остается одним из самых важных видов деятельности человека. Появление и распространение интернет-технологий во второй половине XX века привело к очень существенному изменению характера межличностного взаимодействия. Привычные форматы коммуникации вытесняются, меняется не только способ коммуникации, но и условия, и механизмы ее

осуществления. Крайне актуальным в современной действительности становится углубленное понимание принципов взаимодействия в виртуальном пространстве и знание всего набора факторов и особенностей, определяющих характер такого общения. К основным из них относятся, на наш взгляд, нелинейность, дистантность, анонимность, механизмы стереотипизации, добровольность, отсутствие временных и пространственных ограничений и др.

Материалы и методы

Интернет-пространство предоставляет возможность любому индивиду взаимодействовать с любым субъектом или объектом этой коммуникативной среды (с одним или несколькими коммуникантами). В отличие от традиционной линейной межличностной коммуникации в интернет-общении имеется возможность нарушать принцип линейности: отвечать в любой момент на любое сообщение, когда-либо опубликованное, например, в комментариях, и перемещаться на любой этап обсуждения. В рамках одного форума, например, это приводит к созданию ответвлений, каждое из которых развивается случайным образом вне зависимости от каких-либо закономерностей или иных установок.

Разумеется, коммуниканты вынуждены менять привычную стратегию коммуникативного поведения, вырабатывается новая коммуникативная культура, которой свойственны гибкость коммуникативного поведения (то есть частое изменение его стратегии), стремление не только выразить мысль, но создать посредством комментариев представление о себе (истинное или ложное), повышение и снижение активности коммуникантов.

В результате описание взаимодействия в интернет-пространстве с помощью прежних моделей коммуникации становится проблематичным или невозможным. Позиция наблюдателя не дает возможности учитывать в интернет-коммуникации ряд факторов, поскольку при рассмотрении данного процесса извне они могут оставаться латентными. Кроме того, не принимается во внимание одно из существенных характеристик процесса коммуникации – ее континуальность (или непрерывность). Активность коммуниканта постулируется как исходное свойство, однако активность как свойство коммуницирующего субъекта еще не изучена, несмотря на то, что она определяет доминирующую роль в процессе моделирования динамики комму-

никативного взаимодействия. Активность представляется собой способность к смыслопорождению, а не только способность вступать в коммуникативное взаимодействие.

Помимо этого, коммуникация на форумах и в чатах обладает гибкостью и изменчивостью, которые также трудно отразить в существующих моделях. Возможности, предоставляемые интернет-платформой, требуют от участников этого общения использования принципиально новых стратегий коммуникации. Определение ключевых параметров речевого поведения участников коммуникативного взаимодействия в интернет-пространстве позволяет, безусловно, описать сценарий развития интернет-коммуникации. Однако, как представляется, описываемая процесс как формальную последовательность, эти методы не объясняют динамику интернет-коммуникации, которая детерминируется последовательностью однопорядковых речевых действий на фоне отсутствия когнитивного взаимодействия между участниками. В связи с этим, перспективной представляется опора на теорию аутопозза, поскольку она дает теоретическую возможность анализировать вербальное взаимодействие в интернет-пространстве как процесс постоянной адаптации участника общения к конструируемой им среде.

Результаты и обсуждение

Основные положения аутопозэтической теории (от греч. *auto* – сам, *poiesis* – создание, производство) впервые были сформулированы в 70-х годах XX века чилийскими нейробиологами Умберто Матураной и Франциско Варелой. Как представляется, применение данной концепции открывает новые возможности для изучения коммуникации, поскольку в фокусе исследования оказывается именно субъект социальной коммуникации, обладающий определенным набором адаптационных свойств, во многом детерминирующим характер взаимодействия.

Так, чилийские ученые предложили принципиально новый взгляд на устройство живых систем и протекание взаимодействия между ними. *Теория аутопоэза*, также известная как теория самоорганизации, впервые предложила взглянуть на взаимодействие, в целом, и коммуникативный акт как его неотделимую составляющую, в частности, не как на отношения между двумя системами, описание которых происходит с позиции наблюдателя (то есть третьего лица, не участвующего в коммуникативном акте), а как на взаимодействие системы со средой, частью которой является, в том числе, и другая система. При таком подходе позиция наблюдателя исчезает, а взаимодействие рассматривается изнутри. Ученые предлагают взглянуть на существование живых организмов с новой точки зрения. Прежде всего, авторы поднимают вопрос о том, что есть живая система, и какие параметры позволяют относить ее именно к данному типу систем. Авторы называют живым организмом имеющую временные и пространственные границы сеть процессов, направленных на производство компонентов, аналогичных тем, что составляют этот организм [1]. А.Г. Сонин подчеркивает, что «особенность данного определения состоит в том, что привычное в таких случаях указание на субстанциональные основания различия живого и неживого и традиционное перечисление заданного списка свойств заменяется акцентуацией процессуального аспекта сущности живой системы» [2, с. 30].

У. Матурана и Фр. Варела утверждают, что сам механизм превращения живых существ в автономные системы представляет собой аутопоэз (самоорганизацию). Под *аутопоэзом* авторы теории понимают стремление живой системы к поддержанию собственной организации при возможной необходимости структурных изменений в результате взаимодействия с окружающей средой. Следует отметить, что структура и организация живых систем представляют собой

принципиально разные характеристики живой системы: структура живой системы включает в себя такие компоненты и отношения, которые формируют конкретную систему и благоприятствуют поддержанию ее организации. Организация, в свою очередь, представляет собой такие отношения, которые образуются между компонентами живой системы с той целью, чтобы ее можно было отнести к определенному классу [3].

Так, организация становится постоянным, обязательным, инвариантным условием каждой отдельно взятой системы, позволяющим выявить ее принадлежность к классу, в то время как структура свойственна конкретной живой системе и может видоизменяться, что является регулярным при взаимодействии данной живой системы со средой. Среда представляет собой область взаимодействий живой системы с любыми другими объектами, а также с другими живыми системами. Исходя из этого, можно постулировать о том, что живая система вступает во взаимодействие со средой, частью которой является другая система, а не с другой системой как таковой.

Авторы аутопоэтической концепции утверждают, что взаимодействия между системой и средой состоят из взаимных возмущений. Во время таких взаимодействий структура окружающей среды запускает структурные изменения в аутопоэтических системах, однако не определяет их и не управляет ими, и наоборот, структурные изменения в живых системах служат толчком к формированию структурных изменений в среде. В данной ситуации и среда, и живая система функционируют в качестве источников взаимных возмущений, активизирующих изменения состояния. Авторы концепции определили данный непрерывный процесс как «структурное сопряжение». При этом, как утверждают ученые, данное взаимодействие необратимо приводит к структурным изменениям как в живой системе, так и в среде. Структурное со-

пряжение всегда двусторонне, таким образом, можно говорить о том, что преобразования претерпевают и живая система, и конструируемая ею среда. А.Г. Сонин подчеркивает, что «такие воздействия по определению не могут повлиять на характер изменений, способ их протекания» [2, с. 31], и утверждает, что общее направление изменений задается организацией системы. Любое структурное изменение, осуществляющее в живой системе, с необходимостью ограничено сохранением аутопоэза данной системы. Изменения, ведущие за пределы организации, заканчиваются крахом системы или переходом ее на другой уровень. Непрерывное структурное изменение живых систем с сохранением их самоорганизации происходит в каждый момент времени, постоянно, многими способами одновременно. Постоянное структурное изменение в системе и в среде (в связи с постоянным стремлением к равновесию) неизбежно приводит к эволюции и того, и другого. При этом живая система обладает такими свойствами, как самоорганизация, адаптивность и структурная пластичность. Важным моментом является то, что порождаемая структурная перестройка неизбежно приводит к изменению сценария ее дальнейшего существования в среде, а, следовательно, изменяется и качество среды. В результате отношения между системой и средой меняются, и последующие структурные изменения, которые они вызывают друг в друге, тоже меняются [2, с. 35]. Факт наличия подобных постоянных изменений позволяет говорить о стремлении к совместимости системы и среды, подстраивании их друг под друга, что У. Матурана и Фр. Варела назвали адаптацией. Следовательно, следствием структурного сопряжения с окружающей средой является адаптация живой системы к окружающей среде.

Принципиально важным в теории аутопоэза является тот факт, что чилийские ученые предложили отказаться от

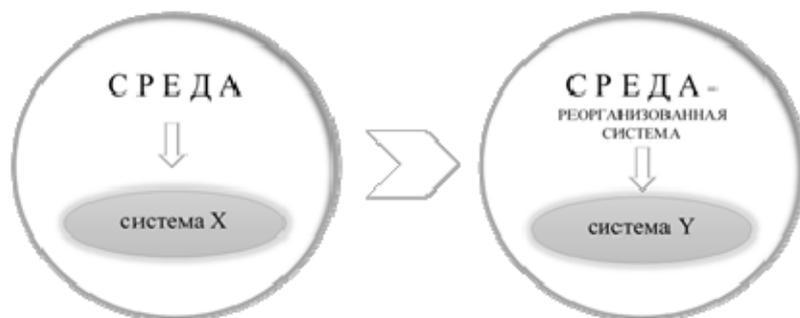
рассмотрения коммуникации как взаимодействия между двумя или несколькими участниками коммуникативного акта, а значит, отказаться от позиции наблюдателя. С позиции теории аутопоэза, коммуникация представляется как внутреннее сопряжение между живой системой (коммуникантом) и средой. Характер восприятия окружающего пространства и оценивание факторов как релевантных, менее релевантных и нерелевантных осуществляется собственно живой системой. Ввиду того, что структура (внутреннее устройство) каждой живой системы отличается от структуры других систем, можно утверждать, что среда и иерархия средовых факторов у каждой системы свои. Введенное ими понятие аутопоэза рассматривает жизнедеятельность системы как постоянное поддержание ее организации при возможной необходимости структурных изменений в результате взаимодействия с окружающей средой.

Согласно авторам теории аутопоэза, в основании взаимодействия между системой и средой лежит *принцип рекурсивности*. У. Матурана определяет принцип рекурсивности как повторяющийся характер взаимодействия двух или более организмов, обладающих структурной пластичностью, при котором один организм выступает средой для реализации аутопоэза другого организма [4, с. 47]. Система структурно изменяется, подстраиваясь под условия окружающей среды, и этот процесс повторяется постоянно. Так, коммуницируя со средой, система эволюционирует на каждом новом этапе рекурсивного взаимодействия в силу того, что она регулярно взаимодействует с конструируемой ею средой.

Опираясь на фундаментальные постулаты теории аутопоэза и методологически обработав их для анализа коммуникации, предлагаем рассматривать интернет-взаимодействие как взаимодействие коммуниканта со средой, частью которой является, в том числе, и другой

коммуникант / другие коммуниканты. При таком подходе роль наблюдателя исчезает, а взаимодействие рассматривается изнутри. Это позволяет абстрагироваться от анализа интересубъектного взаимодействия и изучать непосредственно сам процесс коммуникации. Так, каждый участник интернет-общения является живой системой и одновременно частью среды другого участника. Во время взаимодействия он изменяет свою структуру, адаптируясь к выстроенной им окружающей среде, частью которой является другой участник. В результате структурного изменения одной системы среда, выстраиваемая другой системой, также претерпевает изменения, в результате чего эта система также будет вынуждена подстраиваться под новую среду и структурно изменяться. Таким образом, теория аутопоэза предоставляет возможность описывать коммуникацию как не дискретный динамический процесс, определяемый стремлением каждого участника коммуникации поддерживать баланс со средой, что, в свою очередь, требует постоянной адаптации к среде. Видение

коммуникации как стремления коммуниканта адаптироваться позволяет рассматривать взаимодействие с учетом индивидуальных свойств каждого коммуниканта, то есть его структуры, и учитывать факторы, которые зачастую остаются латентными для стороннего наблюдателя. Тот факт, что среда не является постоянной, а меняется вместе с изменениями в структуре коммуниканта, дает возможность создать гибкую и динамическую модель, которая отражает сущность коммуникации в интернет-пространстве. При рассмотрении поведения коммуникантов на форуме с позиции теории аутопоэза можно говорить о том, что адаптация является основной деятельностью коммуникантов и одновременно двигателем взаимодействия. Описанный выше принцип рекурсивности позволяет рассматривать коммуникацию как последовательность однотипных действий, вне зависимости от того, участвуют ли в ней два человека или более. Таким образом, модель коммуникации в Интернете в упрощенном виде можно изобразить следующим образом (рис. 1).

Рис. 1. Упрощенная модель коммуникации (с опорой на теорию аутопоэза)

Fig. 1. Simplified communication model (based on the autopoiesis theory)

Принцип взаимодействия в упрощенном виде можно описать следующим образом: со стороны среды исходят стимулы, нарушающие ее баланс с системой (усл. Система X), что вынуждает систему адаптироваться посредством реорганизации; реорганизованная система, в свою очередь, становится новой средой для

другой системы (усл. Система Y), что снова приводит к дисбалансу. Участник интернет-взаимодействия, выступающий в качестве системы в представленной модели, выстраивает свою среду, в которую включается некоторое количество интересных ему других коммуникантов и линий обсуждения на форуме. При этом

участник определенным образом ранжирует эти компоненты среды, создавая свою уникальную иерархию средовых факторов, ориентируясь на которые, он осуществляет коммуникативное поведение. Поскольку интернет-форум представляет собой очень гибкое и сложно организованное пространство, любые действия со стороны участников интернет-коммуникации приводят к изменениям этого пространства, что, в свою очередь, приводит к ответным изменениям в участниках этой коммуникации. Задействовав свои адаптационные механизмы, система реорганизуется, и такая реорганизация вынуждает других участников

форума также осуществлять адаптацию, так как изменившаяся система выступает средой для других систем/коммуникантов. При этом адаптация постоянно вынуждает коммуниканта не просто перестраиваться, а повышать, либо понижать свой уровень организации в зависимости от уровня взаимодействующей с ним системы. В связи с этим имеет смысл утверждать, что коммуникация на форуме носит не просто циклический, а спиралевидный характер, в ходе которого происходит ряд изменений в уровне организации систем, как показано на схеме ниже (рис. 2).

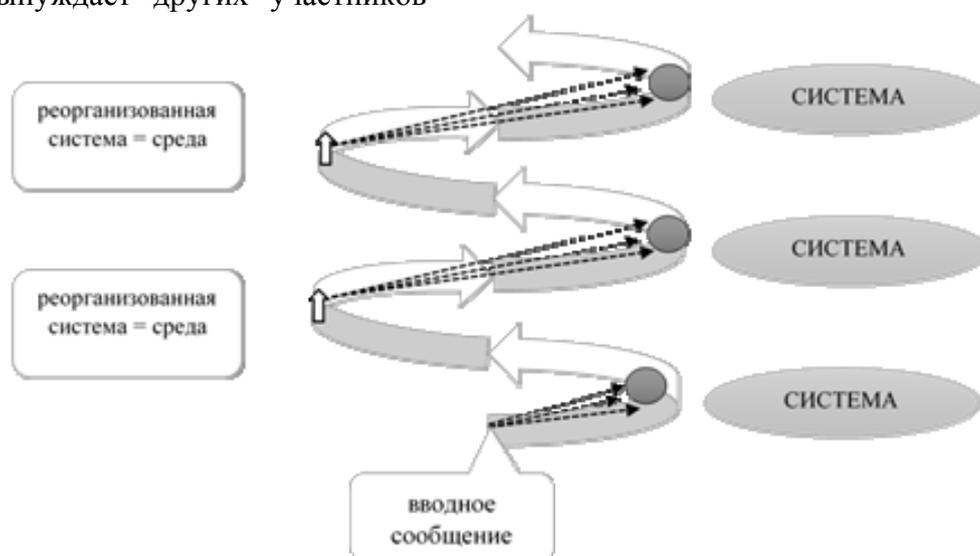

Рис. 2. Принцип коммуникативного взаимодействия (с опорой на теорию аутопоэза)

Fig. 2. The principle of communicative interaction (based on the autopoiesis theory)

Отправной точкой коммуникации (точкой рекурсивности) на форуме можно считать первое вводное сообщение. Оно задает тему обсуждения, ставит перед коммуникантами вопрос или проблему и, как правило, предоставляет коммуниканту информацию, необходимую для первичного понимания темы. Коммуникант, пришедший на форум и увидевший первое сообщение, подстраивается под заданные рамки и в перспективе оставляет ответное сообщение на форуме. Следующий коммуникант, или новый участ-

ник форума, или автор вводного сообщения, в свою очередь, подвергается воздействию среды, которой для него выступают уже два сообщения. И далее взаимодействие на форуме развивается посредством подобных влияний и ответных перестроений. Хотя на некоторых форумах имеется практика закрытия темы, в большинстве случаев коммуникация в Интернете не имеет конечной точки: любой человек может в любой момент присоединиться к форуму как новый участник или вернуться на него по истечении

определенного времени. Стоит отметить, что коммуниканты, оказавшись на одном и том же форуме, тем не менее, ведут себя не одинаково, прибегая к разным стратегиям поведения при, казалось бы, общих для всех условиях. Данное явление связано с тем, что коммуникант выбирает формат поведения, исходя из своей индивидуальной, выстроенной им иерархии факторов, которая и составляет его среду. Таким образом, объективной реальности в интернет-пространстве не существует, а восприятие среды у каждого коммуниканта будет субъективно и уникально.

Иерархия факторов выстраивается на основе характеристик системы, определяющих ее способность к адаптации, к которым на данный момент можно с уверенностью отнести языковую способность, активность и структуру коммуниканта, которую, в частности, составляют фоновые знания коммуниканта и используемые им психические операции. Данный набор параметров не является исчерпывающим, но он представляется наиболее стабильным при рассмотрении адаптационных механизмов коммуникантов.

Языковая способность субъекта коммуникации определяет его ориентированность на содержание, структуру, стилистику речевых действий, составляющих интернет-коммуникацию, а также учет этих характеристик при выстраивании собственного ответного речевого действия. Под языковой способностью понимается степень владения языком коммуникации, уровень понимания чужих сообщений, а также умение коммуниканта адаптироваться в среде, опираясь на свое владение языком [5]. При изучении данного аспекта адаптации принимаются во внимание, прежде всего, языковые средства, используемые коммуникантами, синтаксические структуры текстов и их лексическое наполнение.

Под активностью понимается степень вовлеченности участника в коммуникативный процесс и его стремление к

поддержанию/не поддержанию общения [6]. Представляется, что активность бывает конструктивной и деструктивной. В первом случае коммуникант стремится в полной мере реагировать на предложенное ранее сообщение. Такие комментарии будут информативны и будут логически встраиваться в ход дискуссии, нередко аргументированы и подкреплены ссылками или информативными вставками. Все это указывает на стремление коммуниканта способствовать развитию обсуждения и развитию заданного направления дискуссии. Для участников форума, придерживающихся конструктивной коммуникации, приоритетом является непосредственно дискуссия и обсуждаемый вопрос. Во втором случае сообщения коммуниканта несколько расходятся или вообще не соотносятся с заданной темой, что может быть вызвано рядом факторов (недостаточное знание языка, низкий уровень понимания представленного сообщения или стремление к самопрезентации, а именно мнение о первостепенной важности своей личности и имиджа в сравнении с темой обсуждения). Такой тип коммуникации принято называть деструктивным, потому что он, как правило, затормаживает, а иногда и полностью останавливает развитие обсуждения.

Структурность представляет собой самый комплексный и сложный по своему содержанию аспект адаптации. В сущности, под структурностью понимаются определенные характеристики того или иного коммуниканта: перцептивно-когнитивно-аффективная база (термин А.А. Залевской), прошлый коммуникативный опыт, степень сформированности психических операций и пр.

В настоящем исследовании представляется релевантным рассматривать такие явления, как фоновое/фактическое знание и психические операции, которые применяет коммуникант при совершении ответного речевого действия, являющиеся наиболее очевидными проявлениями структурности. Под фоновым знанием

понимается владение информацией, непосредственно связанной с заданной в обсуждении темой (знание дат и исторических событий, основных действующих лиц, основных закономерностей и пр.). Наличие знания по теме обсуждения предоставляет коммуниканту больше возможностей для продолжения коммуникации. Коммуникант, располагающий этой информацией, может успешно поддерживать общение с другими участниками общения, подкрепляя свои утверждения фактами, равно как и сам задавать дальнейшее направление обсуждения, предлагая новую информацию по теме, способную сдвинуть курс беседы. Применение разнообразных психических операций (анализ, синтез, сравнение, генерализация, абстрагирование и пр.), в свою очередь, указывает на вариативность возможных стратегий поведения, к которым коммуникант может прибегнуть, оказавшись в той или иной ситуации общения. Следует отметить, что, по мнению А.А. Залевской, «все виды психической деятельности функционируют в ансамбле, т.е. такие психические процессы, как мышление, речь, память, восприятие и др., онтологически вообще не существуют как отдельные обособленные акты, они искусственно разграничиваются в целях научного анализа, хотя в жизнедеятельности человека «все состоит из всего». Таким образом, следует помнить о том, что для продуцирования ответной реакции коммуникант проводит одновременно целый комплекс когнитивных операций» [7].

Языковая способность, активность и структура системы взаимосвязаны, и характеристики одного параметра неизбежно влияют на характеристики других параметров. Так, например, низкий уровень сформированности языковой способности коммуниканта может сказываться на его активности, в большинстве случаев снижая ее ввиду низкого качества понимания исходных сообщений и ограни-

ченной способности составлять ответные комментарии. Тем не менее, если при этом фоновые знания коммуниканта по обсуждаемому вопросу настолько широки, что позволяют ему не отказываться от участия в дискуссии, он вопреки незначительной языковой способности сможет участвовать в форуме, тем самым повышая свою активность.

Таким образом, теория аутопоза, преломленная для изучения коммуникативного поведения участников форумов и чатов, позволяет рассматривать коммуникацию в виртуальном пространстве с принципиально новой точки зрения. Коммуникант, являясь живой системой, выстраивает собственную среду, так или иначе иерархизируя ее компоненты. Иерархия факторов зависит от целей и потребностей системы в конкретный момент времени, а также от сложности этой живой системы. Здесь стоит еще раз подчеркнуть, что в рамках теории аутопоза понятие объективной реальности не представляется релевантным: каждый коммуникант обладает своей субъективной реальностью, которая выстраивается, исходя из его индивидуальных характеристик, и меняется каждый раз, когда меняется структура этой живой системы (коммуниканта). Взаимодействие системы и среды (ввиду постоянной изменчивости, как первого, так и второго) приводит к тому, что они постоянно подстраиваются друг под друга с целью восстановить баланс. Описание коммуникативного поведения участника интернет-коммуникации как постоянной адаптации дает возможность говорить о бесконечности и недискретности коммуникации в Интернете. В связи с этим представляется обоснованным применять теорию аутопоза в качестве методологической базы для построения новой динамической модели интернет-коммуникации.

Инструментом адаптации коммуниканта выступают коммуникативные стратегии, к которым он прибегает в процессе

взаимодействия. Вариативность стратегий и предпочтение одних схем поведения другим определяется структурой коммуниканта. При этом предполагается, что сочетание определенных параметров системы с параметрами среды может вынудить коммуникантов к выбору из ограниченного набора стратегий.

С целью верификации и применения аутопоэтической динамической модели интернет-коммуникации к анализу языкового материала представляется целесообразным провести экспериментальное исследование, направленное на изучение характера реализации языковой способности в интернет-коммуникации [8]. Проведение экспериментального исследования планируется с участием двух экспериментальных групп испытуемых, состоящих из носителей английского языка и русскоязычных билингвов, владеющих английским языком на высоком уровне.

В ходе эксперимента планируется выявить различия в ответной реакции носителя английского языка и русскоязычного билингва. Предполагается, что билингвы ввиду своих особенностей языковой способности могут допускать ряд коммуникативных ошибок, которые при этом не будут распознаваться носителями и могут быть восприняты как намеренное стремление нарушить логику коммуникативного взаимодействия и спровоцировать конфликт. Таким образом, допускается, что в ситуации, когда общение протекает между носителем языка и билингвом с недостаточной в прагматическом аспекте степенью сформированности языковой способности, ошибка в выборе ответной стратегии может привести к дальнейшему конфликту между коммуникантами. Из этого вытекает гипотеза о том, что при недостаточной степени сформированности языковой способности, заключающейся в незнании культурно-обусловленных стратегий поведения в заданных условиях, коммуникант будет некорректно подбирать ответную коммуникативную стратегию.

Данная гипотеза может быть верифицирована с помощью задания, содержащего в себе текст (аутентичный комментарий), отобранный на англоязычном интернет-форуме. Ввиду того, что текст будет отобран на узкоспециализированном интернет-форуме, он может включать большое количество профессиональных терминов и требовать для его понимания специализированных знаний, которыми среднестатистический участник интернет-общения вряд ли обладает. При этом текст должен быть написан в разговорном стиле и являться типичным примером комментария на интернет-форуме. Предполагается, что испытуемые должны прочитать данный текст и оставить ответный комментарий, как если бы они были участниками данного интернет-форума. С целью выявления потенциальных культурно-обусловленных расхождений возможно сопоставление ответных комментариев носителей английского языка и русскоязычных билингвов, показавших высокий уровень сформированности языковой способности.

Выводы

Рассмотрение коммуникации с позиции теории аутопоэза позволяет выявлять причинно-следственные связи в поведении коммуникантов и говорить о коммуникативном акте как о процессе с несколькими допустимыми вариантами развития. Адаптация как основа всей деятельности коммуникантов дает возможность говорить о поведении участников интернет-форумов и чатов с точки зрения их индивидуальных характеристик, интересов и ценностей, а не рассматривать их как составные элементы фиксированной схемы взаимодействия. Коммуникация, в целом, рассматривается уже как гибкий динамичный процесс с большим количеством возможных путей развития. Многие составляющие адаптации по-прежнему остаются неизученными, в связи с чем необходимо провести ряд исследова-

ний, направленных на выявление параметров системы, которые потенциально могут служить адаптационными механизмами системы или в той или иной степени влиять на выбор дальнейшей линии коммуникативного поведения. Таким образом, в дальнейшем предполагается

подготовить и провести экспериментальное исследование, позволяющее более глубоко изучить факторы, обуславливающие коммуникативное поведение в интернет-пространстве, условия их реализации, а также взаимосвязи между ними.

Список литературы

1. Maturana H.R. *Autopoiesis and Cognition*. Dordrecht, Holland: D. Reidel, 1980. P. 13–90.
2. Сонин А.Г. Теория аутопозеза и когнитивная лингвистика // *Современные парадигмы языкознания*. М.: АСОУ, ИНИОН РАН, 2010. С. 24–44.
3. Матурана У. *Древо познания*. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
4. Матурана У. *Биология познания* // *Язык и интеллект: сб. научных трудов: [пер. с англ. и нем.] / сост. и вступ. ст. В.В. Петрова*. М.: Прогресс, 1995. С. 95–142.
5. Абдульмянова (Газиева) Д.Р. Активность коммуниканта как основа взаимодействия в интернет-пространстве // *Слово и текст: психолингвистический подход*. 2014. №14. С. 234–236.
6. Абдульмянова (Газиева) Д.Р. Исследование динамических параметров интернет-коммуникации: языковая способность (по результатам эксперимента) // *Вестник КемГУ*. 2015. Вып. 3 (63). Т. 1. С. 146–151.
7. Залевская А.А. *Введение в психолингвистику*. М.: РГГУ, 1999. 382 с.
8. Сулейманова О.А., Фомина М.А., Тивьяева И.В. *Принципы и методы лингвистических исследований*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Языки Народов Мира, 2020. 352 с.
9. Тарева Е.Г., Викулова Л.Г., Макарова И.В. Инновационное моделирование кейсов по межкультурной коммуникации // *Бизнес. Образование. Право*. 2018. № 4 (45). С. 398–404.
10. Щепилова А.В. Учет фактора адресата в современном образовательном дискурсе // *А.В. Щепилова, О.А. Сулейманова, М.А. Фомина, А.А. Водяницкая // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2017. № 3 (27). С. 68–82.
11. Манаенко Г.Н. Дискурс и лингвистические параметры его описания // *Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия*. М.: Ленанд, 2018. С. 17–30.

References

1. Maturana H.R. *Autopoiesis and Cognition*. Dordrecht, Holland: D. Reidel, 1980, pp. 13–90.
2. Sonin A.G. *Teoriya autopoeza i kognitivnaya lingvistika [The theory of Autopoiesis and Cognitive Linguistics]*. *Sovremennye paradigmy yazykoznanija [The Modern Paradigms of Linguistics]*. Moscow, ASOU. INION RAN Publ., 2010, pp. 24–44.
3. Maturana U. *Drevo poznaniya [The Tree of Knowledge]*. Moscow, Progress-Tradicia Publ., 2001. 224 p.
4. Maturana U. *Biologiya poznaniya [The Biology of Cognition]*. *Yazyk i intellect. Sb. nauchnyh trudov [Language and Intellect. Collection of Scientific Works]*. Moscow, Progress Publ., 1995, pp. 95–142.

5. Abdul'mianova (Gaziyeva) D.R. Aktivnost' kommunikanta kak osnova vzaimodejstviya v internet-prostranstve [Communication activity as a vital component of Internet-communication]. *Slovo i tekst: psiholingvisticheskiy podhod = Word and Text: Psycholinguistic Approach*, 2014, no. 14, pp. 234–236.

6. Abdul'mianova (Gaziyeva) D.R. Issledovanie dinamicheskikh parametrov internet-kommunikacii: yazykovaya sposobnost' (po rezul'tatam eksperimenta) [Analysis of dynamic parameters of internet-communication: linguistic capacity (experimental data)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2015, no. 3 (63), vol. 1, pp. 146–151.

7. Zalevskaya A.A. *Vvedenie v psiholingvistiku* [Introduction into Psycholinguistics]. Moscow, RGGU Publ., 1999. 382 p.

8. Sulejmanova O.A., Fomina M.A., Tiv'yaeva I.V. *Principy i metody lingvisticheskikh issledovanij* [The Principles and Methods of Linguistic Studies]. Moscow, Yazyki Narodov Mira Publ., 2020. 352 p.

9. Tareva E.G., Vikulova L.G., Makarova I.V. Innovacionnoe modelirovanie kejsov po mezhkul'turnoj kommunikacii [Innovative Modeling of Cases on Intercultural Communication]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*, 2018, no. 4 (45). pp. 398–404.

10. Shchepilova A.V., Sulejmanova O.A., Fomina M.A., Vodyanickaya A.A. Uchet faktora adresata v sovremennom obrazovatel'nom diskurse [Taking into Account the Addressee Factor in Modern Educational Discourse]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoje obrazovanie = Bulletin of Moscow City University. Phylology. The Theory of Language. Language Education*, 2017, no. 3 (27), pp. 68–82.

11. Manaenko G.N. Diskurs i lingvisticheskie parametry ego opisaniya [Discourse and Linguistic Parameters]. *Diskurs kak universal'naya matrica verbal'nogo vzaimodejstviya* [Discourse as a Universal Matrix of Verbal Interaction]. Moscow, Lenand Publ., 2018, pp. 17–30.

Информация об авторе / Information about the Author

Абдульмянова Диана Рустамовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: diana-gazieva@mail.ru

Diana R. Abdulmianova, Cand. of Sci. (Philologica), Senior Lecturer in Linguistics and Translation Studies Department, Moscow City University, Moscow, Russian Federation
e-mail: diana-gazieva@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 811.112.2`36

**Инструментальный таксис в контексте межкуатегориального взаимодействия
(на материале немецкого языка)****И. В. Архипова¹** ✉

¹Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллюйская, д. 28, г. Новосибирск 630126, Российская Федерация

✉ e-mail: irarch@yandex.ru

Резюме

Проблема межкуатегориального взаимодействия и взаимообусловленности функционально-семантических категорий таксиса и инструментальности остается сегодня вне поля научного рассмотрения современных языковедов.

Целью настоящей статьи является описание вопроса межкуатегориального взаимодействия функционально-семантической субкатегории таксиса одновременности и категории инструментальности в контексте языковой репрезентации инструментально-таксисных категориальных ситуаций одновременности в современном немецком языке.

Основными задачами настоящего исследования явились описание различных инструментально-таксисных категориальных ситуаций одновременности (регулятивных, исполнительских, результативных) и определение их прототипических элементов (инструментальных предлогов, каузативных глаголов целенаправленного физического / психического воздействия, акциональных / процессуальных деевербатов и др.)

В процессе исследования применялись следующие общенаучные и лингвистические методы: описательный, контекстуальный, а также приемы компонентного и дистрибутивного анализа в рамках структурного метода.

В ходе исследования было установлено, что межкуатегориальное взаимодействие категорий таксиса и инструментальности является фактором, детерминирующим конституирование инструментально-таксисного семантического синкрет-комплекса одновременности в немецких высказываниях с таксисными предлогами инструментальной семантики.

В результате исследования были выделены различные инструментально-таксисные категориальные ситуации одновременности, актуализируемые в высказываниях с политаксисными и монотаксисными предлогами инструментальной семантики mit, durch, unter, mittels и per.

В качестве прототипических конституентов инструментально-таксисных категориальных ситуаций одновременности в немецком языке были определены таксисные маркеры инструментальной семантики, а также каузативные глаголы целенаправленного физического или психического воздействия и акциональные / процессуальные деевербаты, выступающие, в свою очередь, в качестве таксисных актуализаторов.

Ключевые слова: таксис; инструментальный таксис; инструментальность; инструментально-таксисная категориальная ситуация; сопряженная инструментально-таксисная категориальная ситуация; инструментально-таксисный синкрет-комплекс; таксисные маркеры; таксисные актуализаторы.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Архипова И. В. Инструментальный таксис в контексте межкуатегориального взаимодействия (на материале немецкого языка) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 2. С. 43-50.

Статья поступила в редакцию 22.12.2021

Статья подписана в печать 12.04.2022

Статья опубликована 30.06.2022

© Архипова И. В., 2022

Instrumental Taxis in the Context of Inter-Categorical Interaction (Based on the Material of the German Language)

Irina V. Arkhipova¹ ✉

Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vilyuiskaya str., Novosibirsk 630126, Russian Federation

✉ e-mail: irarch@yandex.ru

Abstract

The problem of inter-categorical interaction and interdependence of functional-semantic categories of taxis and instrumentality remains today outside the field of scientific consideration of modern linguists.

The purpose of this article is to describe the issue of intercategory interaction of the functional-semantic subcategory of taxis of simultaneity and the category of instrumentality in the context of linguistic representation of instrumental-taxis categorial situations of simultaneity in modern German.

The main objectives of this study were the description of various instrumental-taxis categorial situations of simultaneity (regulatory, performing, effective) and the determination of their prototypical elements (instrumental prepositions, causative verbs of purposeful physical / mental impact, actional / procedural deverbatives, etc.)

During the research, the following general scientific and linguistic methods were used: descriptive, contextual, classification method, as well as techniques of component and distributive analysis.

In the course of the study, it was found that the intercategory interaction of the categories of taxis and instrumentalities is a factor that determines the constitution of the instrumental-taxis semantic syncret-complex of simultaneity in German statements with taxis prepositions of instrumental semantics.

As a result of the study, various instrumental-taxis categorial situations of simultaneity were identified, which are actualized in statements with polytaxis and monotaxis prepositions of instrumental semantics mit, durch, unter, mittels and per.

Taxis markers of instrumental semantics, as well as causative verbs of purposeful physical or mental impact and actional / procedural deverbatives, acting, in turn, as taxis actualizers, were identified as prototypical constituents of instrumental-taxis categorial situations of simultaneity in German.

Keywords: *taxis; instrumental taxis; instrumentality; instrumental-taxis categorial situation; interconnected instrumental-taxis categorial situation; instrumental-taxis syncret complex; taxis markers; taxis actualizers.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Arkhipova I. V. Instrumental Taxis in the Context of Inter-Categorical Interaction (Based on the Material of the German Language). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(2): 43–50 (In Russ.).

Received 22.12.2021

Accepted 12.04.2022

Published 30.06.2022

***

Введение

Категория таксиса и инструментальности освещались в ряде работ отечественных лингвистов, в том числе, в аспекте актуализации инструментальных и каузативных категориальных ситуаций [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8].

Однако без должного внимания до сих пор оставался вопрос межкатегори-

ального взаимодействия данных функционально-семантических категорий, чем и обусловлен наш исследовательский интерес.

Результаты и обсуждение

Функционально-семантическое поле таксиса и поле инструментальности обнаруживают тесную межкатегориальную

взаимосвязь. Данная межкатегориальная взаимосвязь детерминирует актуализацию инструментально-таксисных категориальных значений одновременности и репрезентирована в различных разновидностях инструментально-таксисных категориальных ситуаций одновременности.

Межкатегориальное взаимодействие данных функционально-семантических категорий выступает в качестве интегрирующего фактора, способствующего образованию инструментально-таксисного семантического синкрет-комплекса.

Инструментально-таксисные категориальные ситуации одновременности актуализируются в инструментально-таксисном семантическом синкрет-комплексе, репрезентирующим хронологическое отношение одновременности обозначаемых действий или процессов.

В современном немецком языке в качестве маркеров инструментально-таксисной категориальной семантики одновременности выступают политаксисные предлоги *mit*, *durch*, *unter* в инструментальном значении и монотаксисные инструментальные предлоги *mittels* и *per*. Девербативы в сочетании с вышеуказанными таксисными маркерами инструментальной семантики выступают в роли таксисных актуализаторов и языковых репрезентантов инструментально-таксисных категориальных ситуаций одновременности.

Функционально-семантическое поле инструментальности конституируется двумя субполями: субполем «средство-предмет-орудие» и субполем «средство-непредмет-способ» [8, с. 146]. Предметное субполе (средство-предмет-орудие) номинирует материальные предметы, инструменты или орудия, предназначенные для целенаправленного физического воздействия. Непредметное субполе (средство-непредмет-способ) предполагает языковую репрезентацию непредметного (процессуального) действия-способа, например:

Die Hölzer werden auf der Ziehbank eingespannt und erhalten durch Schneiden *mit dem Schneidmesser* ihre Form [9].

... die Anfertigung derselben erfolgt durch Schneiden oder *Reißen* [9].

В приведенных выше высказываниях немецкого языка номинированы инструментально-таксисные категориальные ситуации одновременности, включающие языковую репрезентацию непредметного (процессуального) действия-способа (см. девербативы *durch Schneiden mit dem Schneidmesser*, *durch Schneiden oder Reißen*).

В качестве прототипических компонентов инструментально-таксисных категориальных ситуаций одновременности в немецких высказываниях с таксисными предлогами инструментальной семантики *mit*, *durch*, *unter*, *mittels*, *per* выступают:

(1) акциональные и процессуальные девербативы (*das Ziehen*, *das Drücken*, *das Öffnen*, *das Schließen*, *das Biegen*, *das Falzen*, *das Heben*, *das Schneiden*, *das Löten*, *das Kleben*, *das Zerren*, *das Föhnen*, *das Stanzen*, *das Senken*, *das Sägen*, *das Fräsen*);

(2) политаксисные и монотаксисные предлоги инструментальной семантики *mit*, *durch*, *unter*, *mittels* и *per*;

(3) каузативные глаголы с семантикой психического или физического воздействия (*herstellen*, *betätigen*, *reduzieren*, *durchleiten*, *lenken*, *abstimmen*, *Druck ausüben*), например:

Das Wasser *übt durch das Heben und Senken des Kessels Druck* auf die Blätter *aus* [10].

Danach *stimmten sie durch einfaches Heben der Bierflasche darüber ab*, wer sich zu den Platzeck-Tugenden bekenne [10].

Beim Schubtrieb-Anlasser, der einfacheren Bauart, *wird durch das Drücken auf den Fußknopf* ein Gabelhebel *betätigt*, der das unter Federzug stehende Ritzel in den Zahnkranz einspuren läßt [10].

Durch Zerren an den Armen und Beinen wurden drei Gliedmaßen vom Rumpf abgetrennt [10].

Nach den Vorgaben von Architekten und Bauherren *stellen* sie die Bauteile aus Blechen etwa *durch Biegen, Falzen, Schneiden und Löten her* bzw. bringen vorgefertigte Blechteile in die passende Form [10].

Durch Kleben wird die Wärme von Fußbodenheizungen viel schneller und effizienter in den Raum *durchgeleitet*, da zwischen Belag und Untergrund keine isolierende Luftschicht entsteht [10].

Das Uhrwerk *wird durch Stanzen, Sägen* oder *Fräsen* so weit *reduziert*, dass Aussparungen den Blick in das Innenleben der Uhr freigeben [10].

В приведенных выше высказываниях в качестве прототипических конститuentов инструментально-таксисных категориальных ситуаций одновременности выступают политаксисные инструментальные предлоги *mit* и *durch*, а также целенаправленные глаголы физического воздействия *betätigen, abstimmen, abtrennen, herstellen, durchleiten, reduzieren* и аналитическая глагольная конструкция *Druck ausüben*. В качестве таксисных актуализаторов при условии сочетания с инструментальными предлогами выступают следующие девербативы: *durch das Heben und Senken des Kessels, durch einfaches Heben der Bierflasche, durch das Drücken auf den Fußknopf, durch Zerren an den Armen und Beinen, durch Biegen, Falzen, Schneiden und Löten, durch Kleben, durch Stanzen, durch Sägen*.

Инструментальная категориальная ситуация может быть реализована как регулятивная, исполнительская и результативная, выступая как: «цель-средство», «целенаправленное действие – средство его осуществления» или «средство-результат» [8, с. 38–39].

При актуализации исполнительской инструментально-таксисной категориальной ситуации одновременности с семантикой «целенаправленное действие – средство его осуществления» возможен синкретизм инструментального значения и обстоятельственного значения образа действия или манеры его протекания или

совершения. В таких высказываниях немецкого языка актуализируются сопряженные модально-инструментально-таксисные категориальные ситуации одновременности. Ср.:

«Nur *durch richtiges Föhnen* erhalten die Haare Volumen, Glanz und Spannkraft», sagt Kevin [10].

Die dabei vorgenommene Grundeinstellung wird während des Wettbewerbs nach Auswertung des Trefferbildes durch das Drehen *am Diopter* angepasst [9].

Hier entsteht *durch das Schneiden der Ränder der frei gedrehten Gefäße* ein leicht unregelmäßiger, dynamisch wirkender Korpus [9].

В приведенных выше высказываниях немецкого языка актуализируются так называемые исполнительские инструментально-таксисные категориальные ситуации одновременности «модального» характера. В качестве таксисных актуализаторов выступают девербативы *durch richtiges Föhnen, durch das Drehen am Diopter, durch das Schneiden der Ränder der frei gedrehten Gefäße*.

При репрезентации результативной инструментально-таксисной ситуации одновременности с семантикой «средство-результат» обнаруживается межкатегориальное взаимодействие инструментальности и каузальности, в результате чего обследованные высказывания могут демонстрировать синкретизм инструментально-таксисных и каузальных категориальных значений. В таких высказываниях немецкого языка актуализируются сопряженные каузально-инструментально-таксисные категориальные ситуации одновременности, например:

Es erhält aber Glanz und Schwung *durch regelmäßiges Schneiden und durch die Anwendung von speziellen Pflegeprodukten wie Haarkuren* [10].

В приведенном выше высказывании немецкого языка актуализируется результативная инструментально-таксисная категориальная ситуация одновременности каузального характера. В качестве так-

сисных актуализаторов выступают девербативы в сочетании с таксисным предлогом инструментальной семантики *durch* (см. девербативы *durch regelmässiges Schneiden, durch die Anwendung von speziellen Pflegeprodukten*).

При актуализации регулятивной инструментальной ситуации одновременности в структуре инструментально-таксисного семантического синкрет-субкомплекса одновременности возможен синкретизм инструментального и кондиционального категориального значения, поскольку модель «цель – средство» предполагает следующие варианты ее языковой реализации: «цель – потенциальное средство» и «цель – реальное средство ее осуществления» [8, с. 62]. В высказываниях подобного рода репрезентируются сопряженные кондиционально-инструментально-таксисные категориальные значения одновременности (ср.: глагол *ermöglichen* в качестве дополнительного кондиционального актуализатора и девербативы с инструментальным предлогом *durch*: *durch das automatisierte Öffnen und Schließen der Fenster*). Например:

Sie ermöglichen zum Beispiel eine kontrollierte natürliche Lüftung *durch das automatisierte Öffnen und Schließen der Fenster* bei Bedarf [10].

Дальнейшая субкатегоризация в структуре инструментально-таксисного семантического синкрет-комплекса позволяет выделять медиально-таксисный семантический синкрет-субкомплекс, а медиально-таксисные категориальные ситуации одновременности следует рассматривать при этом как разновидность инструментально-таксисных категориальных ситуаций одновременности.

Прототипическими конституентами медиально-таксисных категориальных ситуаций одновременности в немецких высказываниях с таксисными предлогами медиальной семантики *mit* и *durch*, являются:

(1) девербативы-соматизмы и девербативы-кинемы с акциональным или

процессуальным значением (*das Kopfwiegen, das Kopfschütteln, das Nicken, das Achselzucken, das Kopfnicken* и др.);

(2) каузативные глаголы с семантикой физической, информативной или психической модификации (*bekunden, ermahnen, bestätigen, behaupten, widersprechen, abwehren, widerlegen, auffordern, quittieren, kommentieren*);

(3) глаголы речевой и неречевой коммуникации (*nicken, winken, sagen, erwidern, sprechen, zustimmen* и др.), например:

Zwei andere Frauen *bestätigten* dies mit Kopfnicken [9].

Opfer der Zeitverhältnisse geworden war, *unterstrich* er mit Kopfnicken [9].

Wer den Dichter des Mitleids und der «Weber» ausspielt und kontrastiert gegen den des «Magnus Garbe», oder die Haltung des Achtzigjährigen mit Achselzucken *ablehnt*, der übersieht nicht, daß sich auch dieses Mitleid nicht erschöpft als Programm einer sozialistischen Absicht [9].

Sie *wurde* durch Kopfnicken *des Flick-Gesellschafters*, Wolfgang Pohle, an seiner Seite *unterstrichen*, der damals als Schatzmeister der CSU wohl der engste Vertraute des Parteivorsitzenden war [9].

Die Linke zeigt weniger innerliche Regung als Ypsilanti, die auch später Vieles nonverbal durch Nicken *oder Kopfwiegen kommentiert* [9].

Sie *verneinte* durch Kopfschütteln [9].

В приведенных выше высказываниях немецкого языка актуализируются медиально-таксисные категориальные ситуации одновременности при наличии в них в качестве таксисных маркеров предлогов *mit* и *durch* в медиальном значении.

Девербативы *das Achselzucken, das Nicken, das Kopfnicken, das Kopfwiegen, das Kopfschütteln* взаимодействуют с каузативными глаголами с семантикой целенаправленного психического воздействия, в частности, глаголами *ablehnen, unterstreichen, verneinen, bestätigen* и *kommentieren*.

В немецких высказываниях, содержащих акциональные девербативы *das*

Ziehen, die Aufklärung, die Übernahme, der Gebrauch и др. в сочетании с монотаксисными инструментальными предложениями *mittels, per*, актуализируются инструментально-таксисные и, реже, сопряженные инструментально-каузально-таксисные категориальные ситуации одновременности, например:

Man schließt mittels Gebrauch von *Metaphern* aus der Psychoanalyse des Individuums Neurose, Depression, Wiederholungszwang auf die Gemeinschaft [9].

Wie Sieg oder Niederlage ihre Identitäten formte, wie sich «Meistererzählungen» bildeten, wie mittels Aufklärung oder Staatspropaganda versucht wurde, sich kollektiver Traumata zu entledigen und ein neues Selbstwertgefühl zu erzeugen [9].

Marktanteile werden per Übernahme von *Konkurrenten* schlicht «hinzugekauft» [9].

Kaiser Wilhelm II. erlaubte sie *nur durch das Zureden eines Bekannten* [9].

В приведенных выше высказываниях немецкого языка в качестве актуализаторов различных инструментально-таксисных категориальных ситуаций одновременности, в том числе, сопряженных каузально-инструментально-таксисных и кондиционально-инструментально-таксисных, выступают девербативы *mittels Gebrauch von Metaphern, mittels Aufklärung, per Übernahme von Konkurrenten, durch das Zureden eines Bekannten*. При актуализации кондиционально-инструментально-таксисной категориальной ситуации в качестве дополнительного кондиционального актуализатора выступает контекстуальный элемент *nur* (см. *nur durch das Zureden eines Bekannten*). Инструмен-

тальные предлоги *mittels* и *per* выступают при этом в качестве таксисных маркеров одновременности.

Выводы

Итак, межкатегориальное взаимодействие функционально-семантических категорий таксиса и инструментальности детерминирует конституирование инструментально-таксисного семантического синкрет-комплекса одновременности в немецких высказываниях с политаксисными и монотаксисными предложениями инструментальной семантики.

Таксисные предлоги инструментальной семантики *mit, durch, unter, mittels* и *per* выступают в обследованных высказываниях немецкого языка в качестве маркеров различных инструментально-таксисных категориальных ситуаций одновременности, в том числе, сопряженных с другими значениями (каузальными, кондициональными, финальными и др.).

Помимо таксисных предлогов инструментальной семантики в роли прототипических компонентов инструментально-таксисных категориальных ситуаций одновременности в немецком языке выступают каузативные глаголы целенаправленного физического или психического воздействия, а также девербативы акциональной или процессуальной семантики. Последние, в свою очередь, выполняют функцию таксисных актуализаторов, участвуя в языковой репрезентации различных инструментально-таксисных категориальных ситуаций одновременности в современном немецком языке

Список литературы

1. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Новосибирск, 2020. 173 с.
2. Архипова И.В. Таксис и инструментальность: поликатегориальный семантический комплекс // Мир науки, культуры, образования. 2020. №3 (82). С. 324–325.

3. Бракина В.В. К вопросу о понятийной категории инструментальности в современном английском языке // Вісник Запорізького національного уншверситету. Філологічні науки. 2004. №4. С. 23–27.
4. Кобцева А.В. Категория инструментальности и способы ее экспликации в текстах газетно-публицистического стиля русского и немецкого языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 23 с.
5. Шустова С.В. Актуализация значения инструментальности в каузативной ситуации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2008. № 10. С. 199–202.
6. Шустова С.В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2020. 248с.
7. Ямшанова В.А. Семантическая классификация глаголов целенаправленного действия // Лингвистические исследования 1989. Функционирование грамматических категорий / АН СССР, Ин-т языкознания; редкол.: А. М. Мухин (отв. ред.) [и др.]. М., 1989. С. 196–203.
8. Ямшанова В. А. Категория инструментальности в немецком языке. Л.: Изд-во ЛФЭИ. 1991. 159 с.
9. Dwds – Немецкий корпус. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 10.11.2021).
10. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 10.11.2021).

References

1. Arkhipova I.V. *Kategoriya taksisa v raznostrukturnykh yazykakh* [Taxis category in different-structured languages]. Novosibirsk, 2020, 173 p.
2. Arkhipova I.V. Taxis i instrumentalnost: polikategorialnyy semanticheskiy kompleks [Taxis and instrumentalities: polycategorical semantic complex]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*, 2020, no. 3 (82), pp. 324–325.
3. Vrakina V.V. K voprosu o ponyatiynoy kategorii instrumentalnosti v sovremennom angliyskom yazyke [On the question of the conceptual category of instrumentality in modern English]. *Visnik Zaporizkogo natsionalnogo unshversitetu. Filologichni nauki = Bulletin of Zaporozhye National University. Philological Sciences*, 2004, no. 4, pp. 23–27.
4. Kobtseva A.V. *Kategoriya instrumentalnosti i sposoby eye eksplikatsii v tekstakh gazetno-publitsisticheskogo stilya russkogo i nemetskogo yazykov*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The category of instrumentalities and methods of its explication in the texts of the newspaper-journalistic style of the Russian and German languages. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Stavropol, 2006. 23 p.
5. Shustova S.V. Aktualizatsiya znacheniya instrumentalnosti v kauzativnoy situatsii [Actualization of the meaning of instrumentality in a causative situation]. *Aktualnyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki = Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*, 2008, no. 10, pp. 199–202.
6. Shustova S.V. *Funksionalnyye svoystva kauzativnykh glagolov: dinamicheskiy podkhod* [Functional properties of causative verbs: a dynamic approach]. Moscow, LENAND Publ., 2020. 248 p.

7. Jamshanova V.A. [Semantic classification of verbs of purposeful action]. *Lingvisticheskie issledovanija 1989. Funkcionirovanie grammaticheskikh kategorij* [Linguistic Research 1989. Functioning of grammatical categories]. Moscow, 1989, pp. 196–203 (In Russ.).
8. Yamshanova V.A. *Kategoriya instrumentalnosti v nemetskom yazyke* [Category of instrumentality in the German language]. Leningrad: LFEI Publ., 1991. 159 p.
9. Nemetskiy korpus [Dwds – German Corps]. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed 25.10.2021).
10. *LC – Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig* [Laboratoriya korpusnoy lingvistiki Leyptsigskogo universiteta]. Available at: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed 25.10.2021).

Информация об авторе / Information about the Author

Архипова Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: irarch@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-0685-335X

Irina V. Arkhipova, Cand. of Sci. (Philology), Professor of the Department of French and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: irarch@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-0685-335X

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'23

Овладение языком как направление современных психолингвистических исследований во Франции

П. С. Барина¹ ✉

¹Московский государственный лингвистический университет,
ул. Остоженка, д. 38, г. Москва 119034, Российская Федерация

✉ e-mail: vishenka-polly@mail.ru

Резюме

В статье представлены общие положения одного из основных направлений психолингвистических исследований современной Франции – овладение языком, с акцентом на усвоение неродного языка.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью создания системной картины развития психолингвистики и расширения объёма доступных для исследования зарубежных работ. Цель исследования состоит в характеристике формирования и развития одного из фундаментальных направлений французской психолингвистики. Задачами работы являются: формулирование контекста проблемы, в частности, выделение основных направлений психолингвистических исследований в современной Франции; выявление истоков направления, посвящённого овладению языком; представление базовых концепций зарубежных школ, оказавших влияние на становление направления в рамках французской психолингвистики, в частности, основных гипотез и терминов, используемых в данной области в западной науке; выявление особенностей воздействия родного и изученных иностранных языков на процесс овладения неродным; описание особенностей коммуникации между носителями и неносителями языка и характеристика проблемы взаимовлияния речевой и мыслительной деятельности.

Основными методами, используемыми в работе, являются описание, анализ и сравнение. Материалом исследования послужила серия работ ведущих французских и зарубежных психолингвистов, оказавших то или иное влияние на формирование данной проблематики во французской науке.

Результатом исследования является аналитическое представление концепции овладения неродным языком, включающее описание процесса становления проблематики и реализацию её в современных психолингвистических и когнитивных течениях и характеристику основных теоретико-методологических оснований современных исследований по овладению языком, а также актуализация дискуссионных вопросов.

Ключевые слова: французская психолингвистика; овладение языком; изучение иностранного языка; идиолект; фоссиллизация; Хомский; универсальная грамматика; функционализм; формализм; интеракционизм.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Барина П. С. Овладение языком как направление современных психолингвистических исследований во Франции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 2. С. 51-62.

Статья поступила в редакцию 22.03.2022

Статья подписана в печать 04.05.2022

Статья опубликована 30.06.2022

© Барина П. С., 2022

Language Acquisition as a Field of Modern Psycholinguistic Studies in France

Polina S. Barinova¹ ✉

¹Moscow State Linguistic University
38, Ostozhenka str., Moscow 119034, Russian Federation

✉ e-mail: vishenka-polly@mail.ru

Abstract

The article describes general characteristics of one of the main aspects of French psycholinguistics which is the language acquisition (with a focus on the second language acquisition).

The relevance of the study is due to the necessity of suggesting a systematic approach to psycholinguistics as well as to the need of increasing the number of available research works in the domain. The aim of the article is to characterize the genesis and the evolution of one of the fundamental fields of French psycholinguistics. The paper lists a number of central issues explored by modern French psycholinguists; identifies the origins of the field of language acquisition and traces the history of its formation; lists the key concepts of foreign schools that have influenced the formation of the field in France, highlighting the main hypotheses and terms used in this area in Western studies; characterizes the impact of the native and acquired foreign language on the learning of a foreign language; considers the features of communication between native and non-native speakers and touches upon the problem of mutual influence between speech and mental activity.

Analysis, description and comparison are the main methods used in the study. The articles of French psycholinguists and some other specialists in the domain which had an impact on the genesis of these problems in French science serve as research material. The article gives an analytical representation of the second language acquisition theory, describes the genesis of the matter and the way modern psycholinguistics and cognitive studies present it, characterizes the main theoretical grounds of modern studies dedicated to language acquisition. The author also draws attention to some controversial issues related to this field of study.

Keywords: French psycholinguistics; language acquisition; SLA; L2; L3; interlanguage; fossilization; Chomsky; universal grammar; functionalism; formalism; interactionism.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Barinova P. S. Language Acquisition as a Field of Modern Psycholinguistic Studies in France. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2022, 12(2): 51–62 (In Russ.).

Received 22.03.2022

Accepted 04.05.2022

Published 30.06.2022

***

Введение

Цель статьи – охарактеризовать становление и развитие одного из актуальных для современной французской психолингвистики направлений – овладение языком, которое в рамках отечественной теории речевой деятельности входит в проблематику онтогенеза речи.

Даже поверхностный обзор трудов, причисляемых французскими исследователями к психолингвистическим, свидетельствует о том, что, несмотря на нали-

чие проблематики, сходной с отечественной, эта область исследований характеризуется большим разнообразием направлений, носящих прикладной характер. В соответствии с данными конференции «Мировой конгресс французского языкознания», проводимой с 2008 г. Институтом французской лингвистики (ILF), к основным направлениям психолингвистики относятся следующие: овладение родным и неродным языком; билингвизм; анализ дискурса; нейрофизиологические

основания обработки речи; обработка письменной речи; морфологическая и синтаксическая обработка речи; афазии; дислексия; понимание устной и письменной речи; дисфазия; компьютерные модели производства и восприятия речи; производство и восприятие речи; распознавание написанных/произнесённых слов; глухота/тугоухость.

Центральным среди перечисленных направлений многие исследователи считают овладение родным и неродным языком, другие, напротив, подчёркивают междисциплинарный характер проблемы (см. название секции на «Мировом конгрессе...»: *Psycholinguistique & Acquisition – ‘Психолингвистика и овладение языком’*).

В данной статье мы намеренно ограничиваемся освещением проблемы овладения иностранным языком с точки зрения психолингвистических исследований во Франции и представлением некоторых связей французской лингвистики с другими европейскими исследованиями в данной области.

Результаты и обсуждение

Изучение иностранного языка как психолингвистическая проблема

В западной науке это направление сложилось в 60-е – 80-е гг. XX в. В нём представляется возможным выделить несколько ключевых аспектов исследования.

Понятие промежуточного языка

Своеобразной точкой отсчёта исследований в области освоения иностранного языка многие европейские специалисты, в частности, французские психолингвисты М. Ваторек и С. Вокье-Гравлин [1], считают выход в 1967 г. фундаментальной публикации Пита Кордера, шотландского языковеда и первого президента Британской ассоциации прикладной лингвистики. П. Кордер одним из первых выдвинул идею о том, что изу-

чающий иностранный язык *создаёт свой особый диалект* этого языка, обладающий системностью и своей грамматической структурой, которая лишь частично совпадает с существующей в изучаемом языке [2]. Вместе с тем П. Кордер говорит о фундаментальной нестабильности этого диалекта, приближающегося по мере дальнейшего изучения иностранного языка к речевым системам его носителей.

Вторая значительная работа была издана в 1972 г. Л. Селинкером, с именем которого связывают появление ключевого для обозначенной проблемы термина – «промежуточный язык/идиолект» (*interlanguage*), под которым исследователь понимает целостную промежуточную лингвистическую систему, обусловленную пятью когнитивными процессами: (1) привнесением в иностранный язык различных элементов, правил и подсистем, присущих родному языку изучающего (*language transfer* / языковой перенос); (2) влиянием учебных практик (*transfer of training*). Так, Л. Селинкер говорит о доминировании личного местоимения *he* в английских идиолектах сербо-хорватов ввиду преобладания его в используемых учебных пособиях; (3) воздействием на процесс овладения иностранным языком определённых стратегий изучения (*strategies of second language learning*), например, тенденция к упрощению грамматической системы изучаемого языка; (4) влиянием на идиолект стратегий, принимаемых изучающим в процессе коммуникации с носителями языка (*strategies of second language communication*); (5) чрезмерная генерализация тех или иных правил языка, а также семантики отдельных слов (*overgeneralization of target language linguistic material*).

Перечисленные процессы были тщательно проанализированы Л. Селинкером, второй постулат концепции которого таков: изучение иностранного языка фундаментально отличается от освоения родного. Главным аргументом, избран-

ным учёным для обоснования своей позиции, стала его гипотеза о *фоссилизации иностранного языка* в процессе овладения им. Термин был заимствован Селинкером из палеонтологии, где им обозначается процесс перехода организмов в ископаемое состояние (окаменение). По мнению учёного, изучающий никогда не достигает уровня носителя иностранного языка, даже если находится в языковой среде, поскольку по достижении определённого уровня его промежуточный язык (идиолект) «каменеет», развитие его прекращается: «Fossilizable linguistic phenomena are linguistic items, rules, and subsystems which speakers of a particular native language will tend to keep in their interlanguage relative to a particular target language, no matter what the age of the learner or the amount of explanation and instruction he receives in the target language» [3, с.205] / Лингвистическими феноменами, подверженными фоссилизации, являются языковые единицы, правила и подсистемы, которые носители определённого языка будут склонны сохранять в идиолекте изучаемого языка вне зависимости от возраста изучающего или объёма объяснений, получаемых им на данном языке» (Здесь и далее перевод мой. – П.Б.).

Основным фактором фоссилизации Л. Селинкер называет влияние родного языка: по достижении уровня, позволяющего относительно свободно общаться на иностранном языке, изучающий зачастую довольствуется им и не стремится к приведению своей речи в соответствие с нормами изучаемого языка.

В последующих своих работах Л. Селинкер попытался выявить факторы, обуславливающие укоренение в идиолекте структур, не свойственных изучаемому языку. Эти попытки привели исследователя к формулированию «принципа множественного эффекта» («Multiple Effect Principle»). Этот принцип объясняет влияние двух или нескольких из пяти вышеперечисленных факторов на процесс освоения иностранного языка и, с

одной стороны, способствует стабилизации идиолекта, с другой – приводит к его фоссилизации: «When two or more SLA factors work in tandem, there is a greater chance of stabilization of interlanguage forms leading to possible fossilization» [4, с.198] / При наличии двух или более факторов, влияющих на усвоение иностранного языка, вероятность стабилизации форм идиолекта с их последующей фоссилизацией выше.

По мнению Л. Селинкера, преподаватели иностранных языков должны уметь распознавать «множественные эффекты» и разрабатывать дидактические стратегии, замедляющие процесс фоссилизации или позволяющие её избежать. Это особенно важно, когда обычное исправление ошибок оказывается малорезультативным. Фоссилизация как характеристика идиолекта не исключает потенциальной возможности продолжить изучение языка, хотя фоссилизацию того или иного элемента идиолекта часто трудно установить [5].

Исследования П. Кордера и Л. Селинкера создали определённую теоретическую базу для последующего изучения идиолектов, что позволило многим специалистам перейти от анализа отдельных ошибок изучающего иностранный язык к характеристике формирующейся лингвистической системы в целом, однако при сопоставлении её с системой носителя языка любое расхождение между этими системами многими исследователями продолжает интерпретироваться как несовершенство идиолекта. Такая позиция не устраивает, в частности, В. Кук и многих исследователей, полагающих, что изучающие иностранный язык должны рассматриваться как полноценные коммуниканты, а не как ущербные носители.

Интерес к механизмам овладения иностранным языком в аспекте исследования идиолекта в европейской лингвистике устойчив. Так, немецкий исследователь В. Кляйн и французский специалист в области освоения языка К. Пердю

исследовали взрослых коммуникантов, носителей пяти европейских языков, погружённых в языковую среду, и установили общие не зависящие от комбинации языков закономерности и этапы формирования промежуточных языков, или *лектов*, как позже стали называть такие языковые системы в рамках французской психолингвистики [6].

В. Кляйн и К. Пердю выделяют этапы формирования промежуточного языка (лекта):

- номинативная структура высказывания (*nominal utterance structure*);
- использование неспрягаемого глагола (*infinite utterance organization*) как главной особенности «базового лекта / «базовой вариации»;
- появление спрягаемого глагола (*finite utterance structure*);
- построение высказываний на основе грамматической структуры родного языка с использованием аффиксов и служебных слов изучаемого языка;
- осознанное употребление флексий и построение сложноподчинённых предложений.

В рамках представляемой концепции процесс освоения языка обуславливается двумя группами факторов: с одной стороны, коммуникативных, являющихся сильнейшим мотивом изучения языка (*factors 'pushing' acquisition*), с другой – структурных, способствующих усвоению формы языка (*factors 'shaping' acquisition*). Коммуникативные задачи, стоящие перед изучающим, способствуют усложнению структуры его знаний и развитию новых лингвистических способов удовлетворения растущей потребности в коммуникации, существующих в изучаемом языке.

Роль родного языка в освоении первого иностранного

В рамках анализируемой концепции интерес к обнаружению механизма и специфических свойств процесса изучения иностранного языка отчасти отодви-

нул на второй план вопрос о роли родного языка в освоении изучаемого иностранного. В своей более ранней работе 1969 г. Л. Селинкер на основе количественных данных выделяет положительный, отрицательный (интерференция) и нейтральный типы *языкового переноса* [7]. Позже французский исследователь Ж.-И. Доммерг устанавливает, что, по крайней мере, в рамках эксперимента, возможно отделять языковые элементы изучаемого языка, стимулирующие операции аналогии (генерализация определённого правила или экстраполяция правила на совокупности элементов, в норме ему не подчиняющиеся) от тех, которые обуславливают интерференцию [8].

Э. Келлерман [9] и П. Йорденс [10] допускают, что влияние родного языка на изучаемый зависит от представления индивида о специфике обоих языков. В 80-х гг. XX в. Э. Келлерман и М. Шервуд-Смит предлагают обобщающий термин «межъязыковое влияние/межъязыковой эффект» (*cross-linguistic influence*), объединяющий заимствование, интерференцию, языковой перенос, уклонение от языкового переноса и утрату языка. Все перечисленные явления ранее рассматривались как отдельные сущности. Предложенный Келлерманом и Шервуд-Смитом термин соотносится с понятием транскодических признаков (*marques transcodiques*), введённый примерно в этот же период Ж. Люди и Б. Пи [11].

Влияние изученных языков на освоение нового иностранного

В области исследования процесса овладения иностранным языком с конца 90-х гг. получила развитие проблема *влияния изученных языков* (родной, первый иностранный, иногда второй иностранный) на усвоение нового языка, который для изучающего может стать третьим, четвёртым и т.д. Такая ситуация представляется более сложной по сравнению с изучением первого иностранного языка.

Среди потенциальных факторов воздействия на изучение очередного иностранного языка чаще всего акцентировался порядок изучения языков, при этом для обозначения очередного языка, изучаемого индивидом, уже освоившим несколько иностранных языков, используется обозначение L3. К. Барделл подчёркивает, что на L3 могут влиять все языки, имеющиеся в арсенале индивида, при этом сходство генетически родственных языков им осознаётся не всегда [12]. Выявлению восприятия изучающими дистанции между языками было посвящено значительное число работ (см., например, [13; 14]). Большое внимание уделяется также таким факторам активации одного из уже известных языков при усвоении последующих, как *интенсивность изучения* и *уровень компетентности*, а также интенсивность использования языка, возраст изучающего, эмоциональное отношение к изучаемым и усвоенным языкам и некоторые другие.

Коммуникация между носителями и неносителями

В конце 70-х гг. Э. М. Хэтч и М. Х. Лонг обращают внимание на явление адаптации носителями языка своей речи (в собственно лингвистическом и коммуникационном аспектах) при общении с иностранцами. М. Х. Лонг устанавливает систему способов адаптации поведения носителя в процессе коммуникации (речевое поведение рассматривается лишь как одно из его проявлений), Э. М. Хэтч описывает генезис лингвистических форм с помощью дискурсивных структур и речевого взаимодействия [15; 16].

Проблема коммуникативного взаимодействия (*négociation conversationnelle*) носителей с неносителями интересует многих учёных США и Европы (см., например: [17]). В работах этих исследователей описываются попытки носителей / компетентных коммуникантов преодолеть непонимание путём превентивных

речевых действий / высказываний или исправлений (*conduites préventives ou des conduites de réparation*). В этой связи Р. Поркье [18] предлагает термин, вбирающий в себя все ситуации коммуникации между носителями разных языков, – *communication exolingue/экзолингвальная коммуникация*. Ж.-Л. Альбером и Б. Пи были выявлены некоторые свойства этих асимметричных коммуникативных актов, в частности, «стратегии» облегчения восприятия, взаимодействия и обсуждения (стратегия ключевого слова и переформулирование) [19].

Исследования влияния восприятия языковой материи на характер овладения языком

Роль материальной оболочки языка в процессе его освоения лишь недавно стала осознаваться сообществом западных психолингвистов. До этого учёные, как правило, опирались на генеративный подход, руководствуясь положениями теории Н. Хомского, в частности, его аргументом «избирательности стимула» (*poverty of stimulus*), согласно которому восприятие языковой материи не является фактором, способствующим овладению языком, а лишь активирует врождённые структуры.

Однако было показано [20], что дети с раннего возраста способны очень эффективно обрабатывать воспринимаемую языковую материю на основе сложных статистических расчётов. Вопрос о влиянии внешней стороны языка на процесс его усвоения волновал и исследователей, работавших в русле изучения идиолектов [21]. По мере того, как у изучающего появляется всё больше опыта восприятия языковой материи иностранного языка, он строит гипотезы о его функционировании и их проверяет их путём решения различных коммуникативных задач.

Во французской психолингвистике также существует особое направление, занимающееся особенностями изучения иностранного языка *ребёнком*. В числе

доминирующих здесь выделяется проблема критического возраста овладения языком вообще и иностранным в частности: в какой момент процесс изучения иностранного языка предполагает включение механизмов, отличных от используемых при овладении родным языком? Ответы на этот вопрос неоднозначны. Согласно Й. М. Мейзелю, критический возраст наступает в 3,5-4 года [22]. Ш. Ансуорт считает, что лишь с 7 лет усвоение языка происходит по иным законам [23]. Рассматриваются вопросы о разнице, с одной стороны, между овладением языками детьми-билингвами и детьми, начавшими изучать иностранный язык в раннем возрасте, с другой – между процессом усвоения иностранного языка детьми и взрослыми. Специалисты часто сходятся во мнении, что механизмы, используемые детьми, начавшими изучать иностранный язык в раннем возрасте, отличны от тех, что свойственны как детям-билингвам, так и монолингвам, ведутся исследования по выявлению сходных черт в овладении изучаемым языком ребёнком и взрослым.

Взаимовлияние речевой и мыслительной деятельности

Ещё одно направление исследования овладения иностранным языком очевидно обуславливается гипотезой «лингвистической относительности». Здесь развиваются идеи Э. Сепира и Б. Уорфа о детерминированности когнитивных структур лингвистическими категориями и влиянии их на общие представления носителей языка о пространстве, времени, причинности и т.п. Символическая система определённого языка ограничивает индивида в процессе познания мира и самопознания. Центральный вопрос направления: какова степень влияния системы языка на представления носителей языков о действительности. Д. Слобин подчёркивает, что на мыслительную деятельность воздействует речевая, и оба эти процесса взаимообусловлены [24]. Ис-

следователь считает: если принять положение о том, что язык или языки, усвоенные в детстве, накладывают на познание индивида особый отпечаток (*'thinking for speaking'*), центральным вопросом исследований в области овладения языком становится следующий: «В какой степени изучающему необходимо перестроить свои представления о мире, чтобы выразить их на другом языке?». Поэтому можно полагать, что усвоение второго языка не сводится к приобретению новых лингвистических способов выражения уже существующих понятий, а требует их переосмысления. В противном случае использование средств иностранного языка не будет соответствовать его системе. При таком подходе естественно обращение к изучению ограничений типологического и когнитивного характера, накладываемых на процесс овладения языком [25; 26].

Формализм, функционализм и интеракционизм

Как подчёркивают французские исследователи Д. Вероник и М. Матэ [27], учёные, принадлежащие к перечисленным подходам к исследованию особенностей овладения иностранным языком в поисках теоретических оснований своих концепций обращаются в первую очередь к универсальной грамматике Н. Хомского, идеи которого до сих пор оказывают существенное влияние на развитие лингвистической мысли в Европе, хотя одновременно и критически оцениваются. Специалисты, безоговорочно разделяющие взгляды Н. Хомского, подчёркивают ключевую роль универсальной грамматики в изучении иностранного языка и стремятся выявить структурные ограничения, влияющие на становление грамматической системы идиолекта при изучении неродного языка, другие же акцентируют важность коммуникации для развития языковой способности. При этом одни исследователи не видят отличий в усвоении родного и неродного языков,

поскольку в них принципиально воплощается универсальная грамматика; другие выявляют степень влияния родного языка на изучаемый иностранный и акцентируют вопрос о характере её *актуализации* в процессе освоения неродного языка. Отвечая на последний вопрос, лингвисты приходят к интересным выводам. Так, одни исследователи полагают, что вторичная актуализация структур универсальной грамматики в иностранном языке невозможна, поскольку она уже воплощена средствами родного [28; 29]. Б. Д. Шварц и Р. А. Спрузе, напротив, утверждают, что повторное воплощение универсальной грамматики в новом языке возможно, но в этом случае актуализируются только структуры, отсутствующие в родном языке [30]. Многие специалисты считают, что языковые структуры не переносятся из родного языка в иностранный [31].

Идея врождённости универсальной грамматики давно подвергается критике, поэтому «функционалисты» полагают, что лингвистические компетенции постепенно развиваются на основе неспецифичных когнитивных способностей (категоризации, перманентности объекта¹, памяти и др.), формируемых (1) под воздействием культурно и аффективно специфичной языковой материи, (2) под влиянием различных коммуникативных взаимодействий и (3) в соответствии с речевым намерением индивида, обусловленным (4) сценарием деятельности индивида.

Особое место в формировании теоретических оснований овладения иностранным языком занимает позиция лингвистов, для которых главным является процесс *социализации на иностранном языке* [32] и подчёркивание важнейшей роли социального контекста в становлении когнитивных функций: ум-

ственная деятельность не является собственно внутренней деятельностью индивида, а основывается на взаимодействии с себе подобными. Этот подход, известный под названием *интеракционизм*, выдвигает на первое место роль коммуникации в усвоении иностранного языка, исследование формальных языковых единиц в организации речевого взаимодействия и, наоборот, влияние коммуникации на структурирование высказываний. По сути, освоение неродного языка интерпретируется как процесс усвоения индивидом способов использования языковых ресурсов для организации рекурсивного речевого взаимодействия (см., например, концепцию речевой социализации С. Робертс [33]), а также идеи Ж. Ардити [34], описавшего этапы процесса усвоения языка в контексте социализации индивида.

Выводы

Проблема овладения языком является одной из актуальных и наиболее разработанных в рамках французской психолингвистики. Её разработка берёт начало в работах 60-х – 70-х гг. XX в. П. Кордера и Л. Селинкера, концепции которых позволили разработать учение об идиолектах (промежуточных языках). Одновременно в результате исследования проблемы восприятия языковой материи и её влияния на усвоение языка была установлена следующая закономерность: чем больше опыта восприятия звуковой стороны языка, тем больше гипотез о его функционировании строит изучающий и проверяет их на практике.

Интерес исследователей также вызывает воздействие родного и ранее изученных языков на процесс усвоения иностранного языка. Уточняются особенности языкового переноса, акцентируется важность порядка изучения языков, исследуются дополнительные факторы, потенциально влияющие на процесс овладения иностранным языком.

¹ Постоянство объекта – складывающееся в детском возрасте понимание того, что предметы продолжают существовать вне досягаемости органов чувств воспринимающего.

Особое внимание уделяется коммуникации между носителями и неносителями языка, для описания специфики которой вводится термин «экзолингвальная коммуникация», покрывающий все типы асимметричных коммуникативных актов, а также описываются стратегии, используемые носителями языка при межкультурном взаимодействии.

Актуализируется вопрос о взаимовлиянии речевой и мыслительной деятельности, исследуются ограничения типологического и когнитивного характера, накладываемые на процесс овладения языком. Исследователи приходят к выводу, что овладение языком не сводится к приобретению новых лингвистических способов выражения уже существующих понятий, а требует их переосмысления.

Список литературы

1. Watorek M., Wauquier-Gravelines S. Diversité d'approches et de méthodes en acquisition des langues secondes // *Revue française de linguistique appliquée*, 2016/2 (Vol. XXI), p. 5-17. DOI : 10.3917/rfla.212.0005. URL: <https://www.cairn.info/revue-francaise-de-linguistique-appliquee-2016-2-page-5.htm>
2. Corder S. P. The Significance of Learners' Errors // *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. 1967. 5. P. 161-170.
3. Selinker L. Interlanguage // *International Review of Applied Linguistics*. 1972. 10. P. 219-231.
4. Selinker L. & Lakshamanan U. Language transfer and fossilization: The Multiple Effects Principle // in L. Selinker & S. Gass (eds.) *Language Transfer In Language Learning*, Amsterdam, Benjamins, 1992. P. 197-216.
5. Han Z.: Fossilisation in interlanguage. Thèse de PhD inédite, Université de Londres, 1998.
6. Selinker L. Language Transfer // *General Linguistics*. 1969. 9. P. 67-92.
7. Dommergues J.-Y. La double origine des erreurs de syntaxe dans l'emploi d'une langue étrangère. Thèse de IIIe Cycle, Université de Paris, 1974.
8. Kellerman E. La difficulté, une notion difficile. *Encrages n spécial de linguistique appliquée*, 1979. 16-21.
9. Jordens P. Contrastivité et transfert // *Etudes de Linguistique Appliquée*. 1979. 33. P. 94-101.
10. Sharwood-Smith M. & E. Kellerman. Cross-linguistic influence in second language acquisition. An introduction. In E. Kellerman & M. Sharwood-Smith, (Dir.), *Cross-linguistic Influence in Second Language Acquisition*, 1986, P.1-9, New-York, Pergamon Press.
11. Lüdi G. & B. Py. Être bilingue. Berne, Peter Lang, 1986.
12. Bardel C. La negazione nell'italiano degli svedesi. Sequenze acquisizionali e influssi translinguistici. *Etudes Romanes de Lund*, 61. 2000. Romanska Institutionen, Lund, Lunds Universitet.
13. Cenoz J. Facteurs déterminant l'acquisition d'une L3: Age, développement cognitif et milieu // *Acquisition et Interaction en Langue Étrangère*. 2003. 18. P. 38-51
14. De Angelis G. & Selinker L. Interlanguage Transfer and Competing Linguistic Systems in the Multilingual Mind // In J. Cenoz, B. Hufeisen & U. Jessner (eds), *Crosslinguistic Influence in Third Language Acquisition: Psycholinguistic Perspectives*, Clevedon, Multilingual Matters, 4258, 2001.
15. Hatch E. (Dir.) *Second Language Acquisition. A Book of Readings*. Rowley (Mass.), Newbury House Pub. Co, 1978.

16. Long M. H. Linguistic and conversational adjustments to non-native speakers // *Studies in Second Language Learning*. 1983. 5. P. 177-193.
17. Noyau C. & Porquier R. *Communiquer dans la langue de l'autre*. Paris, Presses Universitaires de Vincennes, 1984.
18. Porquier R. *Communication exolingue et apprentissage des langues // Acquisition d'une langue étrangère*. 1984. III. P. 17-47, Paris, Presses Universitaires de Vincennes.
19. Alber J.-L. & B. Py *Vers un modèle exolingue de la communication interculturelle // Études de Linguistique Appliquée*. 1986. 61. P. 78-90.
20. Kuhl P. K. Early language acquisition: Cracking the speech code // *Nature, Reviews Neuroscience*. 2004. №5. P. 831-843.
21. Klein W. & Perdue C. The Basic Variety (or: Couldn't natural languages be much simpler?) // *Second Language Research*. 1997. №13 (4). P. 301-347.
22. Meisel J. M. Age of onset in successive acquisition of bilingualisme : Effects on grammatical development // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2009. №28. 5-34.
23. Unsworth S. *Child L2, adult L2, child L1: Differences and similarities. A study on the acquisition of direct object scrambling in Dutch*. Doctoral dissertation. Utrecht, LOT, 2005.
24. Slobin D. I. Learning to think for speaking: native language, cognition and rhetorical style // *Pragmatics*. 1991. 1 (1). P. 7-25.
25. Lambert M. Subordination et hiérarchisation de l'information dans les récits. Etude comparative des options en anglais L2 et en français et en anglais L1. In Trévisiol, P. & al. (éds), *Relatives et autres subordonnées. Regards croisés en linguistique, acquisition et didactique*, Rennes, Presses Universitaires de Rennes, 2014.
26. Demagny A. C. L'expression du temps et de l'espace en français et en anglais : perspectives typologiques sur l'acquisition des langues par l'adulte // *Langue française*. 2013. 179. P. 109-127.
27. Matthey M. et Véronique D. Trois approches de l'acquisition des langues étrangères : enjeux et perspectives // *Acquisition et interaction en langue étrangère [En ligne]*, 21 | 2004, mis en ligne le 01 mars 2007. URL: <http://journals.openedition.org/aile/4549>; DOI: <https://doi.org/10.4000/aile.4549>.
28. Bley-Vroman R. The logical problem of foreign language learning // *Linguistic Analysis*. 1990. 20. 3-49.
29. Schachter J. Second language acquisition and its relationship to Universal Grammar. *Applied Linguistics*. 1988. 9. P. 219-235.
30. Schwartz B. & Sprouse R. L2 Cognitive States and the Full Transfer/Full Access Model. *Second Language Research*. 1996. 12 (1). P. 40-72.
31. Epstein S., Flynn S., Martohardjono G. The strong continuity hypothesis : Evidence concerning functional categories in adult L2 acquisition. In Flynn, S. & al. (eds), *The Generative Study of Second Language Acquisition*, Mahwah, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 1998. 61-78.
32. Arditty J. & Vasseur M.T. Interaction et langue étrangère // *Langages*. 1999. 134. P. 3-19.
33. Roberts C. Acquisition des langues ou socialisation dans et par le discours? Pour une redéfinition du domaine de la recherche sur l'acquisition des langues étrangères // *Langages*. 1999. 134. P. 101-124.
34. Arditty J. Spécificité et diversité des approches interactionnistes // *Acquisition et interaction en langue étrangère*, 1999. [En ligne], 21 | 2004, mis en ligne le 01 mars 2007. URL <http://journals.openedition.org/aile/1733> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/aile.1733>.

References

1. Watorek M., Wauquier-Gravelines S. Diversité d'approches et de méthodes en acquisition des langues secondes. *Revue française de linguistique appliquée*, 2016/2 (Vol. XXI), p. 5-17. DOI: 10.3917/rfla.212.0005. Available at: <https://www.cairn.info/revue-francaise-de-linguistique-appliquee-2016-2-page-5.htm>
2. Corder S. P. The Significance of Learners' Errors. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 1967, 5, pp. 161-170.
3. Selinker L. Interlanguage. *International Review of Applied Linguistics*, 1972, 10, pp. 219-231.
4. Selinker L. & Lakshamanan U. Language transfer and fossilization: The Multiple Effects Principle. in L. Selinker & S. Gass (eds.) *Language Transfer In Language Learning*, Amsterdam, Benjamins, 1992, pp. 197-216.
5. Han Z.: Fossilisation in interlanguage. Thèse de PhD inédite, Université de Londres, 1998.
6. Selinker L. Language Transfer. *General Linguistics*, 1969, 9, pp. 67-92.
7. Dommergues J.-Y. La double origine des erreurs de syntaxe dans l'emploi d'une langue étrangère. Thèse de IIIe Cycle, Université de Paris, 1974.
8. Kellerman E. La difficulté, une notion difficile. Encrages n spécial de linguistique appliquée, 1979, 16-21
9. Jordens P. Contrastivité et transfert. *Etudes de Linguistique Appliquée*, 1979, 33, 94-101.
10. Sharwood-Smith M. & E. Kellerman. Cross-linguistic influence in second language acquisition. An introduction. In E. Kellerman & M. Sharwood-Smith, (Dir.), *Cross-linguistic Influence in Second Language Acquisition*, 1986, P. 1-9, New-York, Pergamon Press.
11. Lüdi G. & B. Py. Être bilingue. Berne, Peter Lang, 1986.
12. Bardel C. La negazione nell'italiano degli svedesi. Sequenze acquisizioni e influssi translinguistici. *Etudes Romanes de Lund*, 61. 2000. Romanska Institutionen, Lund, Lunds Universitet.
13. Cenoz J. Facteurs déterminant l'acquisition d'une L3: Age, développement cognitif et milieu. *Acquisition et Interaction en Langue Étrangère*, 2003, 18, 38-51
14. De Angelis G. & Selinker L. Interlanguage Transfer and Competing Linguistic Systems in the Multilingual Mind. In J. Cenoz, B. Hufeisen & U. Jessner (eds), *Crosslinguistic Influence in Third Language Acquisition: Psycholinguistic Perspectives*, Clevedon, Multilingual Matters, 4258, 2001.
15. Hatch E. (Dir.) *Second Language Acquisition. A Book of Readings*. Rowley (Mass.), Newbury House Pub. Co, 1978.
16. Long M. H. Linguistic and conversational adjustments to non-native speakers. *Studies in Second Language Learning*, 1983, 5, pp. 177-193.
17. Noyau C. & Porquier R. Communiquer dans la langue de l'autre. Paris, Presses Universitaires de Vincennes, 1984.
18. Porquier R. Communication exolingue et apprentissage des langues. *Acquisition d'une langue étrangère*, 1984, III, pp. 17-47, Paris, Presses Universitaires de Vincennes.
19. Alber J.-L. & B. Py Vers un modèle exolingue de la communication interculturelle. *Études de Linguistique Appliquée*, 1986, 61, pp. 78-90.
20. Kuhl P. K. Early language acquisition: Cracking the speech code. *Nature, Reviews Neuroscience*, 2004, no. 5, pp. 831-843.
21. Klein W. & Perdue C. The Basic Variety (or: Couldn't natural languages be much simpler? *Second Language Research*, 1997, no. 13 (4), 301-347.

22. Meisel J. M. Age of onset in successive acquisition of bilingualism: Effects on grammatical development. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2009, no. 28, 5-34.
23. Unsworth S. Child L2, adult L2, child L1: Differences and similarities. A study on the acquisition of direct object scrambling in Dutch. Doctoral dissertation. Utrecht, LOT, 2005.
24. Slobin D. I. Learning to think for speaking: native language, cognition and rhetorical style. *Pragmatics*, 1991, 1 (1), pp. 7-25.
25. Lambert M. Subordination et hiérarchisation de l'information dans les récits. Etude comparative des options en anglais L2 et en français et en anglais L1. In Trévisiol, P. & al. (éds), *Relatives et autres subordonnées. Regards croisés en linguistique, acquisition et didactique*, Rennes, Presses Universitaires de Rennes, 2014.
26. Demagny A. C. L'expression du temps et de l'espace en français et en anglais : perspectives typologiques sur l'acquisition des langues par l'adulte. *Langue française*, 2013, 179, pp. 109-127.
27. Matthey M. et Véronique D. Trois approches de l'acquisition des langues étrangères : enjeux et perspectives. *Acquisition et interaction en langue étrangère* [En ligne], 21 | 2004, mis en ligne le 01 mars 2007. Available at: <http://journals.openedition.org/aile/4549>; DOI: <https://doi.org/10.4000/aile.4549>.
28. Bley-Vroman R. The logical problem of foreign language learning. *Linguistic Analysis*, 1990, 20, 3-49.
29. Schachter J. Second language acquisition and its relationship to Universal Grammar. *Applied Linguistics*, 9, 1988, pp. 219-235.
30. Schwartz B. & Sprouse R. L2 Cognitive States and the Full Transfer/Full Access Model. *Second Language Research*, 1996, 12 (1), pp. 40-72.
31. Epstein S., Flynn S., Martohardjono G. The strong continuity hypothesis: Evidence concerning functional categories in adult L2 acquisition. In Flynn, S. & al. (eds), *The Generative Study of Second Language Acquisition*, Mahwah, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 1998. 61-78.
32. Arditty J. & Vasseur M.T. Interaction et langue étrangère. *Langages*, 1999, 134, pp. 3-19.
33. Roberts C. Acquisition des langues ou socialisation dans et par le discours? Pour une redéfinition du domaine de la recherche sur l'acquisition des langues étrangères. *Langages*, 1999, 134, pp. 101-124.
34. Arditty J. Spécificité et diversité des approches interactionnistes. *Acquisition et interaction en langue étrangère*, 1999. [En ligne], 21 | 2004, mis en ligne le 01 mars 2007. Available at: <http://journals.openedition.org/aile/1733> ; DOI: <https://doi.org/10.4000/aile.1733>.

Информация об авторе / Information about the Author

Барина Полина Сергеевна, аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: vishenka-polly@mail.ru

Polina S. Barinova, Post-Graduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, e-mail: vishenka-polly@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81-114.4

Ассоциативный эксперимент как метод исследования изменений гендерной специфики восприятия новых слов носителями языка

М. В. Виноградова¹✉, Д. И. Эркенова¹

¹ МИРЭА – Российский технологический университет
просп. Вернадского, д. 78, г. Москва 119454, Российская Федерация

✉ e-mail: rita_kuptsova@mail.ru

Резюме

В статье описываются некоторые результаты сравнительного анализа двух экспериментальных исследований гендерных особенностей восприятия значений новых слов носителями русского языка. Подобные исследования вносят вклад в изучение содержания индивидуального сознания человека, которое призвано способствовать пониманию картины мира всей социокультурной общности, к которой принадлежит индивид. Эксперименты были проведены с разницей в 16 лет, и целью их сравнения было установить наличие или отсутствие отличий в полученных данных, что, в свою очередь, может свидетельствовать о динамике речемыслительной деятельности и влияющих на неё экстралингвистических факторов, а также о возможных изменениях в гендерных стереотипах и установках, произошедших за последнее время. Эксперименты были проведены методами распознавания слова как знакомого/ незнакомого, оценивания степени понятности значения слова и приведения свободной ассоциации. В статье представлены результаты количественного анализа данных, собранных в ходе проведения более позднего исследования, и сравнения их с соответствующими данными, полученными во время первого исследования. В процессе обработки этой информации исследователи подтвердили вывод о том, что гендерный фактор не оказывает значительного влияния на речемыслительные процессы человека. При этом в ходе сравнительного анализа экспериментальных данных обоих экспериментов были выявлены несовпадающие и противоречащие друг другу тенденции. В заключении авторы статьи подчёркивают, что более точная интерпретация факта склонности участников более позднего исследования к частому отказу от приведения ассоциативных реакций и других установленных расхождений с результатами первого исследования будет дана после качественного анализа и сопоставления данных обоих экспериментальных исследований.

Ключевые слова: гендер; гендерные стереотипы; гендерные установки; речемыслительная деятельность; ассоциативный эксперимент; количественный анализ; сравнительный анализ.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Благодарности: Авторы выражают благодарность инженеру кафедры теоретической и прикладной лингвистики Юго-Западного государственного университета (г. Курск) Медведевой Анне Андреевне за неоценимую помощь в организации и проведении экспериментального исследования.

Для цитирования: Виноградова М. В., Эркенова Д. И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования изменений гендерной специфики восприятия новых слов носителями языка // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 2. С. 63-73.

Статья поступила в редакцию 23.03.2022

Статья подписана в печать 18.05.2022

Статья опубликована 30.06.2022

© Виноградова М. В., Эркенова Д. И., 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика / Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2022; 12(2): 63–73

Association Experiment as a Method of Gender Specific Changes Study of New Words Perception by Native Speakers

Margarita V. Vinogradova¹✉, Jamilya I. Erkenova¹

¹ MIREA – Russian Technological University
78, Vernadsky Avenue, Moscow 119454, Russian Federation

✉ e-mail: rita_kuptsova@mail.ru

Abstract

The article reveals some comparative analysis results of the two experimental researches of the gender aspect of the native Russian speakers' perception of new words meanings. Such researches contribute into individual conscience studies that are crucial for the understanding of the whole nationality cultural and social worldview. The experimental researches being analyzed were conducted within a fifteen years period and with a purpose of finding out any inconsistencies between the received results that can indicate some dynamics in speech and cogitation activities and in extralinguistic impacts they are exposed to as well as in possible gender stereotypes and attitudes recent changes. Methods of a cue word familiarity indication, a word meaning clarity evaluation and associative reaction were used to achieve the stated purpose. The results of the latest experimental data quantitative analysis and its comparison to the first research data are displayed in the article. During this information processing the researchers verified the fact that gender does not make any essential impact on the speech and cogitation activities. Some inconsistent and contradictory tendencies were also detected as a result of the comparative analysis. In conclusion, the authors of the article emphasize that a precise interpretation of them as well as of more frequent refuses from association reacting manifested during the latest research will be revealed after the both experiments qualitative analysis and comparison.

Keywords: gender; gender stereotypes; gender attitudes; speech and cogitation; association experiment; quantitative analysis; comparative analysis.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the engineer of the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Southwestern State University (Kursk) Anna Andreevna Medvedeva for her invaluable assistance in organizing and conducting an experimental study.

For citation: Vinogradova M. V., Erkenova J. I. Association Experiment as a Method of Gender Specific Changes Study of New Words Perception by Native Speakers. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(2): 63–73 (In Russ.).

Received 23.03.2022

Accepted 18.05.2022

Published 30.06.2022

***

Введение

Во все времена человеку свойственно было сравнивать себя с поколениями предков и потомков в больших или меньших масштабах. Всегда находились люди, считавшие, что молодёжь менее умна, образованна, начитана, сообразительна и т.п. И всегда были те, кто возражал им, приводя в пример достижения технического прогресса, спортивные рекорды, развитие научной мысли и прочее.

Поэтому и исследования с диахронических позиций широко применяются во всех антропоцентричных отраслях научного знания, включая такие молодые, не насчитывающие ещё ста лет официального существования, как психолингвистика, когнитивная психология, когнитивная лингвистика и другие. Изменения, происходящие в обществе, свидетельствуют об изменениях в сознании человека и, соответственно, в являющихся предметом

изучения когнитивистики картинах его мира. Стремительность этих перемен стимулирует интерес к лонгитюдным исследованиям процессов интеллектуального развития личности как к возможности глубже проникнуть в тайну устройства сознания индивида, больше узнать о работе когнитивных процессов человека и, может быть, немного приблизиться к разгадке человеческого подсознания. Не менее значимы подобные исследования и для социологических наук: какой бы уникальной ни была языковая, философская, мифологическая, эстетическая и любая другая картина мира отдельного индивида, она в значительной степени отражает соответствующую картину мира социокультурной общности, к которой он принадлежит. Состав, структура, яркость, динамика развития компонентов картины мира позволяют судить о современном состоянии восприятия окружающей людей действительности.

Изучение содержания индивидуального и массового сознания происходит через анализ языковой картины мира человека. Язык фиксирует и воспроизводит любые исторические процессы, явления и факты, формируя таким образом персональную и коллективную память. Языковая картина мира при этом позволяет накапливать человеческий опыт в виде языковых знаков в неограниченном количестве, что одновременно является и достоинством, и недостатком этой системы. С одной стороны, всё, с чем когда-либо столкнулся индивид, воспринято, интерпретировано и сохранено его сознанием и, соответственно, может быть доступно исследователю. С другой стороны, объём хранимой информации настолько велик, что легкодоступный, поверхностный слой памяти содержит только востребованные, актуальные данные, а для извлечения неиспользуемой и поэтому расцениваемой мозгом как мало значимой и ненужной информации из глубинного уровня памяти требуются особые воздействия на психику. Основ-

ным таким средством воздействия, широко применяемым лингвистами, является ассоциативный эксперимент [1].

Ассоциативный эксперимент перспективен с точки зрения изучения содержания индивидуального и, соответственно, массового сознания, поскольку позволяет установить субъективные смыслы слов, выявить их семантические связи и определить характер этих связей. В результате такого исследования можно моделировать структуру или как минимум содержание некоторых фрагментов картины мира представителей какого-либо социума [2]. Сопоставление получаемых в процессе эксперимента ассоциативных полей даёт возможность измерить объём понятий слов и выделить специфические коннотации. Прикладная значимость ассоциативного эксперимента заключается в том, что данные, собранные этим методом, являются материалом для ассоциативных словарей, фиксирующих содержание лексем, выявляющих закономерности ассоциативных процессов, которые характерны для носителей языка. При этом многие исследователи указывают и на недостатки этого вида экспериментального исследования. Не существует, например, единого мнения по поводу того, какую частотность реакции на стимул следует считать релевантной для признания её отражающей действительно имеющуюся в языке закономерность, а не глубинный личностный смысл [3]. Кроме того, даже в сознании одного и того же индивида актуализируются различные ассоциативные связи слов в зависимости от конкретной ситуации, в которой предъявляются стимулы, индивидуальных особенностей самого респондента, способа инструктажа перед экспериментом, порядка следования слов-стимулов в анкете и многих других как значимых, так и незначительных факторов. Это явление, получившее название «для меня – здесь – сейчас», давно замечено и принято во внимание учёными [4]. По мнению И. А. Стерина, это принцип

распространяется и на исследователя, интерпретирующего результаты ассоциативного эксперимента, поскольку и на него влияет актуальная личностная ситуация – совокупность факторов, воздействующих на интерпретатора в момент интерпретации. Исследователь, как и любой реципиент, обладает определёнными лингвистическими и общими знаниями, имеет предшествующий опыт исследований и интерпретаций, а также испытывает воздействие окружающей среды и переживает некие эмоциональные состояния [5]. Необходимо также учитывать, что стандартизованное образование [6] и воздействие СМИ и Интернет-коммуникации на индивидуальное и массовое сознание сводят мышление и, соответственно, речь людей в набор чужих цитат, банальностей, клише и штампов [7]. И, наконец, как верно подмечают некоторые исследователи, большинство выборок для проведения ассоциативных экспериментов – это студенты университетов, т.е. молодые люди в возрасте от 17 до 25 лет с ещё, как правило, не до конца сформированными системами убеждений, установок и ценностей, что наталкивает на мысль о том, что их картина мира в той или иной степени отличается от картины мира человека старше 30 лет [7].

Тем не менее, несмотря на эти и другие возможные недостатки метод ассоциативного эксперимента позволяет наиболее эффективно, по сравнению с другими применимыми для данных целей приёмами, изучить фрагменты языковой картины наиболее результативно. Из сказанного выше очевидно, что интерпретировать данные такого эксперимента абсолютно объективно невозможно, но не менее очевиден и тот факт, что результаты этой интерпретации в любом случае будут вполне согласованными. Большой опыт работы Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета показывает, что сходная национальная когнитивная база испытуемых и исследователей, знание

интерпретатором условий проведения эксперимента и опыт интерпретации значительного объёма сходных ассоциаций позволяют учёным эффективно определять смысл обрабатываемых реакций. Более того, отмечено, что легко выделяются ядерные – совпадающие у большинства испытуемых – ассоциации, а интерпретация реакций одним исследователем никогда не бывает кардинально отличной от интерпретации другим. Кроме того, полученные данные регулярно подвергаются целому ряду процедур верификации, как-то: контрольные интерпретации результатов первичной интерпретации ещё двумя исследователями, опрос контрольной фокус-группы испытуемых, перепроверка результатов одним и тем же интерпретатором в другое время и др. [5].

Таким образом, несмотря на противоречивость характера ассоциативного эксперимента его результаты являются источником значимой, уникальной, обширной информации о психолингвистическом значении слова, языковой картине мира индивида и нации, изменениях, происходящих в сознании носителей языка, и т.п.

Материалы и методы

В целях выявления последних было принято решение сравнить данные, полученные в результате двух ассоциативных экспериментов, проведённых с разницей в полтора десятка лет. Первый эксперимент был реализован в начале 2000-х годов в рамках диссертационного исследования гендерного аспекта процесса идентификации значения нового слова и подробно описан в ряде научных публикаций [8]. Ряд стимулов из числа использованных нами был включён в список слов, отобранных для экспериментального исследования гендерной специфики восприятия феминитивов, в качестве дистракторов, в 2019 году [9]. В обоих случаях данные собирались с применением методик распознавания испытуемыми слов-стимулов как встречавшихся или не

встречавшихся ранее, определения степени понятности значения слова и приведения свободной ассоциативной реакции. Информантами выступили русскоговорящие студенты вузов в возрасте от 17 до 22 лет обоих полов.

Одинаковые условия проведения экспериментов дали нам основания полагать, что результаты будут схожими. При этом разница во времени между ними позволяет предположить, что изменившиеся за этот период социальные, культурные, политические и экономические обстоятельства жизни молодёжи могли повлиять и на языковое сознание молодых носителей русского языка.

В данной статье представлены результаты первого этапа обработки данных, собранных в ходе обоих экспериментальных исследований, – количественного анализа реакций на 7 слов, использовавшихся в качестве дистракторов во время исследования феминитивов в 2019 году, и сравнения полученных ре-

зультатов с показателями этих стимулов 2003 года. Для удобства проведения их сравнений и анализа, целесообразно было перевести количественные показатели в проценты и представить результаты в виде таблиц.

Результаты и обсуждение

В табл. 1 представлены результаты обработки информации, полученной от испытуемых (далее – ии.) обоих полов в результате выполнения ими задания на распознавание слов-стимулов как знакомых или незнакомых. Для большей наглядности мы расположили стимулы в порядке уменьшения частотности идентификации их как знакомых информантами, принявшими участие в эксперименте, проведённом в 2019 году и обозначенном нами Э2. Эксперимент, проводившийся в 2003 году, обозначен, соответственно, Э1.

Таблица 1. Сравнительный анализ данных по критерию «знакомо/незнакомо»

Table 1. Comparative analysis of the data on “familiar/ unfamiliar” criterion

Стимул	Ии-женщины, %				Ии-мужчины, %			
	знакомо		незнакомо		знакомо		незнакомо	
	Э2	Э1	Э2	Э1	Э2	Э1	Э2	Э1
обкультурировать	74	79	26	21	75	75	25	25
хмелить	64	60	36	40	70	62	30	38
борщеед	38	70	62	30	60	70	40	30
мадонность	38	49	62	51	35	47	65	53
подвёрстывать-ся	34	21	66	79	25	36	75	64
поавралить	12	24,5	88	75,5	17,5	47	82,5	53
притужный	10	9,5	90	90,5	17	87	83	13

В ходе обработки данных мы выявили ряд закономерностей. Во-первых, максимально знакомым для ии. обоих полов стимулом в обоих экспериментах является слово «обкультурировать». Количество посчитавших его таковым респондентов приблизительно одинаково в обоих случаях и составляет от 74% до 79%. Минимально знакомыми 82-90% участников

Э2 назвали стимулы «поавралить» и «притужный». Похожие результаты были получены от информантов женского пола Э1 – 75,5% и 90,5% соответственно. Ии.-мужчины Э1 при этом предоставили противоположные данные: только 13% респондентов посчитали «притужный» минимально знакомым, т.е. в 2003 г. этот стимул большинству участников-мужчин

был максимально знаком, а в 2019 г. – минимально. Во-вторых, слово «борщед», распознанное одинаковым количеством респондентов обоих полов как хорошо знакомое (70% ии.) во время Э1, перестало быть таковым для ии.-женщин, поскольку лишь 32% участниц Э2 назвали его знакомым. При этом реакции информантов мужского пола Э1 свидетельствуют о том, что 60% мужчин этот стимул встречался ранее. На наш взгляд, эта особенность заслуживает более пристального рассмотрения, т.к. включая слово «борщед» в список стимулов как для первого экспериментального исследования, так и для второго, мы руководствовались высокой продуктивностью его словообразовательной модели и степенью понятности его семантической

Таблица 2. Степень понимания значения слова

Table 2. The degree of the word meaning comprehension

Стимул		Степень понимания, баллы/%											
		Э 1						Э 2					
		0	1	2	3	4	отказ	0	1	2	3	4	отказ
притужный	жен	68	17	11	4	0	0	65	8,2	9,3	9,3	5,2	3
	муж	68	19	7,5	5,5	0	0	61,4	14	5,3	5,3	7	7
хмельить	жен	23	15	21	19	23	0	25,8	7,2	13,4	14,4	39,2	0
	муж	18	11	23	25	23	0	14	14	17,5	17,5	31,7	5,3
мадонность	жен	17	23	32	19	9	0	49,5	12,4	10,3	14,4	11,3	2,1
	муж	32	13,5	13,5	26	15	0	49,1	10,5	15,8	8,8	8,8	7
обкультурить	жен	8	11	17	21	43	0	16,5	2,1	5,2	24,7	51,5	0
	муж	8	8	19	32	32	0	17,5	5,3	15,8	15,8	42,1	3,5
борщед	жен	8	4	17	21	50	0	41,2	6,2	11,3	10,3	28,9	2,1
	муж	9	7,5	11	15	57,5	0	28,1	7	10,5	22,8	29,8	1,8
подвёрстываться	жен	62	13	17	6	2	0	50,5	20,6	12,4	4,1	12,4	0
	муж	51	17	17	9	6	0	61,4	12,3	7	7	7	5,3
поавралить	жен	58	23	8	9	2	0	73,2	7,2	7,2	11,3	1	0
	муж	16,5	23	11	13,5	36	0	71,9	5,3	8,7	3,5	5,3	5,3

К наименее и наиболее понятным ии. обоих полов, принявшим участие в двух экспериментальных исследованиях, отнесли практически одни и те же слова-стимулы. 50-73,9% респондентов мужского и женского полов расценили стимулы «поавралить», «притужный», «под-

структуры. По нашему мнению, это должно было гарантировать довольно большой процент распознавания его как знакомого, встречавшегося ранее, особенно – учитывая стереотип, предписывающий женщинам в нашем обществе роль хорошей домашней хозяйки, в том числе умеющей готовить блюда национальной кухни, – информантам женского пола. Разумеется, единичного факта противоречия распространённой тенденции недостаточно для обоснования выводов. Поэтому нам кажется целесообразным разработать и провести новое экспериментальное исследование в этом направлении.

Данные, собранные методом оценки степени понимания значения слова, приведены в табл. 2.

вёрстываться» как абсолютно непонятные в ходе обоих экспериментов. Показатели максимальной степени распознаемости слов значительно ниже показателей минимальной степени и составляют от 23% до 57% респондентов. Абсолютно непонятными информанты обоих полов по-

считали слова «обкультировать», «борщед» и «хмелить». При этом отмеченная нами в ходе проведения Э1 особенность, заключающаяся в том, что ии. противоположных полов продемонстрировали противоположные результаты понимания стимула «поавралить», не проявилась в Э2. Этот факт объясняется, вероятнее всего, особенностями речемыслительной деятельности информантов мужского пола, обозначившимися во время проведения исследования под влиянием каких-то определённых условий сложившейся на тот момент ситуации.

Кроме того, нами была выявлена особенность Э2, которая не была отмечена в ходе Э1, а именно: респонденты обоих полов не только оценивали степень понятности значений стимулов 0 баллов в случае возникновения затруднений с их распознаванием, но и отказывались от оценивания – ставили в графе «понятно/ непонятно» прочерк вместо балла. Интерпретировать этот факт однозначно

представляется затруднительным, поскольку к причинам такого поведения ии. можно отнести особенности инструктажа перед исследованием, нежелание респондентов участвовать в эксперименте, непонимание ими задания, сознательное использование прочерка вместо оценки «0 баллов» или иные факторы окружающей обстановки. Установить, в силу каких именно причин информанты ответили отказом на это задание, возможным не представляется. Требуется схожие результаты и дополнительные экспериментальные исследования для ответа на вопрос, было ли такое поведение ии. осознанным и о каких особенностях речемыслительной деятельности ии. оно свидетельствует.

Одним из довольно распространённых методов приведения реакции на слово-стимул является отказ от приведения реакции. Результаты обработки данных по этому показателю приведены в табл. 3.

Таблица 3. Статистика отказов от приведения ассоциативных реакций

Table 3. The statics of refusal to give associations

стимул	Ии-женщины, %		Ии-мужчины, %	
	Э2	Э1	Э2	Э1
притужный	74,7	64,1	86	39,6
поавралить	71,1	67,9	64,9	39,6
подвёрстываться	55,7	64,1	75,4	32
мадонность	55,7	22,6	77,2	24,5
хмелить	33	32	38,6	15
обкультировать	24,7	11,3	36,2	9,4
борщед	35,9	11,3	31,6	9,4

В табл. 3. слова-стимулы расположены в порядке убывания количества участвовавших в Э1 и Э2 ии. обоих полов, отказавшихся реагировать на них ассоциацией. Наибольшее количество нулевых реакций было дано респондентами в ходе обоих исследований на стимулы «притужный» и «поавралить», наимень-

шее – на стимулы «борщед» и «обкультировать». Кроме того, отчётливо прослеживается тенденция к росту количества отказов от приведения ассоциативных реакций от Э1 к Э2. Особенно явно эта закономерность проявилась в данных, полученных от информантов-мужчин, которые показывают, что участники Э2

мужского пола не отреагировали на стимулы ассоциацией в 2-3 раза чаще, чем участники Э1, опередив таким образом по этому показателю ии.-женщин, участвовавших в Э2. При этом во время обработки результатов Э1 было установлено, что мужчины давали нулевые реакции реже женщин, что свидетельствовало о

Таблица 4. Количество ассоциативных реакций

Table 4. The number of associations

Стимул	Э 1			Э 2		
	жен	муж	всего	жен	муж	всего
притужный	29	39	68	15	8	23
хмельить	38	36	74	22	16	38
мадонность	43	43	86	26	11	37
обкультурить	69	71	140	43	29	72
борщеед	35	33	68	12	11	23
подвёрстываться	28	32	60	24	12	36
поавралить	21	38	60	18	13	31

Подсчитав общее количество полученных реакций, мы установили, что ии. обоих полов, участвовавшие в Э2, дали значительно меньше ответов на все стимулы, чем ии. Э1. Кроме того, в Э2 информанты женского пола привели больше реакций, чем ии.-мужчины, в то время как в Э1 последние опережали ии.-женщин по этому показателю. При этом, как и 15 лет назад, информанты охотнее всего отреагировали на стимул «*обкультурить*», что объясняется высокой степенью понятности словообразовательной модели слова и «прозрачностью» лексических значений образующих его морфем.

Что касается вызвавших наименьшее количество откликов стимулов, то у респондентов Э2 женского пола это «*борщеед*», у ии.-мужчин – «*притужный*», у информантов-женщин Э1 – «*поавралить*», у участников мужского пола – «*подвёрстываться*». В целом, эти результаты не противоречат друг другу, по-

склонности первых соответствовать социальной модели умственной твёрдости, предписываемой им гендерной ролью.

Результаты количественной обработки данных, собранных методом приведения ассоциативных реакций, приведены в табл. 4.

скольку на все эти стимулы приведено меньшее количество реакций, чем на остальные.

Выводы

Таким образом, результаты количественной обработки данных, полученных от респондентов в процессе проведения Э2, и сравнение их с результатами Э1 позволяют нам сделать ряд выводов. Во-первых, подтвердилась наша гипотеза об отсутствии существенных оснований говорить о гендерных отличиях, которые характеризовали бы процесс идентификации значения слова людьми в возрасте от 17 до 22 лет. Во-вторых, как мы и предполагали, обнаружили некоторые особенности идентификации значений стимулов, которые могут свидетельствовать об изменении речемыслительных процессов молодёжи под влиянием изменившихся условий окружающей действительности. Так, слово-стимул «борщеед», опознававшееся как хорошо знакомое

60% ии.-женщинами и 70% ии.-мужчин в начале 2000-х гг., было оценено респондентами как малознакомое спустя полтора десятка лет – всего 38% участниц посчитали его знакомым. При этом количество встречавших этот стимул ранее информантов мужского пола не изменилось. Кроме того, прослеживается чёткая тенденция к значительно более частому (в среднем, в два раза) отказу современных молодых людей в возрасте 17 – 22 лет от приведения ассоциативной реакции по сравнению с молодёжью того же возраста начала 2000-х гг. Более того, участницы второго экспериментального исследования склонны отказываться от выполнения этого задания реже, чем участники противоположного пола, что противоречит данным первого исследования, в ходе которого мужчины предпочитали соответствовать гендерно маркированной норме умственной твёрдости, предписывающей им стремиться преодолеть возникающие у них затруднения при решении интеллектуальных задач.

На наш взгляд, это может быть следствием как изменившегося отношения мужчин к существовавшему ранее гендерным стереотипам, так и характерной для современной молодёжи обоих полов склонности к ощущению меньшей ответственности за выполнение учебных, личных или общественных задач или общего падения уровня начитанности и объёма фоновых общекультурных знаний учащихся и студентов в последние несколько десятилетий. И принцип «для меня – здесь – сейчас» также не следует сбрасывать со счетов. Мы рассчитываем дать более чёткую интерпретацию изложенных фактов после качественной обработки ассоциативных реакций [10], полученных в ходе второго экспериментального исследования, и сравнения их с ответами респондентов, принимавших участие в первом эксперименте.

Список литературы

1. Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.
2. Стернин И. А. Психолингвистическое описание значения как источник информации об обществе // Теория речевой деятельности: вызовы современности: материалы XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М.: Изд-во «Канцлер», 2019. С. 23–25.
3. Хлопова А. И. Ассоциативный эксперимент как метод установления изменения коннотации базовой ценности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, №1(30). С. 80-85.
4. Залевская А. А. Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с.
5. Стернин И. А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. 2020. Т. 3 (45). С. 110-125.
6. Кудинова Т. В., Каппушева И. Ш., Эркенова Д. И., Удалова Н. В. Важные педагогические факторы эффективного обучения иностранному языку в непрофильном ВУЗе // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Международной научно-практической конференции. Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 2021. С. 104–111.
7. Никитина Е. С. Ассоциативный эксперимент в хронотопе коммуникаций (психолингвистический аспект) // Russian Linguistic Bulletin. 2021. 4(28). С. 193-201. DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.4>

8. Виноградова М. В. Гендерный аспект процесса идентификации значения нового слова носителями языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2009. 18 с.
9. Медведева А. А., Виноградова М. В. Гендерные особенности процесса восприятия феминитивов // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований: сборник II Международной научной конференции. Курск, 2020. С. 238-246.
10. Степыкин Н. И. Классификация вербальных реакций как важнейший этап интерпретации экспериментальных данных // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7. №1 (22). С. 39-46.

References

1. Zalevskaya A. A. *Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta* [The meaning of a word through the prism of an experiment]. Tver', Tver. gos. un-t Publ., 2011. 240 p.
2. Sternin I. A. [Psycholinguistic description of meaning as a source of information about society]. *Teoriya rechevoj deyatel'nosti: vyzovy sovremennosti. Materialy XIX Mezhdunarodnogo simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikacii* [Theory of speech activity: Challenges of Modernity. Proceedings of the XIX International Symposium on Psycholinguistics and Theory of Communication]. Moscow, Kancler Publ., 2019, pp. 23–25 (In Russ.).
3. Hlopova A. I. Associativnyj eksperiment kak metod ustanovleniya izmeneniya konnotacii bazovoj cennosti [Associative experiment as a method of establishing changes in the connotation of the basic value]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 80-85.
4. Zalevskaya A. A. *Tekst i ego ponimanie* [The text and its understanding]. Tver', Tver. gos. un-t Publ., 2001. 177 p.
5. Sternin I. A. Problemy interpretacii rezul'tatov associativnyh eksperimentov [Problems of interpretation of the results of associative experiments]. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of Psycholinguistics*, 2020, vol. 3 (45), pp. 110-125.
6. Kudinova T. V., Kappusheva I. Sh., Erkenova D. I., Udalova N. V. [Important pedagogical factors of effective teaching of a foreign language in a non-core university]. *Yazykovoj diskurs v social'noj praktike. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Language discourse in social practice. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Tver', 2021, pp. 104–111 (In Russ.).
7. Nikitina E. S. Associativnyj eksperiment v hronotope kommunikacij (psiholingvisticheskij aspekt) [Associative experiment in the chronotope of communication (psycholinguistic aspect)]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2021, 4(28), pp. 193-201. DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.4>
8. Vinogradova M. V. *Gendernyj aspekt processa identifikacii znacheniya novogo slova nositelyami yazyka*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Gender aspect of the process of identifying the meaning of a new word by native speakers. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Kursk, 2009. 18 p.
9. Medvedeva A. A., Vinogradova M. V. [Gender features of the process of perception of femininitives]. *Yazyk, kul'tura, mental'nost': problemy i perspektivy filologicheskikh issledovanij. Sbornik II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Language, culture, mentality: problems and prospects of philological research: collection of the II International Scientific Conference]. Kursk, 2020, pp. 238-246 (In Russ.).

10. Stepykin N. I. Klassifikaciya verbal'nyh reakcij kak vazhnejshij etap interpretacii eksperimental'nyh dannyh [Classification of verbal reactions as the most important stage of interpretation of experimental data]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2017, vol. 7, no. 1 (22), pp. 39-46.

Информация об авторах / Information about the Authors

Виноградова Маргарита Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института радиоэлектроники и информатики, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: rita_kuptsova@mail.ru

Margarita V. Vinogradova, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor of Foreign Languages Department of Institution of Radio Electronics and Informatics, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation, e-mail: rita_kuptsova@mail.ru

Эркенова Джамиля Исмаиловна, ассистент кафедры иностранных языков Института радиоэлектроники и информатики, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: erkenova@mirea.ru

Jamilia I. Erkenova, Assistant of Foreign Languages Department of Institution of Radio Electronics and Informatics, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation, e-mail: erkenova@mirea.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81.23

**Экстралингвистический контекст деятельности понимания
как сфера интереса психолингвистики****Т.В. Кружилина¹ ✉, И.Б. Кружилин¹**

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: t.kruzhilina@yandex.ru

Резюме

Современная социально-экономическая ситуация информатизации общества характеризуется доминированием пассивных видов деятельности, осуществляемых в большей степени виртуально и ведущих к речевым нарушениям. Статья посвящена вопросам восприятия и понимания речи и текста. Обсуждается вопрос междисциплинарного изучения проблемы формирования способности понимания устного сообщения детьми дошкольного возраста и развития речевой деятельности индивида в целом. Цель статьи – исследование механизмов формирования способности понимания в онтогенезе в свете новых исследований в области поликодовой коммуникации. Решаются задачи изучения экстралингвистических факторов в широком контексте, к которым автор относит факторы социального окружения ребёнка-участника эксперимента. Исследование деятельности понимания устного сообщения осуществляется с помощью отработанной методики, апробированной Е.Г. Биевой в 80-х годах прошлого столетия. Сопоставительный анализ двух экспериментов с разницей в 30 лет проводится с учётом психолого-социального мониторинга среды и условий проживания испытуемых детей в семье. Также применяются методы денотатного анализа текста, методы математического моделирования для подсчёта результатов, метод анкетирования и метод прогнозирования риска развития речевой патологии. Делается вывод о том, что способность понимания текста формируется в контексте налаженной предметно-практической деятельности ребёнка и его общения со взрослыми. Обращается внимание на ухудшение речевого здоровья детей и общее снижение уровня понимания в дошкольном детстве, что в контексте проблемы функциональной неграмотности и стремительного развития поликодовой коммуникации представляет собой острую и актуальную тему, требующую дальнейших серьёзных междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: психолингвистика; детская речь; понимание текста; факторы среды; экстралингвистический контекст, денотатный анализ текста.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кружилина Т.В., Кружилин И.Б. Экстралингвистический контекст деятельности понимания как сфера интереса психолингвистики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 2. С. 74–88.

Статья поступила в редакцию 17.01.2022   Статья подписана в печать 31.03.2022

Статья опубликована 30.06.2022

© Кружилина Т.В., Кружилин И.Б., 2022

The Extralinguistic Context of the Activity of Understanding as a Sphere of Psycholinguistic Interest

Tatiana V. Kruzhilina¹ ✉, Igor B. Kruzhilin¹

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: t.kruzhilina@yandex.ru

Abstract

The current social and economic situation characterized by overall informatization demonstrates prevailing modern activities participated in to a greater extent virtually as causing speech deviations and disorders. The article deals with the issues of speech / text processing. It reports the results of the interdisciplinary study on speech perception and speech understanding ability among preschool children in the context of a child's speech development process. The object of the article is to study the mechanisms driving the ability to understand the spoken language in ontogenesis taking into account new research in the field of polycoded communication. The analysis of extralinguistic surroundings is conducted, the last being viewed as social factors affecting the child under experiment. The research on the active understanding of a language message given in spoken words has been designed to make use of a proven methodology tested by E.G. Bieva in the 80-s of the last century. Methods of denotational text analysis, a questionnaire method and a method for predicting the risk of speech pathology are made use of. It is concluded that the ability to understand a text message is being developed in the context of a well-organized subject-based practical activity of a child and their communication with adults. Attention is drawn to the deterioration of children's speech health and general decrease in the level of speech / text understanding in preschool childhood. It is considered to be a topic of further research viewed in the context of functional illiteracy and rapid development of polycoded communication.

Keywords: psycholinguistics; children's speech; text understanding; environmental factors; denotation, denotation analysis of the text.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bepalova E. A., Sergeeva A.A. Problems of Speech Culture on Regional Radio. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(2): 74–88 (In Russ.).

Received 17.01.2022

Accepted 31.03.2022

Published 30.06.2022

***

Введение

Статья посвящена вопросам психолингвистики (далее ПЛ), к которым относятся механизмы, стратегии и опоры при пользовании языком в совокупности с особенностями употребления оных в различных условиях при действии комплекса лингвистических и экстралингвистических факторов. Парадигмой современного языкознания можно смело считать тенденцию к рассмотрению языковых явлений сквозь призму широкого социального контекста [1, 2, 3, 4]. Такая практика есть отражение современного понимания

места языка в социуме, и характерная особенность здесь – обогащение эмпирической базы исследований и использование моделей речевого поведения участников коммуникации. Подтверждает эту мысль высказывание Е.Ф. Тарасова: «Вероятно более всего тенденция к построению более адекватных моделей, отображающих речевое общение коммуникантов и учитывающих как внутренние (психологические, психолингвистические), так и внешние (социальные и социально-психологические) детерминанты речевой коммуникации, проявилась в психолинг-

вистике» [5, с. 20]. Мы, вслед за процитированным учёным, придерживаемся понимания ПЛ в широком смысле слова как междисциплинарной когнитивной науки, вооружённой знанием закономерностей взаимодействия в социуме, владеющей понятийным аппаратом для изучения экстралингвистических факторов, детерминирующих речевое общение.

Теоретическую базу нашего экспериментального исследования составили концепции и идеи представителей разных ПЛ школ, поэтому автор считает необходимым кратко коснуться некоторых аспектов, связанных с историей возникновения отечественных ПЛ школ и её ведущих деятелей. Подробное освещение состояния вопроса, проблематику современных исследований и историческую справку можно найти в публикации О.В. Фёдоровой [6]. Остановимся на важных (в контексте нашей экспериментальной работы) вехах в истории отечественной ПЛ науки.

Развитие ПЛ традиций в нашей стране неразрывно связано со становлением Московской и Петербургской лингвистических школ, а также с исследованиями всемирно известных учёных советской психологической и нейропсихологической школ – А.Р. Лурии, А.С. Выготского, А.И. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна. Именно их наследие позволило нам провести масштабное междисциплинарное исследование, взяв за основу отечественную теорию деятельности и учение о формировании высших психических функций. В рамках концепции Л.С. Выготского с середины 30-х годов прошлого столетия в психологии активно развивается деятельностный подход. Психолингвистическая теория деятельности, восходящая к идеям Выготского и Рубинштейна и развитая А.Н. Леонтьевым, была адаптирована и дополнена учением о речевой деятельности, ставшим, по сути, парадигмой новой ПЛ науки.

Согласно идеям Московской ПЛ школы, которые представлены в трудах А.А. Леонтьева, Н.И. Жинкина, А.И. Новикова, Т.В. Ахутиной, Р.М. Фрумкиной,

А.М. Шахнаровича и многих других исследователей, речевая память, присущая каждому говорящему человеку, не есть пассивное хранилище знаний о языке, но активная, функциональная самоорганизующаяся система, в которой речевой опыт и его продукт находятся в постоянном взаимодействии. То есть новая поступающая информация перестраивает всю систему речевого опыта. ПЛ интересуется именно этот процесс вкупе с механизмами речевой деятельности индивида [7, 8, 9, 10, 3, 11, 12].

Теория текста Л.В. Сахарного, созвучная общностью концепции с учением о смысле А.И. Новикова, развивалась и обогащалась экспериментальными данными в трудах их учеников. Сопоставительный анализ научных идей двух учёных приводится в обзоре, посвящённом становлению ПЛ текста [13]. Авторы рассматривают концепцию ПЛ текста, возникшую в 70-80-х гг. прошлого века. Лингвистика текста предполагает акцент на семантику, структуру и функционирование текста как продукта языка, тогда как ПЛ интересуется текст как деятельность. Особенность ПЛ подхода к исследованию текста состоит в том, что он рассматривается как динамический когнитивный процесс, как акт мыслительной активности, как некая внутренняя форма, способная к декодированию в момент восприятия когнитивными структурами индивида. То есть содержания текста нет вне процесса его понимания. «Поэтому оно (содержание – авт.) не передаётся, а возбуждается, вызывается в мозгу человека, воспринимающего текст. В связи с этим текст должен строиться так, чтобы формирование содержания в интеллекте партнёра по коммуникации было оптимальным, эффективным и адекватным» [12, с. 27].

Остановимся на механизмах понимания вербального текста (в отличие от текста поликодового, о котором будет говориться позже). Основные положения можно кратко охарактеризовать следующим образом: механизмы понимания

вербального текста отвечают за проецирование ментальных образований автора на сферу сознания адресата текста и формируются на основании механизмов декодирования значений отдельных слов и предложений, при этом концепт текста, представляющий собой смысловое и содержательное единство и являющийся конечным результатом понимания, создаётся при наличии способности объединения отдельных смыслов в один общий смысл текста. Понимание текста происходит при успешном взаимодействии системы предметных знаний, формирующихся в когнитивных структурах в процессе онтогенетического развития в ходе коммуникации и предметно-познавательной деятельности индивида, и системы денотатов, из которых состоит содержательная структура текста. В случае значительного несовпадения этих систем при восприятии текста характерной особенностью является перестройка содержательной структуры текста в соответствии с индивидуальной системой знаний реципиента, что приводит к искажению образа содержания текста. В случае, когда текст коррелирует со знакомыми жизненными ситуациями, понимание улучшается. И коль скоро любое употребление языка – это трансляция накопленного автором опыта, каждый акт понимания текстового сообщения – апеллирование к опыту понимающего. То есть языковое существование индивида – это непрекращающееся взаимодействие его личного опыта, экстралингвистических знаний и языка, а любой акт коммуникации – это взаимодействие опыта говорящего с опытом внимающего [7, 14, 15, 3, 12].

Методы исследования

Задачи данной статьи отсылают нас к истории проведения одного эксперимента, идея которого родилась в конце 70-х годов прошлого столетия в «стенах» Московской ПЛ школы, и уже в 1984 г. Еленой Георгиевной Биевой под руководством Александра Марковича Шахаровича была защищена диссертация

«Факторы, влияющие на понимание текста (на материале детской речи) [16]. Автор исследовала специфику понимания речевого сообщения в детском возрасте с помощью экспериментальной методики А.И. Новикова, метода денотатного анализа текста. Елена Георгиевна сделала ряд важных выводов относительно возрастных особенностей и этапов формирования способности понимания текста в дошкольном возрасте. Авторов данной статьи эта работа заинтересовала чрезвычайно. Именно наблюдения за маленькими детьми, за их игровой деятельностью, за интересом к книгам и чтению, за тягой к просмотру телевизора породили желание разобраться, почему дети одних родителей такие разные, почему так по-разному развиваются ВПФ, почему в одной семье бывают разные речевые сценарии (в нашей семье развернулись три похожих сценария речевого развития), насколько абсолютным является генетический фактор, на что способны силы целенаправленного педагогического воздействия в случае с неблагополучными семейными речевыми сценариями. Работа Е.Г. Биевой ответила на некоторые вопросы, но ещё больше их появилось. Главный вопрос – как изменились дети и их способность понимать речевое высказывание за прошедшие с момента проведения эксперимента 30 лет. Так появилась идея повторить эксперимент Е.Г. Биевой, организовав параллельное социопсихологическое исследование факторов социального окружения детей-участников эксперимента, которое предполагало глубокое изучение теоретической части вопроса.

Присущий отечественной ПЛ второй половины прошлого века новый взгляд на языковые явления, предполагающий признание значимости коммуникативного компонента языка и роли взрослого в процессе постижения языка ребёнком обнажил узость генеративного и формально-лингвистического направлений в изучении вопросов онтогенеза речи. Особенностью нового подхода к изучению

сферы детской речи стала тенденция объяснять данный феномен, а не только описывать и констатировать отдельные факты. Следующим достижением можно считать фокус на экстралингвистическую информацию в широком смысле – в контексте развития речевой способности это фокус на условия, в которых эта способность формируется и развивается. Ещё Л.С. Выготский в своё время обосновал важность и целесообразность исследования факторов среды, в которой развивается индивид, в частности, ребёнок [17]. Учёный констатировал, что при формировании ВПФ биологическая природа человека вкупе с социальными факторами детерминируют протекание внутренних психических процессов, и равновесие всей системы онтогенеза может быть нарушено из-за неблагоприятного воздействия факторов среды и условий социальной жизни, что, безусловно, сказывается на психических процессах, в частности, на речевой способности ребёнка – на процессах продуцирования и понимания речи. Специфика детской речи очень хорошо согласуется с психологической теорией деятельности, и деятельностный подход, принятый в отечественной ПЛ для изучения речевых явлений, как нельзя лучше объяснил связь практической и познавательной деятельности, которой занимается ребёнок, с развитием его ВПФ, в частности, речевой способности.

В своём исследовании мы опирались на труды уже упомянутых нами учёных советской школы, обосновавших роль социальных факторов, общения и предметно-практической деятельности в процессе развития индивида и в частности, в процессе становления его речевой функции. Мы исходили из того, что, не взирая на наличие у каждого человека антропологически обусловленного набора физических и психических характеристик, каждый индивид есть единственный и неповторимый в своём роде экземпляр, в котором, как в наборе паззлов, сочетаются генетические и социальные факторы,

все воздействия, которым подвергался ребёнок, все условия и обстоятельства, в которые он попал волею судеб. Это в определённой степени объясняет наш интерес к социальной жизни испытуемых. Нам было недостаточно повторить когда-то проведённый эксперимент, необходимо было решить ряд задач, как то: изучить деятельность понимания речевого сообщения в общем контексте речевого развития и развития ВПФ ребёнка-дошкольника; исследовать возможную взаимосвязь между условиями, в которых ребёнок находится в семье и уровнем сформированности речевой функции и способностью понимания текста; выявить меру педагогического воздействия в семье и качество общения взрослых и ребёнка.

Экспериментальное исследование проходило в несколько этапов. На начальном этапе с целью отбора экспериментальной группы была использована методика, созданная совместными усилиями наших коллег из Юго-Западного государственного университета и Курского государственного медицинского университета, направленная на установление прогнозируемых рисков развития речевой патологии у детей-дошкольников путём применения алгоритма оценки рисков исходя из анализа данных генеалогического, социального, биологического и психологического анамнезов ребёнка [18]. Для проведения анализа были использованы данные медицинских карт предполагаемых испытуемых. Для чистоты эксперимента мы, вслед за Е.Г. Биевой, отобрали детей, не имеющих в анамнезе психических и речевых расстройств. Дети, посещающие логопедические группы, в эксперименте участия не принимали. Экспериментальную группу составили 12 детей младшей группы детского сада 3-4 лет, 17 детей средней группы 4-5 лет, 19 детей старшей группы 5-6 лет и 17 детей подготовительной группы 6-7 лет.

На следующем этапе было инициировано масштабное анкетирование роди-

телей испытуемых с целью выяснения образа жизни детей в семье. Нас интересовали такие моменты, как возраст, профессия и образование родителей, полнота семьи, наличие братьев / сестёр, бабушек / дедушек, особенности игровой и предметно-практической деятельности ребёнка (любимые игрушки и игры), характеристики общения со взрослыми, степень участия книг и телевидения в жизни ребёнка и пр. Применение поисковой таблицы для установления риска неблагоприятного воздействия социальных факторов позволило просчитать степень отягощённости социального анамнеза по следующим параметрам: возраст родителей старше 40 лет, неполная семья, наличие в семье вредных привычек, низкий образовательный уровень родителей, воспитание в двух домах, неблагоприятные жилищные условия и пр. Данные показатели, безусловно, были субъективны. Результаты показали стабильно благополучную социальную обстановку в семьях испытуемых детей. Но несмотря на возможные искажения в ответах анкет, мы получили важную информацию относительно особенностей предметной деятельности, общения со взрослыми, чтения книг детям и просмотра телевизора.

Интерес к двум последним аспектам был обусловлен исследованиями в контексте проблемы функциональной неграмотности, поразившей развитые страны в последние десятилетия. Функциональная неграмотность понимается как неспособность эффективно функционировать в обществе, справляться с профессиональными обязанностями, ориентироваться в информационных потоках, понимать прочитанный текст. Эта проблема широко освещается и исследуется, обзоры можно найти в работах [19, 20, 21]. Причины функциональной неграмотности связаны с нарушениями развития ВПФ в дошкольном детстве, которые всегда носят системный и комплексный характер и обусловлены рядом факторов. Одной из главных причин, согласно многочислен-

ным исследованиям в нашей стране и за рубежом, признаётся подмена продуктивных видов деятельности непродуктивными, когда активное освоение ребёнком окружающего мира в процессе предметно-практической деятельности подменяется пассивным созерцанием за деятельностью других при просмотре телевизора или собственной непродуктивной деятельностью в виртуальном мире мобильных и компьютерных игр. Это препятствует развитию познавательных процессов и становлению саморегуляции собственной деятельности. В отношении речевой функции отклонения также очевидны и выражаются в нарушении способности понимания речевого сообщения и записанного текста, что всегда ведёт к проблемам с чтением и со школьным обучением в принципе [22]. Именно знакомство с исследованиями о влиянии гаджетов и телевидения на развитие ребёнка и о значительном ухудшении речевого здоровья детей (см. [23]), привело нас к идее повторения эксперимента 30-летней давности. Дети, принимавшие участие в эксперименте Е.Г. Биевой, были приблизительно моими ровесниками. Это значит, что мы (автор) можем с абсолютной уверенностью судить о ведущих видах деятельности детей дошкольного возраста того периода времени, о характере общения со взрослыми, степени участия книг и телевидения, т.к. воспитательные модели в советский период времени были очень схожи, дети в основной массе посещали детский сад, чтение было культовым видом деятельности, а просмотр телевизора – нет. Данные об ухудшении речевого здоровья детей согласуются с социально-экономическими изменениями в обществе. Информатизация всех общественных ниш привела к тому, что доминирующим видом деятельности стала пассивная виртуальная деятельность, погружающая нас в мир многоканального телевидения, многообразной игровой мир мобильных и компьютерных развле-

чений, разнонаправленные социальные сети.

Современный ребёнок находится в информационной «матрице» практически с рождения. Как показали результаты нашего анкетирования родителей, большинство из них были абсолютно убеждены в эффективности образовательных телепрограмм для детей и не возражали против просмотра ребёнком «полезных» передач». Однако, обратное доказывают эксперименты Найссера и Сперлинга по установлению объёма восприятия визуальной информации и информации на слух, в ходе которых был вычислен объём эхоической и иконической памяти, гарантирующий сохранность звуковых и зрительных впечатлений и их доступность для последующей обработки [24]. Учёными было установлено, что поступающая информация быстро исчезает, если не подвергается немедленной обработке когнитивными структурами. Длительность хранения зрительного впечатления равна 250 мсек (1/4 сек), а звукового – от 250 мсек до 4 сек. То есть входящее новое знание должно быть акцентировано, выделено из потока информации, проговорено и закреплено. В непрерывном телевизионном потоке это практически невозможно.

Воздействие телевидения неоднозначно и обусловлено целым рядом факторов, согласно данным современных исследований [25]. Отправной точкой своего исследования мы взяли результаты мониторинга, проведённого в 2009 г. Д. Хриstackисом, возглавляющего центр детского здоровья, поведения и развития при институте исследования детей в Сиэтле. Было установлено, что включенный телевизор негативно сказывается на речевом развитии ребёнка, причём не имеет значения, идёт ли речь о чистом просмотре во время или включенный телевизор используется в качестве фона. При изучении детей, оснащённых цифровыми звукозаписывающими устройствами, в возрасте от 2-х месяцев до 4-х лет обна-

ружилось, что при работающем телевизоре резко меняется характер общения ребёнка и взрослого – долгота и количество фраз сокращается, количество слышимых испытуемым слов уменьшается. В исследовании Хриstackиса количество слов составило 770, что составило лишь 7% от среднего объёма слышимых слов. При этом отмечается, что в 30% домохозяйств в США телевизор практически не выключается. Американская Академия Педиатрии (American Academy of Pediatrics, AAP) регулярно публикует рекомендации для родителей о важности исключения телевидения для детей до двух лет и сокращения просмотренного времени для более старших детей. В 2007 г. ААП инициировали масштабное исследование «Digital Childhood: Electronic Media and Technology Use Among Infants, Toddlers, and Preschoolers». Подробно с результатами можно ознакомиться здесь (см. [26]), кратко можно отметить, что 85% респондентов впервые услышали о рекомендациях ААП во время опроса, 56% родителей детей 3-4 лет отметили соблюдение рекомендуемых норм. Что касается большинства семей, в них нет ограничений на время просмотра телевизора, очень распространена практика наличия нескольких телевизоров в семье, в разных комнатах, не исключая детской. Многим телевизор помогает уложить ребёнка спать, что абсолютно недопустимо, так как согласно мнению специалистов ААП, включенный в качестве фона телевизор при засыпании ведёт к ранним трудно корректируемым расстройствам сна. Использование же телевизора в качестве фона во время бодрствования (“background television”) отрицательно влияет на качество игр, нарушая предметно-практическую деятельность и расфокусируя внимание. Такая практика ведёт к нарушениям способности концентрации внимания, что, в свою очередь, влияет на дальнейшую успешность в чтении и понимании прочитанного.

Относительно такого фактора социального окружения, как телевизионное воздействие, нами был сформулирован ряд промежуточных выводов, суть которых сводится к следующему. Невозможно однозначно констатировать вред или пользу ТВ воздействия в отношении становления и формирования речевой способности в дошкольном детстве – важен возраст, с которого ребёнок смотрит телевизор, количество и качество проводимого у экрана времени, а также уровень общего психического развития ребёнка.

Интересный результат в этом контексте был получен нами при сравнении результатов эксперимента на понимание текста с результатами изучения факторов социального окружения ребёнка. Дети, проживающие в благоприятных социально-психологических условиях с налаженной взрослыми предметной деятельностью и общением, с раннего детства подвергающиеся целенаправленному педагогическому воздействию, показывают лучшие результаты в деятельности понимания текста несмотря на количество времени, проводимое у ТВ экрана. Другими словами, возможный вред информационной среды можно компенсировать эффективно организованной продуктивной деятельностью. Именно качество предметной деятельности и общения со взрослым имеет решающее значение для развития ВПФ, в частности, речевой способности ребёнка-дошкольника. В заключение этой части работы считаем необходимым отметить, что от такого рода исследования сложно ожидать стопроцентной достоверности ввиду пристрастности респондентов. Целью анкетирования было установление общей картины проживания испытуемых в семье, наличие или отсутствие определённых факторов воздействия и их анализ при изучении деятельности понимания текстового сообщения.

Следующим этапом нашего исследования стал непосредственно эксперимент на понимание текста. В работе в ка-

честве рабочего был использован уже упомянутый нами метод денотатного анализа текста Анатолия Ивановича Новикова, базирующийся на его теории смыслового содержания текста, согласно которой текст есть единство внешней формы, представленной языковыми единицами, и внутреннего содержания, отражающего предметную действительность [12].

Эксперимент на понимание текста проводился в детском саду индивидуально с каждым ребёнком. За одну сессию испытуемому предъявлялось от одного до двух текстов. До чтения текста дети рассматривали красочный наглядный материал с изображениями предметов, имеющих отношение к тексту. Далее дважды прослушивался текст, и ребёнку предлагалось воссоздать его содержание с помощью картинок. Получаемый материал фиксировался на диктофон и протоколировался. Образцы протоколов есть в работе ([27]). Нами были использованы тексты из эксперимента 1983 г. Сюжетные линии текстов были взяты из произведений детской художественной литературы, они отличались предметностью, то есть их содержание можно было легко восстановить с помощью денотатной структуры. Тексты содержали 7-8 высказываний с количеством денотатов от 6 до 12, а межденотатных связей – не больше 9, по характеру отношений между денотатами тексты были двух типов – статичные, описательные и динамичные, повествовательные. Как уже было нами отмечено, детям для облегчения воспроизведения содержательной структуры текста был предложен наглядный материал, картинки с нарисованными героями из текстов и предметами, о которых упоминалось в текстах. Были также и изображения, не соответствующие содержанию текста, но ситуативно близкие к нему. Идея включения таких картинок состояла в том, чтобы проверить правильность идентификации денотатов из экспериментальных текстов.

Результаты и обсуждение

Результаты проведённого эксперимента верифицировали постулаты отправной точки нашего исследования – понимание в детском возрасте действительно определяется системой предметно-языковых знаний, сформированных в ходе коммуникативной и предметной деятельности ребёнка, единицами которой являются образы-эталоны, с помощью которых происходит переход с внешнего уровня текста, представленного языковыми единицами, на внутренний, уровень содержания. Освоение ребёнком предметного мира рождает опыт предметных действий, продуктом которого является способность обрабатывать входящую информацию по принципу денотации. Механизмы понимания текстового сообщения в дошкольном детстве активно формируются начиная с 3-4-летнего возраста, что подтверждается низкими результатами эксперимента в младшей группе испытуемых. Условием понимания является способность формирования концепта текста, представляющего собой смысловое и содержательное единство, возникшее в результате слияния смыслов декодированных значений слов и предложений в общий смысл текста. Что касается привлечения наглядных вспомогательных средств, то оно представляется оправданным исходя из того факта, что вторичная содержательная структура, полученная с помощью наглядного материала, более полно и объективно передаёт содержание, нежели созданная с помощью одного лишь пересказа. Такой результат отмечен во всех возрастных группах. Успешное владение деятельностью по идентифицированию денотатов наблюдается во всех возрастных категориях, а процент верно установленных межденотатных связей увеличивается по мере взросления дошкольников, являясь показателем развития способности понимания. Проведение сопоставительного анализа результатов экспериментов 1983 г. и 2013 г. показало, что периодизация эта-

пов формирования способности понимания текста в дошкольном детстве, установленная Е.Г. Биевой, имеет место быть и подтверждается автором. Этапы формирования вышеобозначенной способности подробно описываются в работе ([27]). Здесь отметим, что качественные характеристики этого процесса не изменились, чего нельзя сказать о количественных показателях. Процентное отношение изменения показателей верно установленных элементов содержания совершенно очевидно указывает на отставание экспериментальной группы по сравнению с контрольной и варьируется от +1 до -67,5% в разных группах. Наибольшее отставание зафиксировано в самой младшей экспериментальной группе с детьми 4-5 лет, что говорит о значительном отставании современных детей в речевом развитии.

Снижение способности установления межденотатных отношений свидетельствует о трудностях в построении когнитивной структуры высказывания, что в контексте общего психического развития означает снижение способности ментального проектирования и нарушения воображения, т.е. снижение интеллектуального потенциала современных детей. Причины такого положения вещей, по нашему мнению, находятся в социальных условиях, в среде, где формируется способность понимания текста. Факторы, которые претерпели изменения за прошедшие 30 лет, – стили общения, наполненность и эффективность предметной деятельности, цифровизация пространства и типы текста, презентуемые в современной ситуации, характеризующиеся мультимодальностью, или поликодовостью.

В данной работе мы обращаемся к результатам нашего диссертационного исследования в целях дополнительного анализа оных в свете современных исследований по поликодовой коммуникации. Автор планирует экспериментальное исследование деятельности понимания

поликодового текста на предмет установления возможной связи между результатами понимания определённых типов текста, экстралингвистическим контекстом и уровнем сформированности способности понимания.

Обывательский подход к вопросу эффективности продуктов поликодовой коммуникации, бытующий в настоящее время в образовательных кругах, характеризуется мнением, что воздействие мультимодальной информации гораздо более эффективно по сравнению с использованием традиционных вербальных текстовых произведений, т.к. одновременное использование разных каналов для передачи информации, задействующих практически все органы чувств реципиента, предполагает якобы максимальную эффективность. Однако многочисленные на сегодняшний день научные исследования опровергают это мнение, доказывая практически обратное, – многие испытуемые сталкиваются с существенными трудностями, пытаясь усвоить информацию в поликодовой форме. Возникает парадоксальное противоречие, которое В.А. Пищальникова характеризует как «...пропасть между нейрофизиологическими возможностями мозга и информационной средой, возникшей под влиянием современной культуры, которая на определенном этапе развития человека начинает сдерживать эволюцию мозга» [28, с. 195]. Эта мысль звучит парадоксально, но сама же автор её объясняет: «При качественном усложнении и количественном увеличении информации мозг начинает упрощаться, потому что никаких радикальных условий, которые бы способствовали нейрофизиологическому приспособлению к изменившемуся количеству и качеству информации, пока нет: для большинства населения в современном мире количество и качество информации не является фактором выживания. В условиях глобализации и различных ее направлений – технологического, культурного, политического и пр. –

оцифровка информационного пространства меньше всего воспринимается как негативный и агрессивный процесс. Напротив, подчёркиваются его достоинства: во-первых, объективное увеличение количества и усложнение качества различных сведений о действительности, при этом качества вовсе не обязательно положительного; во-вторых, лёгкость получения сведений; наконец, кажущаяся возможность лёгкой обработки и оптимизации сведений в цифровом пространстве» [28, с. 195]. Продолжить эту мысль можно высказыванием Е.Ю. Мягковой, которая в своих публикациях привлекает внимание к проблемам современного обучения в век всеобщей компьютеризации [20, 21]. Автор обращает внимание читателей на дисбаланс, возникающий в развитии индивида вследствие подмены продуктивных видов деятельности непродуктивными: «Большинство исследователей, посвятивших свою деятельность проблемам функциональной неграмотности, связывают её возникновение с двумя аспектами социального окружения современного человека: развитием компьютерных технологий, растущим количеством разнообразных гаджетов (занимающих всё больше времени в распорядке дня своих хозяев) и организованным обучением (на всех его уровнях)» [21, с. 59]. Возникающий дисбаланс объясняется тем, что при недостаточно серьёзном осмыслении и понимании целей, форм и методов использования современных средств коммуникации можно достигнуть обратного «эффекта», когда снижается общий фон успеваемости и способность понимания в частности. Это объясняется тем, что в случае поликодовой коммуникации встаёт вопрос взаимодействия между совершенно различными семиотическими системами и перцептивными модальностями внутри одного и того же текста. Активно внедряемые мультимедийные образовательные программы, использующие одновременно учебный дидактический, видео/аудио материал и

комментарии, с переходом от одного к другому, предполагают сформированность соответствующих стратегий восприятия и соответствующее развитие когнитивных структур, отвечающих за параллельную обработку мультимодальной информации. Другой, не менее важный аспект, – проблема когнитивных затрат на такую сложноорганизованную психическую деятельность, предполагающую когнитивную обработку гетерогенных составляющих. Эта сфера научного знания требует серьёзных экспериментальных исследований в силу того, что воздействие, механизмы восприятия и понимания поликодовых текстов изучены недостаточно, на сегодняшний день работы в этой области немногочисленны.

Выводы

Таким образом, исследование онтогенеза речевой способности в контексте широкого экстралингвистического контекста представляется абсолютно оправданным и чрезвычайно перспективным в силу доказанной связи между уровнем сформированности способности понима-

ния в детстве и социальным окружением, в котором эта способность формируется. Не вызывает также сомнения связь между сформированностью способности понимания текста и формированием читательской грамотности в школьный период. Остаётся открытым вопрос о связи снижающегося уровня читательской грамотности (напрямую связанной с уровнем способности понимания текста) с цифровизацией пространства и внедрением агентов поликодовой коммуникации во все сферы образовательной и досуговой деятельности.

В заключение хочется добавить, что наука о понимании текста развивается параллельно наукам, изучающим когнитивную деятельность человека в ситуации растущей информатизации и смены социо-гуманитарной парадигмы в обществе, поэтому актуальность исследований в этой области не вызывает сомнений, а практическую значимость оных трудно переоценить, настолько велика потребность в изучении различных аспектов поликодовой коммуникации.

Список литературы

1. Беседа Е.Н. Лингвотекстовые особенности речевого жанра «читательский отклик»: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2008.
2. Звягинцева В.В., Анненкова А.В. К вопросу о категоризации тона и его функциональных аспектов в английской речи // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 2 (37). С. 104–111.
3. Кружилина Т.В. Понимание текста как деятельности в свете зрелости когнитивных структур ребёнка-дошкольника // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. № 3 (20). С. 72–78.
4. Zemlyanskaya E.N., Koroleva N.M. The figurative aspect of evaluativity in the speech genre “Reader Response” // Baltic Humanitarian Journal. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 232–235.
5. Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 15–19.
6. Фёдорова О.В. Отечественная психолингвистика: вчера, сегодня, завтра (субъективные заметки об изучении механизмов порождения и понимания речи) // Вопросы языкознания. 2020. № 6. С. 105–129.
7. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2007.
8. Звягинцева В.В. Термины родства как обращения в русском и английском семейных дискурсах // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2011. № 1 (9). С. 23–27.

9. Звягинцева В.В. К вопросу об исследовании семейного дискурса в рамках деятельностно прагматического подхода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 2 (20). С. 55–60.
10. Кондратенко Е.Н., Кружилина Т.В. Особенности функционирования идеологизированной лексики в виртуальном тексте // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 4 (35). С. 123–131.
11. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.
12. Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. М.: ИЯ РАН, 2007.
13. Барина И.А., Нестерова Н.М. Основы психолингвистической теории текста в трудах Л. В. Сахарного и А. И. Новикова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 2. С. 19–28.
14. Кондратенко Е.Н. Социальный аспект конвенциональности значений // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сборник научных статей VI международной научно-практической конференции. Курск, 2016. С. 160–163.
15. Королева Н.М. Формирование нравственных качеств личности младшего школьника в процессе иноязычного образования (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2007.
16. Биева Е.Г. Факторы, влияющие на понимание текста (на материале детской речи): дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
17. Выготский Л. С. Орудие и знак в развитии ребёнка: собрание сочинений. М., 1984. Т. 6, С. 5–90.
18. Резцова Е.Ю., Бобынцев И.И., Черных А.М., Артёменко М.В. Прогнозирование риска речевой патологии у детей младшего дошкольного возраста // Курский научно-практический вестник "Человек и его здоровье". 2010. № 3. С. 159–165.
19. Мкртычян С.В. Проблема понимания и функциональная неграмотность. Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании. Тверь, 2018. С. 203–211.
20. Мягкова Е.Ю. Цифровое слабоумие: миф или реальность? // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т. 2016. С. 63–73.
21. Мягкова Е.Ю. Проблемы обучения чтению и пониманию текста в свете проблемы функциональной неграмотности // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2016. № 36. С. 58–63.
22. Кружилина Т.В. Факторы, определяющие особенности речевого развития у детей // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4-1 (43). С. 216–219.
23. Пацлаф Р. А. Застывший взгляд. Физиологическое воздействие телевидения на развитие детей. М.: Evidentis, 2003.
24. Солсо Р. Л. Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996.
25. Кружилина Т.В. Телевидение как один из факторов, определяющих особенности речевого развития у детей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2012. № 2. С. 96–99.
26. Vandewater E.A. et al. Digital Childhood: Electronic Media and Technology Use Among Infants, Toddlers, and Preschoolers // PEDIATRICS. 2007. № 119(5). P. 1006–15.
27. Кружилина Т.В. Понимание текста детьми дошкольного возраста с учётом факторов социального окружения ребёнка (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2014.
28. Пищальникова В.А. Новые когнитивные структуры в цифровой информационной среде // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. № 13 (807). С. 192–201.

References

1. Beseda E.N. *Lingvotekstovye osobennosti rechevogo zhanra "chitatel'skij otklik"*. Diss. kand. filol. nauk [Linguistic and textual features of the "reader's response" speech genre. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Kursk, 2008.
2. Zvyaginceva V.V., Annenkova A.V. K voprosu o kategorizacii tona i ego funkcional'nyh aspektov v anglijskoj rechi [On the question of categorization of tone and its functional aspects in English speech. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya = Language Theory and Intercultural Communication*, 2020, no. 2 (37), pp. 104–111.
3. Kruzhilina T.V. Ponimanie teksta kak deyatel'nosti v svete zrelosti kognitivnyh struktur rebyonka-doshkol'nika [Understanding the text as an activity in the light of the maturity of the cognitive structures of a preschool child]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2016, no. 3 (20), pp. 72–78.
4. Zemlyanskaya E.N., Koroleva N.M. The figurative aspect of evaluativity in the speech genre "Reader Response". *Baltic Himanitarian Journal*, 2020, vol. 9, no. 1 (30), pp. 232–235.
5. Tarasov E.F. Problemy teorii rechevogo obschcheniya [Problems of the theory of speech communication]. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of psycholinguistics*, 2010, no. 12, pp. 15–19.
6. Fyodorova O.V. Otechestvennaya psiholingvistika: vchera, segodnya, zavtra (sub"ektivnye zametki ob izuchenii mekhanizmov porozhdeniya i ponimaniya rechi) [Russian psycholinguistics: yesterday, today, tomorrow (subjective notes on the study of the mechanisms of speech generation and understanding)]. *Voprosy yazykoznanija = Questions of linguistics*, 2020, no. 6, pp. 105–129.
7. Zalevskaya A.A. *Vvedenie v psiholingvistiku* [Introduction to Psycholinguistics]. Moscow, RGGU Publ., 2007.
8. Zvyaginceva V.V. Terminy rodstva kak obrashcheniya v russskom i anglijskom semejnnyh diskursah [Kinship terms as addresses in Russian and English family discourses]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya = Language Theory and Intercultural Communication*, 2011, no. 1 (9), pp. 23–27.
9. Zvyaginceva V.V. K voprosu ob issledovanii semejnogo diskursa v ramkah deyatel'nostno pragmaticheskogo podhoda [On the issue of the study of family discourse in the framework of an activity-pragmatic approach]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2013, no. 2 (20), pp. 55–60.
10. Kondratenko E.N., Kruzhilina T.V. Osobennosti funkcionirovaniya ideologizirovannoj leksiki v virtual'nom tekste [Features of the functioning of ideologized vocabulary in a virtual text]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya = Language theory and intercultural communication*, 2019, no. 4 (35), pp. 123–131.
11. Leont'ev A.A. *Osnovy psiholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ., 1997.
12. Novikov A.I. *Tekst i ego smyslovye dominanty* [Text and its semantic dominants]. Moscow, IYA RAN Publ., 2007.
13. Barinova I.A., Nesterova N.M. *Osnovy psiholingvisticheskoj teorii teksta v trudah L. V. Saharnogo i A. I. Novikova*. [Fundamentals of the psycholinguistic theory of text in the works of

L. V. Sakharny and A. I. Novikov]. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki* = *Bulletin of PNRPU. Problems of Linguistics and Pedagogy*, 2021, no. 2, pp. 19–28.

14. Kondratenko E.N. [The social aspect of the conventionality of meanings]. *Yazyk dlya special'nyh celej: sistema, funkcii, sreda. Sbornik nauchnyh statej VI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Language for special purposes: system, functions, environment. Collection of scientific articles of the VI International Scientific and Practical Conference], Kursk, 2016, pp. 160–163 (In Russ.).

15. Koroleva N.M. *Formirovanie npravstvennyh kachestv lichnosti mladshogo shkol'nika v processe inoyazychnogo obrazovaniya (na materiale anglijskogo yazyka)*. Diss. kand. filol. nauk [Formation of moral qualities of a younger student's personality in the process of foreign language education (based on the material of the English language). Cand. philol. sci. abstract diss.]. Kursk, 2007.

16. Bieva E.G. *Faktory, vliyayushchie na ponimanie teksta (na materiale detskoj rechi)*. Diss. kand. filol. nauk [Factors affecting the understanding of the text (based on the material of children's speech). Cand. philol. sci. abstract diss.]. Moscow, 1984.

17. Vygotskij L. S. *Orudie i znak v razvitii rebyonka* [A tool and a sign in the development of a child]. Moscow, 1984, vol. 6, pp. 5–90.

18. Rezcova E.Yu., Bobynceva I.I., Chernyh A.M., Artyomenko M.V. Prognozirovanie riska rechevoj patologii u detej mladshogo doshkol'nogo vozrasta [Prediction of the risk of speech pathology in children of younger preschool age. *Kurskij nauchno-prakticheskij vestnik "Chelovek i ego zdorov'e"* = *Kursk Scientific and Practical Bulletin "Man and His Health"*, 2010, no. 3, pp. 159–165.

19. Mkrtychyan S.V. *Problema ponimaniya i funkcional'naya negramotnost'. Ponimanie i refleksiya v kommunikacii, kul'ture i obrazovanii* [The problem of understanding and functional illiteracy. Understanding and reflection in communication, culture and education]. Tver', 2018, pp. 203–211.

20. Myagkova E.Yu. [Digital dementia: Myth or reality?] *Slovo i tekst: psiholingvisticheskij podhod. Sb. nauch. tr.* [Word and text: a psycholinguistic approach. Collection of scientific tr.]; ed. by A.A. Zalevskoj. Tver', 2016, pp. 63–73 (In Russ.).

21. Myagkova E.Yu. Problemy obucheniya chteniyu i ponimaniyu teksta v svete problemy funkcional'noj negramotnosti [Problems of learning to read and understand the text in the light of the problem of functional illiteracy. *Inostrannye yazyki] lingvisticheskie i metodicheskie aspekty* = *Foreign Languages: Linguistic and Methodological Aspects*, 2016, no. 36, pp. 58–63.

22. Kruzhilina T.V. Faktory, opredelyayushchie osobennosti rechevogo razvitiya u detej [Factors determining the features of speech development in children]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2012, no. 4-1 (43), pp. 216–219.

23. Paclaf R. *Zastyvshij vzglyad* [Frozen gaze]. Moscow, Evidentis Publ., 2003.

24. Solso R. L. *Kognitivnaya psihologiya* [Cognitive psychology]. Moscow, Trivola Publ., 1996.

25. Kruzhilina T.V. Televidenie kak odin iz faktorov, opredelyayushchih osobennosti rechevogo razvitiya u detej [Television as one of the factors determining the features of speech development in children]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2012, no. 2, pp. 96–99.

26. Vandewater E.A. et al. Digital Childhood: Electronic Media and Technology Use Among Infants, Toddlers, and Preschoolers. *PEDIATRICS*, 2007, no. 119(5), pp. 1006–15.

27. Kruzhilina T.V. *Ponimanie teksta det'mi doshkol'nogo vozrasta s uchytom faktorov social'nogo okruzheniya rebyonka (eksperimental'noe issledovanie)*. Diss. kand. filol. nauk [Understanding of the text by preschool children taking into account the factors of the child's social environment (experimental study). Cand. philol. sci. abstract diss.]. Tver', 2014.

28. Pishchal'nikova V.A. Novye kognitivnye struktury v cifrovoj informacionnoj srede [New cognitive structures in the digital information environment]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Moscow State Linguistic University*, 2018, no. 13 (807), pp. 192–201.

Информация об авторах / Information about the Authors

Кружилина Татьяна Владиславовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: t.kruzhilina@yandex.ru,
SPIN-код: 8142-0010,
Researcher ID: 738898,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5714-146X>

Tatiana V. Kruzhilina, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: t.kruzhilina@yandex.ru,
SPIN-code: 8142-0010,
Researcher ID: 738898,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5714-146X>

Кружилин Игорь Борисович, студент факультета Лингвистики и межкультурной коммуникации, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: igor.kruzhilin13@yandex.ru

Igor B. Kruzhilin, Student of the Faculty of Linguistics and Intercultural Communication, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: igor.kruzhilin13@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'23

**Экспериментальное исследование образа цветообозначения
оранжевый в сознании носителей русской культуры**

Е. А. Таныгина¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: eabel@yandex.ru

Резюме

Представленная работа посвящена описанию результатов эмпирического изучения образа цветообозначения (ЦО) **оранжевый** в языковом сознании современных представителей русскоязычного общества. При организации и проведении исследования мы опирались на психолингвистическую теорию о слове А.А. Залевской, работы по изучению вербальных ассоциаций на цвета, в частности работы Е.И. Горошко и О.В. Сафуановой, а также на теорию культурного знания Ф.Шарифиана. Актуальность исследования ЦО **оранжевый** и его образа в сознании представителей современной русской культуры определяется отсутствием работ, посвященных изучению данного предмета с точки зрения психолингвистики.

Для проведения эмпирического исследования были использованы методы психолингвистики (свободный ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал (СД) Ч.Осгуда), собственно лингвистические методы (дефиниционный анализ), а также статистические методы (факторный анализ). Это позволило рассмотреть исследуемое явление с различных сторон и наиболее полно раскрыть его сущность.

Полученные в ходе экспериментального исследования данные были проанализированы с точки зрения синхронии и диахронии, а также были эксплицированы гендерные особенности восприятия ЦО **оранжевый** носителями современной русской культуры.

Результаты показывают как структуру актуального ассоциативного поля ЦО **оранжевый**, так и процесс его трансформации на протяжении последних тридцати лет. Кроме того, представлены ассоциативные поля, отражающие отдельно женское и мужское восприятие исследуемого ЦО.

Используемая в ходе проведения исследования методика может найти применение в дальнейшей работе по изучению различных концептов с точки зрения психолингвистики. Представленные в работе данные могут использоваться при проведении широкого круга исследований в области лингвистики, психологии, рекламы и маркетинга.

Ключевые слова: цветообозначение; образ; языковое сознание; ассоциативный эксперимент; семантический дифференциал; факторный анализ.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Таныгина Е. А. Экспериментальное исследование образа цветообозначения *оранжевый* в сознании носителей русской культуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 2. С. 89-106.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022

Статья подписана в печать 15.04.2022

Статья опубликована 30.06.2022

The Experimental Study of the Image of Russian Color Term Orange in the Consciousness of Russian Culture Bearers

Elena A. Tanygina¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk, 305040, Russian Federation

✉ e-mail: eabel@yandex.ru

Abstract

*The work is devoted to the description of the results of an empirical study of the image of the Russian color term **orange** in the linguistic consciousness of modern representatives of the Russian-speaking society. When organizing and conducting the study, we relied on the psycholinguistic theory of the word by A.A. Zalevskaya, works on the study of verbal associations on colors, in particular, the work of E.I. Goroshko and O.V. Safuanova, as well as on the theory of cultural knowledge of F. Sharifian.*

*The relevance of the study of the Russian color term **orange** and its image in the minds of representatives of modern Russian culture is determined by the lack of works devoted to the study of this subject from the point of view of psycholinguistics. To conduct an empirical study we used methods of psycholinguistics (free associative experiment, Ch. Osgood's semantic differential), linguistic methods (definitional analysis), as well as statistical methods (factorial analysis). This made it possible to consider the phenomenon under study from various angles and to most fully reveal its essence.*

*The data obtained during the experimental study were analyzed from the point of view of synchrony and diachrony. We also revealed the gender characteristics of the perception of Russian color term **orange** in the linguistic consciousness of the bearers of modern Russian culture.*

*The results show the structure of the associative field of Russian color term **orange**, and also reflect the process of its transformation over the past thirty years. We also show the male and female associative fields' structure. The methodology used in the course of the study can be used in further work devoted to the study of various concepts from the point of view of psycholinguistics. The data presented in the work can be used in a wide range of research in the field of linguistics, psychology, advertising and marketing.*

Keywords: color term; inner image; linguistic consciousness; association experiment; semantic differential; factor analysis.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tanygina E. A. The Experimental Study of the Image of Russian Color Term Orange in the Consciousness of Russian Culture Bearers. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(2): 89–106 (In Russ.).

Received 28.03.2022

Accepted 15.04.2022

Published 30.06.2022

***

Введение

Цвет является одним из наиболее интересных предметов изучения различных наук. Можно без преувеличения сказать, что это объект изучения, объединя-

ющий между собой очень разные области научного знания, такие, например, как физика, лингвистика, психология, культурология и др. [5, 6, с. 11-43; 7]. Соответственно образ того или иного цвета в

сознании носителей любой культуры отражает знание как отдельного человека об этом явлении, так и всего общества в целом. Соответственно мы наблюдаем единство и взаимозависимость индивидуального и культурного знания о цвете в языковом сознании отдельного индивида.

Работа по эмпирическому исследованию внутреннего образа ЦО *оранжевый* являлась частью более крупного исследования, посвященного выявлению образов двенадцати основных ЦО современного русского языка. Экспериментальное исследование проводилось в два этапа и включало в себя два свободных ассоциативных эксперимента (АЭ1 – 2009 г. и АЭ2 – 2020 г.) и исследование с использованием семантического дифференциала Ч. Осгуда. Респондентами являлись обучающиеся очного и заочного отделений ЮЗГУ различных направлений подготовки в возрасте от 17 до 25 лет. Сочетание АЭ и СД, на наш взгляд, является универсальной методикой выявления образов слов в сознании представителей той или иной социальной группы, которая успешно использовалась нами в ряде исследований [8-10].

При организации экспериментального исследования мы опирались на психолингвистическую теорию о слове А.А. Залевской [1], работы по изучению вербальных ассоциаций на цвета, в частности работы Е.И. Горошко [2] и О.В. Сафуановой [3], а также на теорию культурного знания Ф.Шарифиана [4]. Авторы исходили из предположения о том, что между культурным знанием о цвете, которое включает в себя как информацию о физических характеристиках цвета, его психологическом значении, символике, так и данные лексикографических источников, и индивидуальным знанием о цвете отдельного испытуемого, существует ряд различий [11].

Результаты и обсуждение

Обратимся к результатам, полученным нами в ходе проведения эмпирического исследования с использованием свободного ассоциативного эксперимента, являющегося одним из основных методов исследования в психолингвистике [12-20].

По итогам АЭ1 на стимульное слово *оранжевый* было получено 103 реакции. Нужно отметить, что количество повторяющихся ассоциаций на это ЦО минимально (10), по сравнению с другими исследованными ЦО (меньше только у ЦО *фиолетовый* [21]). Отказов не зафиксировано. Наиболее широко среди реакций представлены существительные – 86 реакций, 6 словосочетаний, 6 прилагательных, 2 наречия, 2 топонима.

По итогам АЭ2 было получено 187 реакций, повторяющихся ассоциаций 14. Две реакции (*и, нет*) можно считать отказом, так как исследование проводилось с использованием интернет-сервиса Google Forms и данные ответы даны, скорее всего, просто по причине необходимости заполнить все ячейки. Большинство ии. ограничились одной реакцией. Однако среди результатов есть две цепочки из двух реакций (*закат, апельсин; "мандарин, лиса"*), две из четырех реакций (*ржавчина, апельсин, мандарин, грейпфрут; Яркий цвет рассвет закат*), и одна из шести реакций (*лучезарность, свет, морковь, Крош, абрикос, хурма*). Большинство реакций является существительными, 9 прилагательными, в основном обозначающими цветовые признаки, одно имя собственное и словосочетание.

Полученные в ходе экспериментальных исследований ассоциации были распределены на восемь групп с использованием модифицированной нами классификации Е.И. Горошко [22] (табл. 1).

Таблица 1. Результаты АЭ

Table 1. Free association experiment results

АЭ1	АЭ2
Предметные ассоциации	
<i>апельсин 24, закат 8, мандарин 7, фломастер 2, грейпфрут, игрушка, краска, лес, лимонад, лист, листочек, мебель, морковь, мухомор, мяч, песок, пламя, платок, рябина, сапог, цветок, шкаф</i>	<i>Апельсин 53, мандарин 16, закат 14, солнце 9, морковь 5, цветок 3, мяч 3, карандаш 2, кирпич 2, свитер 2, абрикос, берег, велосипед, газ, газировка, грейпфрут, джип, диван, дом, зонт, клоп, ковер, коридор, корова, костюм, краска, лиса, листья, лист, луч, маркер, мост, небо, персик, пламя, поворотник, подсолнух, помидор, рассвет, ржавчина, свет, светильник, слон, сок, стол, телефон, тигр, топаз, фрукт, холст, футболка, хурма, шар</i>
Пояснительные (описательные) ассоциации	
<i>цвет радуги 2, цвет хорошего настроения, форма сборной Голландии</i>	
Эмоционально-оценочные ассоциации	
<i>весёлый 3, весело 2, насыщенный, переносимость, огненный, самый страшный, солнечный</i>	<i>яркий 2</i>
Метафорические ассоциации	
<i>радость 3, настроение 2, боль, жар-птица, огонь, страсть, счастье,</i>	<i>огонь 2, веселье, воздух, день, лето, лучезарность, мощь, радость, улыбка, уют</i>
Метонимические ассоциации	
<i>Голландия 2, клоун, конопушки</i>	<i>осень 2, железнодорожник, Крош, король, хит</i>
Развёрнутые ассоциации	
<i>апельсин, мандарин, грейпфрут; мандарин, Новый год</i>	
Реагирование другим цветоименованием	
	<i>желтый 2, orange, голубой, салатный, рыжий</i>
Неоднозначные ассоциации	
<i>солнце 6, лето 2, осень 2, галстук, гр. Краски «Оранжевое солнце», «оранжевое небо», революция, цвет</i>	<i>цвет 3, песня «оранжевое небо», золотой</i>

Проанализировав данные лексикографических источников [23-25], мы обнаружили, что слово *оранжевый* имеет всего одно зафиксированное значение – обозначения цветового признака. В качестве прототипа данного цвета указывается апельсин, что подтвердилось и в ходе наших экспериментов. Ассоциация *апель-*

син является доминирующей в ассоциативном поле ЦО *оранжевый* по данным обоих экспериментов. Однако полученные данные позволяют выделить в качестве второго современного прототипа оранжевого цвета мандарин, так частотность данной ассоциации увеличилась.

Согласно лексическому значению, «оранжевый» – это «густо-желтый с красноватым оттенком» [24], то есть цвет, располагающийся между красным и желтым. Это проявилось и в нашем эксперименте. Полученные реакции позволяют сделать вывод о том, что подобно ЦО *желтый* [26], ЦО *оранжевый* ассоциируется со счастьем и радостью (реакции *солнце, весело, лето, радость, улыбка, весёлый, цвет хорошего настроения, клоун, счастье и т.д.*). Ассоциативные поля упомянутых выше ЦО пересекаются, среди общих ассоциаций были зафиксированы реакции *лето, осень, радость, веселый, яркий* [26]. Кроме того, можно отметить пересечение ассоциативных полей ЦО *оранжевый* и ЦО *красный* (реакции *мяч, революция, закат*) [8]. Ассоциации *солнце* и *цветок* являются общими для всех трех ЦО.

Таким образом, представленные выше результаты проведенных экспериментов подтвердили утверждение Ю. А. Грибер о том, что «веселость российские участники эксперимента чаще всего свя-

зывали с оранжевым (56%) или желтым (42%) цветом» [27]. Подобное отношение может быть непосредственно связано с психофизиологическим воздействием оранжевого цвета: «повышается работоспособность и аппетит, улучшается пищеварение, увеличивается мускульная сила, возникает чувство эйфории» [28].

В результатах АЭ1 присутствует реакция *революция*, которая скорее всего соотносится с событиями, связанными с выборами президента Виктора Ющенко на Украине (осень 2004 — январь 2005 г.) [29]. Однако АЭ2 показал, что современная молодежь не воспринимает ЦО *оранжевый* в политическом контексте.

Рассмотрим подробнее гендерное распределение полученных реакций (табл. 2), так как согласно многочисленным исследованиям в области гендерного сопоставления [30-34] мужское и женское восприятие часто отличаются. Для визуализации процесса трансформации образа ЦО *оранжевый* обратимся к данным Русского ассоциативного словаря (РАС) [35].

Таблица 2. Гендерное сопоставление ассоциаций

Table 2. Gender comparison of the associations

РАС	АЭ1	АЭ2
Ии. мужского пола		
<i>Апельсин 6, галстук 5, цвет 4, желтый 2, красивый 2, солнце 2, цветок 2, верблюд, дождь, круг, пояс, самолет, слон, фрукт, цветы, шар, шарф</i>	<i>Апельсин 13, мандарин 7, солнце 5, закат 3, настроение 2, форма сборной Голландии 2, радость 2, осень 2, фломастер 2, весело 2, мухомор, клоун, новый год, непереносимость, лето, грейпфрут, мебель, цвет радуги, боль, веселый, листочек, лист, игрушка, гр. Краски «Оранжевое солнце», платок, революция, лимонад, лес, цветок, краска, шкаф, мяч, цвет, счастье</i>	<i>Апельсин 32, закат 8, солнце 6, мандарин 6, мяч 3, карандаш 2, морковь 2, цвет 3, цветок 2, orange, берег, велосипед, воздух, газ, газировка, голубой, грейпфрут, день, джип, диван, железнодорожник, желтый, золотой, и, кирпич, клоп, ковер, коридор, краска, луч, маркер, мост, мощь, небо, огонь,, персик, песня «оранжевое небо», лист, пламя, поворотник, помидор, рассвет, ржавчина, салатный, светильник, свитер, сок, стол, телефон, топаз, уют, фрукт, холст, яркий</i>

Ии. женского пола		
<i>Апельсин 21, цвет 17, галстук 13, красный 2, мяч 2, солнце 2, дельфин, желтый, зонт, пиджак, портфель, свет, свитер, синий, шар, шарик, яркий</i>	<i>Апельсин 11, закат 5, веселый 2, конопушки, огонь, страсть, солнечный, насыщенный, сапог, рябина, цвет хорошего настроения, лето, солнце, галстук, жар-птица, цвет радуги, морковь, радость, огненный, пламя, «оранжевое небо», песок</i>	<i>Апельсин 21, мандарин 10, закат 6, солнце 3, морковь 3, осень 2, абрикос, веселье, дом, желтый, зонт, кирпич, корова, король, костюм, Крош, лето, лиса, листья, лучезарность, нет, огонь, подсолнух, радость, рыжий, свет, свитер, слон, тигр, улыбка, футболка, хит, хурма, цветок, шар, яркий</i>

Для более наглядного представления о сходствах и различиях мужского и женского образа ЦО *оранжевый* рассмотрим

отдельно мужские, женские и общие ассоциации (табл. 3).

Таблица 3. Гендерное распределение ответов

Table 3. Gender distribution of the answers

РАС	САЭ1	САЭ2
Мужские ассоциации		
<i>красивый 2, солнце 2, цветок 2, верблюд, дождь, круг, пояс, самолет, слон, фрукт, цветы, шарф</i>	<i>мандарин 7, весело 2, настроение 2, осень 2, фломас-тер 2, форма сборной Голландии 2, боль, гр. Краски «Оранжевое солнце», грейпфрут, игрушка, клоун, краска, лес, лето, лимонад, лист, листочек, мебель, мухомор, мяч, непереносимость, новый год, платок, счастье революция, цвет радуги, цветок, шкаф, цвет</i>	<i>мяч 3, карандаш 2, цвет 3, orange, берег, велосипед, воздух, газ, газировка, голубой, грейпфрут, день, джип, диван, железнодорожник, золотой, клоп, ковер, коридор, краска, луч, маркер, мост, мощь, небо, персик, песня «оранжевое небо», лист, пламя, поворотник, помидор, рассвет, ржавчина, салатный, светильник, сок, стол, телефон, топаз, уют, фрукт, холст</i>
Женские ассоциации		
<i>красный 2, мяч 2, солнце 2, дельфин, зонт, пиджак, портфель, свет, свитер, синий, шарик, яркий</i>	<i>конопушки, огонь, страсть, солнечный, насыщенный, сапог, рябина, цвет хорошего настроения, лето, галстук, жар-птица, цвет радуги, морковь, огненный, пламя, «оранжевое небо», песок</i>	<i>Осень 2, абрикос, веселье, дом, зонт, корова, король, костюм, Крош, лето, лиса, листья, лучезарность, подсолнух, радость, рыжий, свет, слон, тигр, улыбка, футболка, хит, хурма, шар</i>
Общие ассоциации		
<i>Апельсин 27, галстук 18, цвет 21, желтый 3, шар 2</i>	<i>Апельсин 24, солнце 6, закат 8, веселый 3, радость 2</i>	<i>Апельсин 53, мандарин 16, закат 14, солнце 9, морковь 5, цветок 3, желтый 2, кирпич 2, огонь 2, свитер 2, яркий 2</i>

В целом представленные результаты подтверждают положительное отношение к исследуемому цвету у представителей обоих полов, что подтверждает, что «Оранжевый цвет способен вызывать у мужчин и женщин схожие эмоциональные ассоциации» [36]. При этом можно отметить отсутствие четкой гендерной дифференциации полученных ассоциаций. Именно данное свойство оранжевого цвета способствует его широкому применению в рекламе [37].

Рассмотрение полученных ассоциаций вывило изменение центра ассоциативного поля стимульного объекта *оранжевый*. По сравнению с данными РАС, в наших экспериментах не выявлено реакции *галстук*, упоминание же ассоциации *цвет* является единичным, что свидетельствует об уходе упомянутых выше реакций из центра ассоциативного поля ЦО *оранжевый*. В то же время отмечается постепенное вхождение в центр ассоциативного поля реакции *мандарин*, которая по данным АЭ1 являлась типично мужской ассоциацией, постепенно расширившей область своего употребления. Так же можно отметить вхождение в центр рассматриваемого ассоциативного поля реакции *морковь*, не отмеченной в предыдущих исследованиях

Далее нами было проведено исследование с использованием СД, являющегося одним из видов шкалирования (по-

дробнее об организации и проведении нами эксперимента с использованием СД см. [38-39]). Этот метод довольно успешно применяется в современной лингвистике в целом, и в психолингвистике в частности [40-45].

Предварительный анализ результатов исследования с использованием СД показал, что ЦО *оранжевый* воспринимается, прежде всего, как радостный, весёлый, активный, тёплый, эмоциональный и смешной (доля подобных ответов от 82 до 92%, при этом более половины ии. выбрали максимальный полюс оценивания). Также получено от 70 до 79% ответов по следующим признаковым характеристикам: позитивный, динамичный, хороший, приятный и добрый, прекрасный. Шкалы воинственный – миролюбивый и расслабленный – напряженный показали нейтральное значение. В целом, представленные результаты подтверждают выводы, сделанные в ходе ассоциативных экспериментов, и позволяют утверждать, что восприятие ЦО *оранжевый* позитивное. Этот яркий, солнечный цвет вызывает практически у всех испытуемых положительные эмоции.

Все полученные в ходе СД данные были подвергнуты дальнейшему факторному анализу с помощью системы визуализации и статистической обработки данных STATISTICA (табл. 4).

Таблица 4. Факторный анализ (ии. мужского пола)

Table 4. Factor analysis of male answers

Шкала	Ф 1	Ф2	Ф3	Ф4	Ф5
активный – пассивный	0,69	0,19	0,09	-0,03	0,58
весёлый – грустный	0,80	-0,17	0,23	-0,12	-0,09
воинственный – миролюбивый	0,02	0,81	-0,03	-0,34	0,01
динамичный – статичный	0,58	0,05	0,54	0,05	0,16
добрый – злой	0,53	0,11	0,08	0,68	0,10
искренний – неискренний	0,34	0,03	0,09	0,84	-0,02
мужественный – женственный	0,17	0,84	-0,08	0,29	0,04
позитивный – негативный	0,84	0,10	-0,04	0,13	-0,01

Окончание табл. 4

Table (ending) 4

Шкала	Ф 1	Ф2	Ф3	Ф4	Ф5
предпочитаемый – отвергаемый	0,81	0,23	0,01	0,14	-0,30
прекрасный – безобразный	0,83	0,13	0,04	0,24	-0,10
приятный – неприятный	0,55	-0,05	-0,27	0,57	0,14
радостный – печальный	0,82	0,09	-0,17	-0,05	0,29
расслабленный – напряженный	0,16	-0,43	-0,34	0,50	0,26
сильный – слабый	0,28	0,82	0,06	0,07	-0,01
смешной – серьезный	0,36	-0,05	0,20	0,25	0,74
тёплый – холодный	0,79	-0,24	0,04	-0,11	0,25
успокаивающий – возбуждающий	-0,13	-0,14	-0,70	0,20	-0,23
формальный – неформальный	-0,16	0,34	-0,76	-0,20	0,15
хороший – плохой	0,91	0,04	0,01	0,17	-0,07
эмоциональный – рациональный	0,64	0,15	0,56	0,02	0,07

При рассмотрении представленной в таблице матрицы нагрузок, составленной по результатам исследования ответов ии. мужского пола видно, что в семантическом пространстве стимульного слова *оранжевый* выделяются пять факторов (шкалы, входящие в каждый фактор вы-

делены в таблице жирным шрифтом): Ф1 – «оценка», Ф2 – «сила», Ф3 – «неформальность», Ф4 – «искренность» и Ф5 – «эмоциональность».

Рассмотрим подробнее гистограммы распределения оценок по факторам сила и активность (рис. 1 и 2).

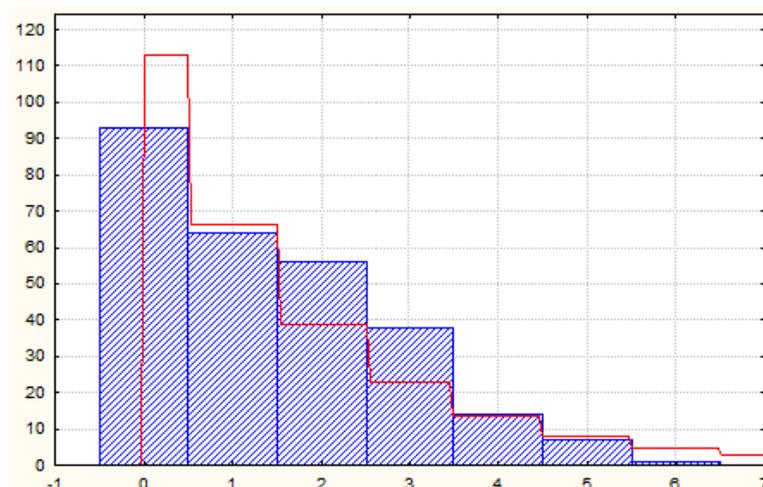

Рис. 1. Фактор «оценка» (ии. мужского пола)

Fig. 1. Evaluation factor (male answers)

На рис. 1 видно, что распределение ответов по фактору оценка подчиняется законам геометрического распределения. Это позволяет сделать вывод о том, что отношение испытуемых к ЦО *оранже-*

вый является в целом положительным. Мода представленного распределения 3.

На рис. 2 представлено распределение по фактору «сила».

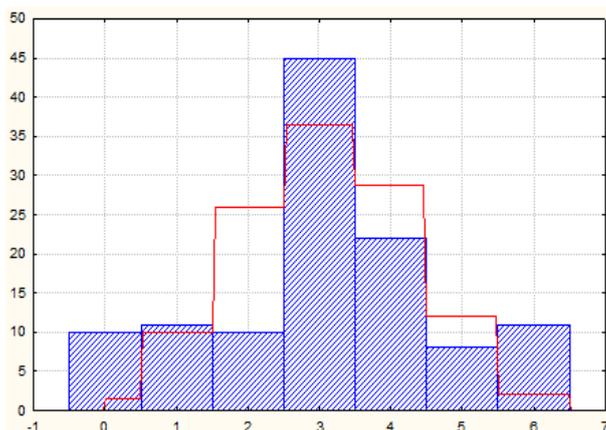

Рис. 2. Фактор «сила» (ии. мужского пола)

Fig. 2. Potency factor (male answers)

Представленная гистограмма распределения ответов подчиняется законам нормального распределения с модой 0 и средним значением близким к нулю, что свидетельствует о нейтральной оценке данного фактора ии.

Далее рассмотрим матрицу нагрузок по шкалам, выделенную на основании факторного анализа ответов ии. женского пола (табл. 5).

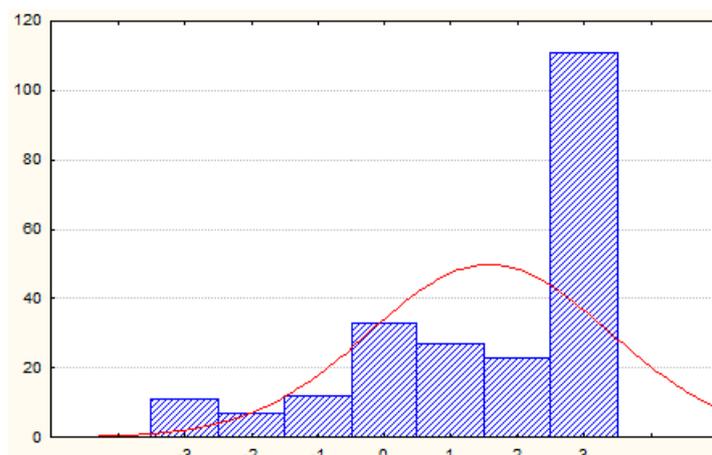
Таблица 5. Факторный анализ (ии. женского пола)

Table 5. Factor analysis of female answers

Шкала	Ф1	Ф2	Ф3	Ф4	Ф5
активный – пассивный	0,64	-0,29	0,15	0,15	0,55
весёлый – грустный	0,52	0,22	-0,11	-0,72	-0,11
воинственный – миролюбивый	-0,11	0,26	0,67	0,15	0,02
динамичный – статичный	0,46	0,29	-0,25	0,01	0,63
добрый – злой	0,92	0,14	0,01	-0,23	-0,20
искренний – неискренний	0,62	-0,41	0,12	0,05	0,01
мужественный – женственный	0,09	0,25	0,13	0,74	-0,30
позитивный – негативный	0,88	-0,03	-0,10	-0,15	0,12
предпочитаемый – отвергаемый	0,77	0,06	0,25	0,05	0,20
прекрасный – безобразный	0,85	-0,07	-0,12	0,24	0,13
приятный – неприятный	0,85	0,09	0,20	-0,21	0,04
радостный – печальный	0,47	0,29	0,07	-0,02	0,72
расслабленный – напряженный	0,50	-0,09	0,52	-0,01	0,00
сильный – слабый	0,16	0,82	0,12	0,10	0,36
смешной – серьезный	0,35	-0,05	-0,01	-0,13	0,83
тёплый – холодный	0,70	-0,01	0,09	0,20	0,37
успокаивающий – возбуждающий	0,29	0,01	0,67	0,24	-0,12
формальный – неформальный	0,35	-0,16	0,77	-0,22	0,01
хороший – плохой	0,90	0,12	-0,01	0,05	-0,11
эмоциональный – рациональный	0,55	0,22	-0,12	-0,24	0,68

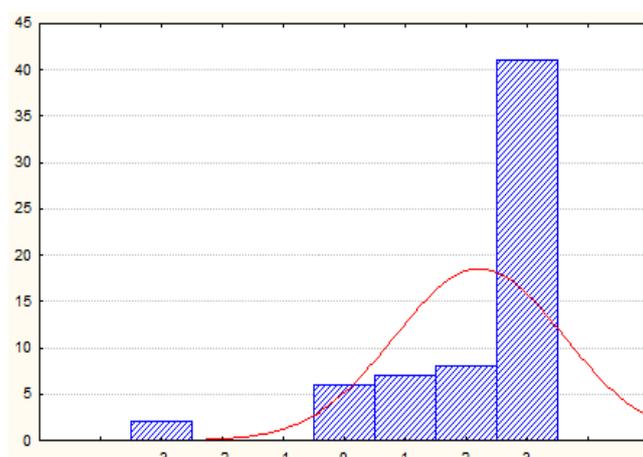
В данном случае мы видим выделение четырех факторов: Ф1 – «оценка», Ф2 – «неформальность», Ф3 – «женственность» и Ф4 – «эмоциональность».

Рассмотрим подробнее гистограммы оценок по факторам «оценка», «эмоциональность» и «женственность» (рис. 3-5).

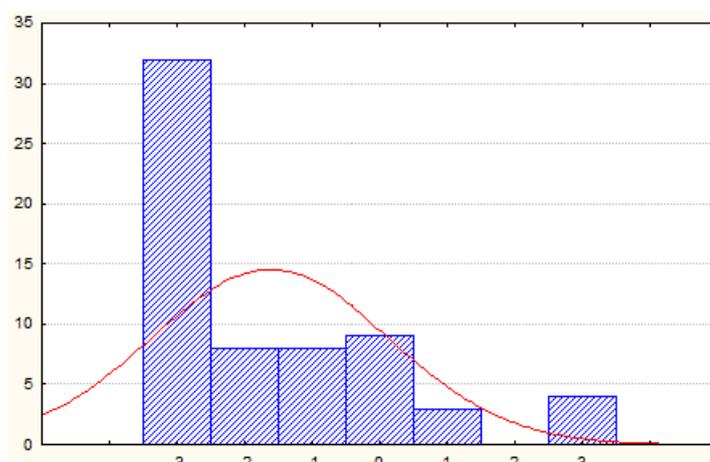
Рис. 3. Фактор «оценка» (ии. женского пола)

Fig. 3. Evaluation factor (female answers)

Рис. 4. Фактор «эмоциональность» (ии. женского пола)

Fig. 4. Emotionality factor (female answers)

Рис. 5. Фактор «женственность» (ии. женского пола)

Fig. 5. Femininity factor (female answers)

На всех трех рисунках представлено геометрическое распределение ответов с ярко выраженным преобладанием одного из полюсов оценивания. Объединение в одной шкале признаков шкал женственный и веселый позволяет сделать вывод о взаимосвязи данных понятий в языковом сознании ии. женского пола.

Геометрическое распределение ответов на всех рисунках свидетельствует об устойчивой тенденции ассоциирования оранжевого с чем-то очень приятным и радостным.

В целом обращает на себя внимание тот факт, что мы имеем дело с определённой тенденцией восприятия ЦО *оранжевый*. Абсолютное большинство испытуемых склонны считать его хорошим, радостным. Это может быть связано с наличием в сознании респондентов ассоциации оранжевого с *радостью, апельсинами, солнцем*.

Выводы

Проведенное нами эмпирическое исследование образа ЦО *оранжевый* в сознании представителей современной русской культуры показало положительное отношение к исследуемому стимульному объекту практически всех респондентов. Количество негативно окрашенных реакций среди полученных ассоциаций единично (по данным АЭ1 можно отметить реакции *непереносимость, боль и самый страшный*, по данным АЭ2 таких реакции зафиксировано не было). Позитивный образ ЦО *оранжевый* позволяет успешно использовать его в рекламных целях.

Диахронное сопоставление данных проведенных нами свободных ассоциативных экспериментов с данными РАС позволило сделать вывод о трансформации ассоциативного поля стимульного объекта *оранжевый* за последние тридцать лет. За указанный период из центра ассоциативного поля ушли ассоциации *цвет и галстук*, замещившись реакциями *мандарин и морковь*. В целом можно отметить расширение центра ассоциативного поля с четырех до шести ассоциаций.

Исследование также показало взаимосвязь ассоциативных полей ЦО *оранжевый, красный и желтый*, что обусловлено промежуточным положением оранжевого цвета.

Свободные ассоциативные эксперименты показали увеличение количества предметных ассоциаций в ассоциативном поле ЦО *оранжевый*, а также появление большего количества реагирования другими ЦО. Полученные ассоциации во многом отражают символическое значение оранжевого цвета: «с одной стороны, это цвет теплоты и блаженства, означающий святость и здоровье, символизирующий энергию, радость, смелость; а с другой стороны, это цвет раскалённого жара, пекла» [47], что свидетельствует о взаимосвязи индивидуального и культурного знания о цвете.

Гендерное сопоставление полученных результатов выявило отсутствие четкой гендерной дифференциации образа ЦО *оранжевый* в сознании представителей современной русской культуры. Большинство гендерно различных реакций является единичными, что не позволяет сделать вывод об их четкой гендерной маркированности.

Список литературы

1. Залевская А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.
2. Горошко Е.И. Изучение вербальных ассоциаций на цвета // Языковое сознание и образ мира: сборник статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Институт языкознания РАН,

2000. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-9.html (дата обращения 09.03.2022).

3. Сафуанова О.В. Формы репрезентации цвета в субъективном опыте: дис. канд. психол. наук. М., 1994.

4. Sharifian F. Distributed, emergent cultural cognition, conceptualisation, and language // In R.M. Frank, R. Dirven, T. Ziemke, & E. Bernandez (eds.) *Body, Language, and Mind (Vol. 2): Sociocultural Situatedness*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2008. P. 109–136.

5. Таныгина Е.А. Образ цвета в сознании носителя языка: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2012. С. 11-43.

6. Gibson E., Futrell R. Color naming across languages reflects color use // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2017. Vol. 114, Iss. 40, 3. P. 10785-10790. DOI: 10.1073/pnas.1619666114.

7. Кульпина В.Г. Программа спецкурса «Актуальные проблемы лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания» // *Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2008. № 2. С. 79.

8. Таныгина Е.А. Внутренний образ цветообозначения красный в сознании носителя русской культуры // *Вопросы психолингвистики*. 2011. № 1 (13). С. 166–173.

9. Таныгина Е. А., Никитенкова Т. С. Образ университета, стоящий за словами образование, ВУЗ, университет в сознании современных студентов // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология»*. 2020. № 4 (67). С. 87–97.

10. Таныгина Е. А., Нефедов Н. Г., Рубцов Н. Ю. Образ современной школы в сознании русскоязычных студентов // *Язык для специальных целей: система, функции, среда: сб. науч. статей VIII Междун. научно-практ. конф. Курск, 2020. С. 412-416.*

11. Таныгина Е.А. Проблема соотношения знания и наименования (на примере цветообозначения черный) // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*. 2011. № 2 (40). С. 154 – 159.

12. Zagidulina, A. F. Gilazetdinova G. K., Islamova E. A. Associative fields of lexemes "Homeland" and "Vatan" in Russian and Tatar linguistic consciousness // *Journal of Language and Literature*. 2016. Vol. 7. No 2. P. 289-292. DOI 10.7813/jll.2016/7-2/55.

13. Анненкова А.В. Особенности восприятия образной составляющей имиджевой рекламы (некоторые результаты ассоциативного эксперимента) // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика*. 2017. №3(24). С.58-66.

14. Болотнова Н. С. Ассоциативное поле поэтического текста как отражение когнитивной деятельности читателя // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2019. № 2(199). С. 41-48. DOI 10.23951/1609-624X-2019-2-41-48.

15. Касаткина Т.Ю. Анализ структуры ассоциативного поля цвета (на материале удмуртского и русского языков) // *Многоязычие в образовательном пространстве*. 2016. №8. С. 62-69.

16. Степыкин Н.И. Ассоциативное поле: продукт ассоциативного эксперимента и инструмент анализа значения слова // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика*. 2016. № 3 (20). С. 110-114.

17. Архипова С.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2011. №11. С. 6-9.

18. Борисова Ю.А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2019. Т.8. № 1. С. 265-275.

19. Павлова А.В. Образ просьбы в сознании носителей языков // *Язык для специальных целей: система, функции, среда : сб. науч. ст. VII международной науч.-практ. конф. Курск: ЮЗГУ, 2018. С. 252-257.*

20. Попадинец Р.В. Нравственные и ценностные идеалы представителей современного поколения (опыт психолингвистического эксперимента) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2015. № 4(17). С. 59-64.

21. Таныгина Е.А. Внутренний образ цветообозначения фиолетовый в сознании носителя русской культуры // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». 2011. № 4. Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2011. С. 218–226.

22. Таныгина Е.А. Особенности восприятия цветообозначений русского языка (на основе результатов ассоциативного эксперимента) // Концепт и культура: сборник научных статей (4-ая международная научная конференция). Кемерово: ИНТ, 2010. С. 543 – 548.

23. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 1. А – Л. М.: АСТ: Астрель, 2006. 1168 с.

24. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 тысяч слов и фразеологических выражений. М.: ИТИ Технологии, 2007. 944 с.

25. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 11.02.2022).

26. Таныгина Е. А. Образ цветообозначения желтый в сознании носителей русской культуры (экспериментальное исследование) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 3. С. 99–113.

27. Грибер Ю.А., Йонаускайте Д., Мор К. Цвета эмоций: экспериментальное исследование ассоциативных связей в современном русском языке // Litera. 2019. № 1. С. 69-86. DOI 10.25136/2409-8698.2019.1.28892.

28. Будаева Д. Р. Цветообозначения в политическом дискурсе // Лингвокультурология. 2011. № 5. С. 17-19.

29. Суздальцева В. Н. Символика цвета и функционирование цветообозначений в массмедийном политическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2014. № 1. С. 80-95.

30. Annenkova A.V. Some Results of Psycholinguistic Research of Polycode Advertising Texts: Gender Factor Influence // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAN 2019), 2019, Vol. 69. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900004> (дата обращения: 19.02.2022)

31. Егорова В.И. Гендерные особенности виртуальной коммуникации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2016. № 4 (21). С. 99-106.

32. Горлачева В.В. Гендерные особенности цветообозначений в современном русскоязычном рекламном дискурсе // Вісник запорізького національного університету. Філологічні науки. 2009. №1. С. 22-28.

33. Гришкова В.И. Специфика речевого поведения мужчин и женщин в лингвистических исследованиях // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сб. науч. статей. Курск, 2004. С. 36-38.

34. Хабибулина Э.А. Влияние гендерных стереотипов на функционирование цветообозначений в области моды // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №28 (243). С. 116-120.

35. Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения 21.02.2022).

36. Кузнецова О.А., Челидзе А.Д., Демчук Д.С. Гендерные особенности восприятия цвета в рекламе // Евразийский союз ученых. 2015. №5 (14). С. 121-123.

37. Кононенко А. А., Петьков В. В. Психологические основы использования цвета в рекламной продукции // Молодёжь и наука: актуальные проблемы педагогики и психологии. 2020. № 5. С. 47-55.
38. Tanygina E. The Inner Image of Russian Color Term чёрный (Black) (Experimental Study) // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences" (CILDIAH 2019). 2019. Vol. 69. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900117/>
39. Таныгина Е.А. Исследование внутреннего образа слов-цветообозначений русского языка с использованием методики семантического дифференциала // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. Киров: ВятГГУ, 2011. № 1 (2). С. 35 – 41.
40. Kim MK, Muller HM, Weiss S. What you "mean" is not what I "mean": Categorization of verbs by Germans and Koreans using the semantic differential // LINGUA. 2021. Vol. 252. DOI: 10.1016/j.lingua.2020.103012
41. Konishi T. The connotations of gender: A semantic differential study of German and Spanish // Word. 1994. Т. 45, №. 3. С. 317–327.
42. Голубева Е.В. Изучение концепта «деньги» методом семантического дифференциала // Языковая личность. Речевые жанры. Текст: сборник научных трудов. М., 2008. URL: http://golubevaelenav.narod.ru/science_L/gol_15.htm. (дата обращения 01.02.2022).
43. Анненкова А.В. Вербальные и визуальные коды социальной рекламы: опыт экспериментального исследования // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30). С. 117-122. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/035-017.pdf> (дата обращения 01.02.2022).
44. Резанова З.И. Влияние грамматического рода на концептуализацию объектов (экспериментальное исследование) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 104-124. DOI: 10.17223/19986645/50/7.
45. Соломин И.Л. Психосемантическая диагностика трудовой мотивации в управлении персоналом // Мир авионики. 2006. №4. С. 34-40.
46. Osgood Ch. E., Suci G., Tannenbaum P. The Measurement of Meaning. University of Illinois Press, 1957. 346 p.
47. Лагузова Е. Н., Мартынова Е. Н. Устойчивые выражения с цветовым прилагательным оранжевый в русском языке XXI века // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7. № 4(28). С. 440-447. DOI 10.18255/2412-6519-2021-4-440-447.

References

1. Zalevskaya A.A. *Psicholingvisticheskie issledovaniya: Slovo. Tekst: Izbrannye trudy* [Psycholinguistic research: A word. Text: Selected works]. Moscow, Gnosis Publ., 2005.
2. Goroshko E.I. [Study of verbal associations on colors]. *Yazykovoe soznanie i obraz mira. Sbornik statej* [Language consciousness and the image of the world. A collection of articles]. Moscow, 2000. Available at: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-9.html. (In Russ.).
3. Safuanova O.V. *Formy reprezentacii cveta v sub"ektivnom opyte*. Diss. kand. psihol. nauk [Forms of color representation in the subjective state. Cand. psihol. sci. diss.]. Moscow, 1994.
4. Sharifian F. Distributed, emergent cultural cognition, conceptualisation, and language. In R.M. Frank, R. Dirven, T. Ziemke, & E. Bernandez (eds.) *Body, Language, and Mind* (Vol. 2): Sociocultural Situatedness. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2008, pp. 109–136.

5. Tanygina E.A. *Obraz cveta v soznanii nositelya yazyka*. Diss. kand. filol. nauk [The image of color in the minds of a native speaker. Cand. philol. sci. abstract. diss.]. Kursk, 2012, pp. 11-43.

6. Gibson, E., Futrell, R. Color naming across languages reflects color use. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2017, vol. 114, is. 40, 3. Pp. 10785-10790. DOI: 10.1073/pnas.1619666114.

7. Kul'pina V.G. Programma speckursa "Aktual'nye problemy lingvistiki cveta kak nauchnogo napravleniya sopostavitel'nogo yazykoznaniiya" [Special course "Current problems of color linguistics as an area of comparative linguistics"]. *Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya = Bulletin of Moscow State University. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication*, 2008, no. 2, pp. 79.

8. Tanygina E.A. Vnutrennij obraz cvetooboznacheniya krasnyj v soznanii nositelya russkoj kul'tury [The Inner Image of the Color term Red in the Consciousness of the bearer of Russian Culture]. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of Psycholinguistics*, 2011, no. 1 (13), pp. 166–173.

9. Tanygina E. A., Nikitenkova T. S. [The inner image of modern university in the language consciousness of Russian students]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya" = Herald of Tver State University. Series: Philology*, 2020, no 4 (67), pp. 87-97.

10. Tanygina E. A., Nefedov N. G., Rubtcov N. Yu. [The image of modern school in language consciousness of Russian students]. *Yazyk dlya spetsial'nykh tselei: sistema, funktsii, sreda. Sbornik nauchnykh statei VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language or specific purposes: system, function, environment. Collection of scientific articles of the VIII international scientific and practical conference]. Kursk, 2020, pp. 412-416 (In Russ.).

11. Tanygina E.A. Problema sootnosheniya znaniya i naimenovaniya (na primere cvetooboznacheniya chernyj) [The problem of the correlation of knowledge and naming (using the example of the color designation black)]. *"Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta". Seriya "Gumanitarnye i social'nye nauki" = "Scientific notes of the Orel State University". Series "Humanities and Social Sciences"*, 2011, no. 2 (40), pp. 154–159.

12. Zagidulina A. F., Gilazetdinova G. K., Islamova E. A. Associative fields of lexemes "Homeland" and "Vatan" in Russian and Tatar linguistic consciousness. *Journal of Language and Literature*, 2016, vol. 7, no 2, pp. 289-292. DOI 10.7813/jll.2016/7-2/55.

13. Annenkova A.V. Osobennosti vospriyatiya obraznoj sostavlyayushchej imidzhevoj reklamy (nekotorye rezul'taty asociativnogo eksperimenta) [Features of perception of the image component of image advertising (some results of the associative experiment)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2017, no. 3(24), pp. 58-66.

14. Bolotnova, N. S. Asociativnoe pole poeticheskogo teksta kak otrazhenie kognitivnoj deyatel'nosti chitatelya [Communicative and cognitive word potential and its textual realization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2019, no. 2(199), pp. 41-48. DOI 10.23951/1609-624X-2019-2-41-48.

15. Kasatkina T.Yu. Analiz struktury asociativnogo polya cveta (na materiale udmurtskogo i russkogo yazykov) [Analysis of the structure of the associative color field (based on the Udmurt and Russian languages)]. *Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve = Multilingualism in the Educational Space*, 2016, no. 8, pp. 62-69.

16. Stepykin N.I. Asociativnoe pole: produkt asociativnogo eksperimenta i instrument analiza znacheniya slova [Associative field: the product of an associative experiment and a tool for analyzing the meaning of a word]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2016, no. 3 (20), pp. 110-114.

17. Arkhipova S.V. Associativnyj eksperiment v psiholingvistike [Associative experiment in psycholinguistics]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University*, 2011, no. 11, pp. 6-9.

18. Borisova Yu.A. Associativnyj eksperiment v sovremennyh psiholingvisticheskikh issledovaniyah [Associative experiment in modern psycholinguistic research]. *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya = Psychology. Historical and Critical Reviews and Contemporary Research*, 2019, vol. 8, no. 1, pp. 265-275.

19. Pavlova A. V. [The image of a request in the minds of native speakers]. *Yazyk dlya spetsial'nykh tselei: sistema, funktsii, sreda. Sbornik nauchnykh statei VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language for special purposes: system, functions, environment. Collection of scientific articles of the VII International scientific-practical conference]. Kursk, Southwest State University Publ., 2018, pp. 252–257 (In Russ.).

20. Popadinec R.V. Nravstvennye i cennostnye idealy predstavitelej sovremennogo pokoleniya (opyt psiholingvisticheskogo eksperimenta) [Moral and value ideals of the representatives of current generation (experience of psycholinguistic experiment)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2015, no. 4 (17), pp. 59-64.

21. Tanygina E. A. Vnutrennij obraz cvetooboznacheniya fioletovyj v soznanii nositelya russkoj kul'tury [Inner image of color term фиолетовый (purple) in the consciousness of Russian culture bearers]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya" = Herald of Tver State University. Series: Philology*, 2011, no 4. pp. 218-226.

22. Tanygina E.A. [Features of the perception of color designations of the Russian language (based on the results of an associative experiment)]. *Koncept i kul'tura. Sbornik nauchnykh statej* [Concept and Culture. Collection of scientific articles]. Kemerovo, INT Publ., 2010, pp. 543–548 (In Russ.).

23. Efremova T.F. *Sovremennyyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, AST: Astrel Publ., 2006. Vol. 1, 1168 p.

24. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 tysyach slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80 thousand words and phraseological expressions]. Moscow, ITI Technologies Publ., 2007. 944 p.

25. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]; ed. by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 1998, 1536 p. Available at: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>.

26. Tanygina E.A. Obraz cvetooboznacheniya zheltyj v soznanii nositelej russkoj kul'tury (eksperimental'noe issledovanie) [The image of the color term yellow in the consciousness of the carriers of Russian culture (experimental research)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 99–113.

27. Griber Yu.A., Jonauskajte D., Mor K. Cveta emocij: eksperimental'noe issledovanie asociativnyh svyazej v sovremennom russkom yazyke [The colors of emotions: experimental research of associative relations in modern Russian]. *Litera*, 2019, no. 1, pp. 69-86. DOI 10.25136/2409-8698.2019.1.28892.

28. Budaeva D. R. Cvetooboznacheniya v politicheskom diskurse [Names of colors in political discourse]. *Linguoculturology*, 2011, no. 5, pp. 17-19.

29. Suzdal'ceva V.N. Simvolika cveta i funkcionirovanie cvetooboznachenij v mass-medijnom politicheskom diskurse [Symbolics of colors and functioning of color designation in mass media political discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika = Bulletin of the Moscow University. Episode 10: Journalism*, 2014, no. 1, pp. 80-95.

30. Annenkova A.V. Some Results of Psycholinguistic Research of Polycode Advertising Texts: Gender Factor Influence. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences"* (CILDIAH 2019), 2019, Vol. 69 (2019). Available at: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900004>.

31. Egorova V. I. Gendernye osobennosti virtual'noj kommunikacii [Gender characteristics of virtual communication]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2016, no. 4 (21), pp. 99-106.

32. Gorlacheva V.V. Gendernye osobennosti cvetooboznachenij v sovremennom russko-yazychnom reklamnom diskurse [Gender features of color designations in modern Russian-language advertising discourse]. *Bisnik zaporiz'kogo nacional'nogo universitetu. Filologichni nauki = Bulletin of Zaporizhzhya National University. Philological Sciences*, 2009, no. 1, pp. 22-28.

33. Grishkova V.I. [The specifics of the speech behavior of men and women in linguistic research]. *Yazyk dlya spetsial'nykh tselei: sistema, funktsii, sreda. Sbornik nauchnykh statei* [Language for special purposes: system, functions, environment: collection of scientific articles]. Kursk, 2004, pp. 36–38.

34. Khabibulina E.A. Vliyanie gendernykh stereotipov na funkcionirovanie cvetooboznachenij v oblasti mody [The influence of gender stereotypes on the functioning of color designations in the field of fashion]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2011, no. 28 (243), pp. 116-120.

35. *Russkij associativnyj slovar'* [Russian associative dictionary]. Available at: <http://tesaurus.ru/dict/>.

36. Kuznetsova O.A., Chelidze A.D., Demchuk D.S. Gendernye osobennosti vospriyatiya cveta v reklame [Gender characteristics of color perception in advertising]. *Evrazijskij soyuz uchennykh = Eurasian Union of Scientists*, 2015, no. 5 (14), pp. 121-123.

37. Kononenko A. A., Pet'kov V. V. Psihologicheskie osnovy ispol'zovaniya cveta v reklamnoj produkcii [Psychological bases for using color in advertising products]. *Molodyozh' i nauka: aktual'nye problemy pedagogiki i psikhologii = Youth and science: actual problems of pedagogy and psychology*, 2020, no. 5, pp. 47-55.

38. Tanygina E. The Inner Image of Russian Color Term чернЫй (Black) (Experimental Study). *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences"* (CILDIAH 2019), 2019, vol. 69 (2019). Available at: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900117/>

39. Tanygina E.A. Issledovanie vnutrennego obraza slov-cvetooboznachenij russkogo yazyka s ispol'zovaniem metodiki semanticheskogo differenciala [Investigation of the internal image of Russian color terms using the method of semantic differential]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie = Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. Philology and Art History*, 2011, no. 1 (2), pp. 35–41.

40. Kim MK, Muller HM, Weiss S. What you "mean" is not what I "mean": Categorization of verbs by Germans and Koreans using the semantic differential. *LINGUA*, 2021, vol. 252. DOI: 10.1016/j.lingua.2020.103012

41. Konishi T. The connotations of gender: A semantic differential study of German and Spanish. *Word*, 1994, vol. 45, no. 3, pp. 317–327.

42. Golubeva E.V. [Study of the concept "money" by the method of semantic differential]. *Sbornik nauchnykh trudov "Yazykovaya lichnost'. Rechevye zhanry. Tekst"* [Collection of scientific papers "Linguistic personality. Speech genres. Text"]

tific works "Language personality. Speech genres. Text"]. Available at: http://golubevaelenavnarod.ru/science_L/gol_15.htm. (In Russ.).

43. Annenkova A.V. Verbal'nye i vizual'nye kody social'noj reklamy: opyt eksperimental'nogo issledovaniya [Verbal and visual codes of social advertising: the experience of experimental research]. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*, 2014, no. 2 (30), pp. 117-122. Available at: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/035-017.pdf>.

44. Rezanova Z.I. Vliyanie grammaticheskogo roda na konceptualizaciyu ob"ektov (eksperimental'noe issledovanie) [The influence of the grammatical gender on the conceptualization of objects (an experimental study)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Tomsk state university journal of philology*, 2017, no. 50, pp. 104-124. DOI 10.17223/19986645/50/7.

45. Solomin I.L. Psihosemanticheskaya diagnostika trudovoj motivacii v upravlenii personalom [Psychosemantic diagnostics of labor motivation in personnel management]. *Mir avioniki = World of Avionics*, 2006, no. 4, pp. 34-40.

46. Osgood Ch.E., Suci G., Tannenbaum P. *The Measurement of Meaning*. University of Illinois Press, 1957. 346 p.

47. Laguzova E. N., Martynova E. N. Ustojchivye vyrazheniya s cvetovym prilagatel'nym oranzhevyj v russkom yazyke XXI veka [Stable expressions with the color adjective orange in the russian language of the 20th century]. *Social'nye i gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*, 2021, vol. 7, no 4(28), pp. 440-447. DOI 10.18255/2412-6519-2021-4-440-447.

Информация об авторе / Information about the Author

Таныгина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: eabel@yandex.ru,
Researcher ID: 0000-0002-5488-4185

Elena A. Tanygina, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: eabel@yandex.ru,
Researcher ID: 0000-0002-5488-4185

Оригинальная статья / Original article

УДК 811.111

Способы формирования физической и математической терминологии в английском и русском языках

О. А. Шатохина¹ ✉

¹Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт
Бульвар мира, д. 17, г. Неинномысск 357108, Российская Федерация

✉ e-mail: yaginskaya26@bk.ru

Резюме

Статья посвящена анализу и интерпретации основных способов формирования физико-математической терминологии в английском и русском языках; детально рассмотрена специфика словообразования физических и математических терминов в английской речи, оценена значимость владения навыками перевода английских физико-математических терминов на современном этапе развития общества.

Актуальность темы данного исследования определяется необходимостью дать подробное описание научно-технической терминосистемы, поскольку продолжают оставаться недостаточно изученными, в частности, некоторые из особенностей словообразования физико-математических терминов в английском языке. Исследование выполнено на материале английского языка, который традиционно является основным источником заимствований, в том числе и терминологических, и русского языка.

Физико-математическая терминология русского языка формируется тремя основными способами: при помощи собственных средств языка, калькирования и заимствования из интернациональных языков, в то время как технические и математические термины в английской речи имеют ряд особенностей при их словообразовании. Рассмотрены такие отличительные характеристики, как возможность выделения графических и фонетико-графических вариантов в британском перечне определений и их полное отсутствие в русской научной речи, наличие синтаксических вариантов в русской терминологии, не свойственных британской речи, наличие эллиптических разновидностей и полисемии в британском перечне физической терминологии, не характерных для аналогичного русского перечня. Терминологические единицы подъязыка математики представлены преимущественно производными словами из латинского и древнегреческого языков, объединяющиеся в терминологические словосочетания и формирующие таким образом английскую математическую терминосистему.

Методологическую базу данного исследования составили метод сплошной выборки, описательный метод, сопоставительный анализ, лингвостатистический анализ.

Предложенный автором статьи систематизированный материал может быть использован в педагогической и научной деятельности в сфере таких отраслей языкознания, как лингвистическое терминоведение, дериватология, контрастивная лингвистика. Кроме того, полученные результаты могут быть полезны при составлении справочных пособий по научно-технической терминологии.

Ключевые слова: физико-математическая терминология; терминосистема; терминообразование, словообразование; терминологические словосочетания; сопоставительный анализ.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шатохина О. А. Способы формирования физической и математической терминологии в английском и русском языках // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 2. С. 107-114.

Статья поступила в редакцию 10.03.2022

Статья подписана в печать 30.05.2022

Статья опубликована 30.06.2022

Methods of Formation of Physical and Mathematical Terminology in English and Russian

Olga A. Shatokhina¹ ✉

¹Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute
17 Bulvar Mira str., Nevinnomyssk 357108, Russian Federation

✉ e-mail: yaginskaya26@bk.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis and interpretation of the main ways of forming physical and mathematical terminology in English and Russian; the specifics of the word formation of physical and mathematical terms in English speech are considered in detail, the importance of proficiency in the translation of English physical and mathematical terms at the present stage of society development is assessed.

The relevance of the topic of this study is determined by the need to give a detailed description of the scientific and technical term system, since some of the features of the word formation of physical and mathematical terms in the English language continue to be insufficiently studied, in particular. The study is based on the material of the English language, which is traditionally the main source of borrowings, including terminological ones, and the Russian language.

The physical and mathematical terminology of the Russian language is formed in three main ways: using its own means of language, calculus and borrowing from international languages, while technical and mathematical terms in English speech have a number of features in their word formation. Russian scientific speech considers such distinctive characteristics as the possibility of distinguishing graphic and phonetic-graphic variants in the British list of definitions and their complete absence in Russian scientific speech, the presence of syntactic variants in Russian terminology that are not characteristic of British speech, the presence of elliptical varieties and polysemy in the British list of physical terminology that are not characteristic of a similar Russian list. Terminological units of the sublanguage of mathematics are represented mainly by non-derivative words from Latin and ancient Greek, which combine into terminological phrases and thus form the English mathematical terminological system.

The methodological basis of this study was the continuous sampling method, descriptive method, comparative analysis, linguistic statistical analysis.

The systematized material proposed by the author of the article can be used in pedagogical and scientific activities in the field of such branches of linguistics as linguistic terminology, derivatology, contrastive linguistics. In addition, the results obtained can be useful in compiling reference manuals on scientific and technical terminology.

Keywords: *physical and mathematical terminology; term system; term formation; word formation; terminological phrases; comparative analysis.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Shatokhina O. A. Methods of Formation of Physical and Mathematical Terminology in English and Russian. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(2): 107–114 (In Russ.).

Received 10.03.2022

Accepted 30.05.2022

Published 30.06.2022

***

Введение

Любая из наук в ходе своего развития сталкивается с проблематикой в словообразовании и лексикологии. При этом терминология, вне зависимости от страны возникновения слова, должна быть достаточно изученной для всеобщего по-

нимания и толкования того или иного термина «как базового средства фиксации и передачи научной и технической информации» [1].

Физико-математическая терминология, прошедшая длительный и сложный путь своего развития, на современном

этапе развития, не смотря на всю значимость и необходимость всеобщего толкования, продолжает оставаться недостаточно изученной. При этом стоит учитывать факт постоянного расширения словарного запаса иноязычных терминов физической и математической науки.

Как правило, в качестве основы для пополнения арсенала технических и математических терминов русского языка используются англоязычные исследования и статьи. Данный факт подтверждается объемом заимствований в русской речи – порядка 75% [1]. В связи с этим особенности рассмотрения и сопоставления порядка формирования физических и математических терминов в английском и русском языках имеет особое значение.

Безусловно, имеются многочисленные исследования по обозначенной тематике как отечественных, так и зарубежных авторов, однако окончательного итога они не содержат. Продолжают оставаться недостаточно изученными, в частности, некоторые из особенностей словообразования физических и математических терминов в английском языке. Учитывая вышеназванные факты, тематика представленной работы представляется актуальной и значимой.

Своей целью автор ставит выявить ключевые особенности формирования физико-математической терминологии в английском и русском языках.

Материалы и методы

К анализу привлекаются лексемы, зарегистрированные в лексикографических источниках (словари Longman Dictionary of Contemporary English, Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, Англо-русский толковый научно-технический словарь по системному анализу, программированию, электронике и электроприводу и др.) [2, 3, 4].

В ходе описания и анализа отобранных в результате сплошной выборки языковых единиц в данном исследовании использованы описательный и интерпре-

тационный методы, сравнительно-сопоставительный анализ, лингвостатистический анализ.

Результаты и обсуждение

Для успешного перевода статьи научно-технического характера на английский язык нужно одновременно иметь специализированные знания в узкой технической области и быть переводчиком. Специфика технического текста заключается, в первую очередь, в насыщенности специальными терминами. Несмотря на то, что некоторые физические и математические термины сформированы из широко употребляемых слов, в техническом контексте они приобретают совершенно иной смысл. Более того, одна и та же лексема в разных отраслях науки и техники может иметь разное значение и интерпретироваться по-разному. Часто сочетание слов способно изменить их исходный смысл.

Быстрые темпы научно-технического прогресса приводят к тому, что арсенал специализированной лексики постоянно пополняется. Она не зафиксирована в основных лексикографических источниках и формирует своеобразный профессиональный сленг, понятный только специалистам той или иной области. Аббревиатуры и сокращения графически могут выглядеть иначе или вовсе отсутствовать в английском языке. Формулировки и наименования исключают вольной интерпретации. Общепринятые термины невозможно заменить синонимами. Технический текст исключает какие-либо разночтения или двойные значения. Смысл статьи должен быть однозначным, ясным и легко воспроизводимым во избежание противоречивых результатов [5].

Наиболее употребимы в английской научной речи термины латинского происхождения. При этом заимствованные латинизмы используются без изменений и подчиняются правилам исходного языка. Поэтому при работе с научно-техническими текстами на английском языке

необходимо учитывать основные принципы словообразования [6].

На современном этапе развития науки и общества технические и математические термины выделены в отдельную категорию словообразования. Достаточно сложно четко определить число известных на сегодняшний день физико-математических терминов, поддающихся трактовке как в русской, так и в английской речи.

При изучении указанных выше особенностей особое значение должно уделяться терминологической базе, входящей в состав как математики, так и физики. Благодаря указанным исследованиям представляется возможным выделение ключевых особенностей терминологических процессов и их системный анализ.

Покажем это на конкретном случае сопоставления словообразования физико-математических терминов в русской и английской речи.

Словообразование физических терминов рассмотрим на примере категории «Элементарные частицы» [1].

В ходе исследования мы смогли выделить следующие особенности:

1. Физические термины, подчиняясь общим законам технической терминологии, характеризуются отдельными правилами словообразования как в русской, так и в английской речи. При этом порядок терминообразования в английской речи имеет некоторые особенности.

2. Английская терминология в рассматриваемой категории слов характеризуется множественными графическими обозначениями. Нередко отличительная особенность английских терминов исследуемой категории терминов состоит в наличии дефисного написания, например: *pi meson – pi-meson, tau lepton – tau-lepton* [1]. При этом такое же написание аналогичных терминов в русской речи недопустимо.

3. Фонетико-графические варианты физического термина-словосочетания «элементарные частицы» в британском

перечне определений представлены следующими парами терминов-синонимов: *tardon – tardyon, straneonium – strangeonium*, в то время как аналогичный российский перечень определений подобные фонетико-графические варианты не содержит [1].

4. Словообразовательные варианты, представленные в британском и российском перечнях определений физики элементарных частиц, и их сопоставительный анализ позволили ученым-лингвистам выявить алгоритм, в котором «в качестве словообразовательных разновидностей выступают грамматические формы единственного и множественного числа: *hadron – hadrons, lepton – leptons; адрон – адроны, лептон – лептоны*» [1].

5. Синтаксические разновидности обнаружены лишь только в русской научной речи: «*хиггсовский бозон – бозон Хиггса – хиггсов бозон, майорановская частица – частица Майораны*» [1], в то время как полисемия терминов и эллиптические разновидности активно представлены в британском перечне определений: *eta-meson – eta, lambda particle – lambda; meson omega – omegai*, в русской терминологии данные разновидности отсутствуют» [1].

Проведенный сопоставительный анализ позволяет прийти к следующему выводу: порядок терминообразования в области физики в русском и английском языках имеют как схожие, так и отличительные черты.

Схожие характеристики включают широко представленную синонимию и межотраслевую омонимию в обоих перечнях; наличие дублетов, сокращений, аббревиатур; сосуществование символического наименования понятия, коррелирующего со словесным; наличие парных терминов-антонимов, состоящих из беспрефиксального термина и термина преимущественно греческого происхождения.

Отличительные характеристики представлены в возможности выделения графических и фонетико-графических вари-

антов в британском перечне определений и их полное отсутствие в русской научной речи, наличие эллиптических разновидностей и полисемии в британском перечне физической терминологии, не характерные для русского перечня; присутствие синтаксических вариантов в русской терминологии, не свойственные британской речи.

Рассмотрим результаты сравнения порядка словообразования математических терминов в британской и русской речи, выделим схожие и отличительные черты лексических особенностей формирования терминов.

Подавляющее число математических терминов в английской речи представлено непроизводными словами: *to subtract, to multiply, equal, fraction, a multiple, a power*, что указывает на тенденцию к лаконичности и сжатости. Лишь незначительная часть терминов представлена производными словами. Русская математическая терминология включает все типы слов и словосочетаний, производные и непроизводные: *дробь, кратное, степень, алгоритм, функция, теорема, вычитать, умножать*.

Зачастую математическая терминология представляет собой словосочетание, формируя таким образом базу терминологических единиц современных технических отраслевых терминосистем. Подобные термины-словосочетания, по мнению лингвистов-исследователей, призваны наиболее точно и емко отобразить необходимые отличительные характеристики того или иного наименования. Речь идет о многокомпонентных синтаксических образованиях, являющихся принадлежностью только научно-технического стиля в обоих языковых вариантах: *a decimal fraction, a cubic equation, a square root, a common denominator, a decimal number, Vieta's Theorem, trigonometric function, decimal segment; десятичная дробь, кубическое уравнение, квадратный корень, общий знаменатель, десятичное число, теорема Виетты, тригонометри-*

ческая функция, десятичный отрезок и т.д. [2].

Значительное увеличение многокомпонентных терминов-словосочетаний, входящих во многие тематические разряды активно пополняющихся терминосистем в современной математической науке, объясняется, прежде всего, попыткой внедрить новые наименования, наделить их большей информативностью, семантической точностью и однозначностью. Данный процесс является следствием усложнения самих отраслевых понятий, внедрением новых отличительных характеристик, заложенных в самой структуре термина.

Необходимо учитывать, что обилие многокомпонентных терминов в математической терминосистеме – явление закономерное: в большинстве своем отраслевые понятия представляют сложный комплекс, состоящий из множества интегральных и дифференциальных признаков, которые необходимо показать в новом термине для отграничения того или иного отраслевого понятия от других соподчиненных понятий [7, 10].

Однако увеличение числа компонентов составного наименования не может быть бесконечным. Любому тексту всегда свойственно стремление к краткости и сжатости [7].

Нередки в математическом английском и русском текстах аббревиатуры (словообразовательный способ компрессии): *LCD – the lowest common denominator / НОЗ – наименьший общий знаменатель, GCD – the greatest common divisor / НОД – наибольший общий делитель, SCM – the smallest common multiple / НОК – наименьшее общее кратное* и т.д. [8].

В результате проведенного структурного анализа мы приходим к выводу о том, что терминологические единицы подъязыка математики представлены преимущественно непроизводными словами, которые вошли в английскую научную речь из латинского и древнегреческого языков. Зачастую данные непроизводные

слова объединяются в терминологические словосочетания и формируют таким образом английскую математическую терминосистему.

Формирование терминологической системы русской математической речи осуществляется в основном за счет терминологизации слов общепотребительного языка и транслерминологизации: *изоморфизм (лингв.)* и *изоморфизм (мат.)*; путем заимствования из других иностранных языков; на базе греко-латинских и европейских наименований, которые являются в то же время интернациональными: *функция, асимптота, дифференциал, инвариант*; лексическим и семантическим калькированием; при помощи аббревиации [9].

Выводы

В современной лингвистике особое внимание уделяется изучению специализированных терминов, в том числе научно-технической терминологии. Терминологическая лексика играет все более заметную роль в жизни современного общества. Быстрые темпы научно-технического прогресса, вызванные бурным развитием физических и математических наук, влекут за собой появление большого числа новых понятий и их наименований. Расширенные знания об особенностях формирования специализированной лексики необходимы людям многих профессий – лингвистам, филологам, переводчикам, редакторам, преподавателям, специалистам-отраслевикам.

Данное исследование позволило в некоторой степени провести сравнительно-сопоставительный анализ особенностей словообразования научно-технических терминов в русском и английском языках. Физико-математическая терминология русского языка формируется тремя основными способами: при помощи собственных средств языка, калькирования и

заимствования из интернациональных языков. Технические и математические термины в английской речи имеют ряд особенностей при их словообразовании, которые включают как схожие, так и отличительные характеристики.

Схожие характеристики включают широко представленную синонимию и межотраслевую омонимию в обоих перечнях; наличие дублетов, сокращений, аббревиатур; сосуществование символического наименования понятия, коррелирующего со словесным; наличие парных терминов-антонимов, состоящих из беспрефиксального термина и термина преимущественно греческого происхождения.

Отличительные черты представлены в возможности выделения графических и фонетико-графических вариантов в британском перечне и их полное отсутствие в русской научной речи; наличии эллиптических разновидностей и полисемии в британском перечне научно-технической терминологии, не характерных для аналогичного русского перечня; наличии синтаксических вариантов в русской терминологии, не свойственных британской речи. Русская математическая терминология, в отличие от британской, включает все типы слов и словосочетаний, производные и непроизводные, а также имеет более широкий выбор аббревиаций.

Изложенные в данном исследовании выводы и результаты могут быть использованы для составления отраслевых переводческих словарей; для разработки учебников и учебных пособий по английскому языку как иностранному для переводчиков литературы технической направленности, в практике редактирования и реферирования научно-технических текстов, в курсах переводоведения; в спецкурсах по словообразованию.

Список литературы

1. Михайлова К. В. Особенности формирования физической терминологии в английском и русском языках: на примере лексико-семантического поля «физика элементарных частиц»: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 205 с.
2. Longman Dictionary of Contemporary English. London: Longman Group, Ltd., 2015. 2224 p.
3. Macmillan English Dictionary. For Advanced Learners. NEW Macmillan Publishers Limited, 2007. 1692 p.
4. Кочергин В. И. Англо-русский толковый научно-технический словарь по системному анализу, программированию, электронике и электроприводу: в 2 т., Томск, 2008.
5. Иванова Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка. М.: Издательский центр «Академия», 2021. 352 с.
6. Хиз К. А. Научно-технические термины на русском и английском языках // Актуальные проблемы филологии: материалы II Международной научной конференции. Краснодар: Новация, 2019. С. 121-123.
7. Beiser Arthur. Concepts of modern physics. Fourth Edition. McGraw-Hill Book Company. 1987. 616 p.
8. Oxford Dictionary of Physics. Oxford University Press, 2003. 594 p.
9. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. 2-е изд., перераб. М.: ФЛИНТА: Наука, 2020. 376 с.
10. The Concise Oxford Dictionary. Oxford University Press, 1988. 1264 p.

References

1. Mixaylova K. V. *Osobennosti formirovaniya fizicheskoy terminologii v angliyskom i russkom yazykakh: na primere leksiko-semanticheskogo polya "fizika elementarnykh chastits"*: Diss. kand. filol. nauk [Features of the formation of physical terminology in English and Russian: by the example of the lexico-semantic field "elementary particle physics". Cand. of Philol. sci. diss.]. Kazan, 2018. 205 p.
2. Longman Dictionary of Contemporary English. London: Longman Group, Ltd., 2015. 2224 p.
3. Macmillan English Dictionary. For Advanced Learners. NEW Macmillan Publishers Limited, 2007. 1692 p.
4. Kochergin V. I. *Anglo-russkiy tolkovyy nauchno-technicheskiy slovar po sistemnomu analizu, programmirovaniyu, elektronike i elektroprivodu* [English-Russian explanatory scientific and technical dictionary on system analysis, programming, electronics and electric drive]. Tomsk, 2008.
5. Ivanova Ye.V. *Leksikologiya i frazeologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology and phraseology of modern English]. Moscow, Izdatelskiy sentr "Akademiya" Publ., 2021. 352 p.
6. Xiz K. A. [Scientific and technical terms in Russian and English]. Aktual'nye problem filologii. Material II Mejdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Actual problems of philology. Ma-

terials of the II International Scientific Conference]. Krasnodar: Novatsiya Publ., 2019, pp. 121-123. (In Russ.)

7. Beiser Arthur. Concepts of modern physics. Fourth Edition. McGraw-Hill Book Company. 1987. 616 p.

8. Oxford Dictionary of Physics. Oxford University Press, 2003. 594 p.

9. Arnold I.V. *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology of modern English: studies. stipend], Moscow, FLINTA: Nauka Publ., 2020. 376 p. (In Russ.)

10. The Concise Oxford Dictionary. Oxford University Press, 1988. 1264p.

Информация об авторе / Information about the Author

Шатохина Ольга Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, г. Невинномысск, Российская Федерация,
e-mail: yaginskaya26@bk.ru

Olga A. Shatokhina, Cand. of Sci. (Philological), Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute, Nevinnomyssk, Russian Federation
e-mail: yaginskaya26@bk.ru

УДК 687.112 + 7

Становление профессиональной культуры обучающихся посредством изучения теории и практики истории костюма и моды

О. В. Будникова¹ ✉, Е. В. Колесникова¹

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: budnikovakursk30@yandex.ru

Резюме

В статье затрагиваются проблемы становления и развития профессионала посредством освоения истории костюма и моды как части мировой художественной культуры, стилевых особенностей искусства, присущих определённому народу, стране, времени.

Костюм как феномен культуры рассматривается с позиций различных научных сфер: философии, истории, социологии, психологии, дизайна и др.

В процессе поисков современного перспективного кроя одежды, выразительного художественного образа модели студенты обращаются к исследованиям исторических материалов, старинных книг по конструированию, технологиям обработки материала, включая технические аспекты декорирования костюма.

Изучая теоретические сведения, обучающиеся формируют представления о конструкции и технологиях изготовления не только модных швейных изделий различных эпох и стран, но и своего региона.

Провинция, «малые города» и сёла хранят еще много неисследованного. Посещение архивов, краеведческих музеев, галерей, знакомство с культурой и бытом своих предков повышает интерес к предмету, вызывает чувство восхищения мастерством и изяществом выполнения традиционной одежды, обуви, головных уборов и аксессуаров. В ходе выполнения практических работ, опираясь на разработанный алгоритм, служащий для решения не одной, конкретной задачи, а целого ряда выявленных проблем, студенты получают определенный комплекс навыков, необходимых для творческой деятельности будущих профессионалов индустрии моды. Полученные знания, умения и владения используются студентами при выполнении научно-исследовательских работ, разработке коллекций моделей одежды для участия в конкурсах и внедрения в производство.

Освоение навыков определения стилистических особенностей костюма и различных техник художественной обработки материалов способствует развитию дизайнерского мышления, столь необходимого в конкурентных условиях рынка дизайн-индустрии.

Ключевые слова: история костюма и моды; алгоритм; формообразование; конструкция; дизайнерское мышление; креативность; творческий потенциал; профессиональные навыки.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Будникова О. В., Колесникова Е. В. Становление профессиональной культуры обучающихся посредством изучения теории и практики истории костюма и моды // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 2. С. 115-123.

Статья поступила в редакцию 03.05.2022

Статья подписана в печать 26.05.2022

Статья опубликована 30.06.2022

© Будникова О. В., Колесникова Е. В., 2022

Formation of Professional Culture of Students Through the Study of Theory and Practice of the History of Costume and Fashion

Olga V. Budnikova¹ ✉, Elena V. Kolesnikova¹

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: budnikovakursk30@yandex.ru

Abstract

The article touches upon the problems of formation and development of a professional through mastering the history of costume and fashion as part of world art culture, the stylistic features of art inherent in a certain people, country, time.

Costume as a cultural phenomenon is considered from the standpoint of various scientific fields: philosophy, history, sociology, psychology, design, etc.

In the process of searching for a modern perspective cut of clothing, an expressive artistic image of the model, students turn to the research of historical materials, ancient books on design, material processing technologies, including technical aspects of costume decoration.

By studying theoretical information, students form ideas about the design and manufacturing technologies of not only fashionable garments of various eras and countries, but also their region.

The province, "small towns" and villages still store a lot of unexplored. Visiting archives, local history museums, galleries, acquaintance with the culture and life of their ancestors increases interest in the subject, causes a sense of admiration for the skill and elegance of traditional clothing, shoes, hats and accessories. In the course of practical work, relying on the developed algorithm, which serves to solve not one specific task, but a number of identified problems, students receive a certain set of skills necessary for the creative activity of future fashion industry professionals. The acquired knowledge and skills are used by students in carrying out research work, developing collections of clothing models for participation in competitions and introduction into production.

Mastering the skills of determining the stylistic features of the costume and various techniques of artistic processing of materials contributes to the development of design thinking, which is so necessary in the competitive conditions of the design industry market.

Keywords: history of costume and fashion; algorithm; shaping; design; design thinking; creativity; professional skills.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Budnikova O.V., Kolesnikova E.V. Formation of Professional Culture of Students Through the Study of Theory and Practice of the History of Costume and Fashion. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(2): 115–123 (In Russ.).

Received 03.05.2022

Accepted 26.05.2022

Published 30.06.2022

***

Введение

История костюма и моды затрагивает внешнюю и конструктивную сторону формообразования, не погружаясь в глубинные основы художественного стиля, диктуемого архитектурой. Поэтому закономерно, что активнее модные тенденции проявляются в быту, одежде, поведении, в бифункциональных видах искусства,

теснее других связанных с промышленным производством: в оформлении интерьера, дизайне промышленных изделий, рекламе, ювелирном искусстве, костюме.

Костюм проявляется как совокупность системных оболочек, подобранных в определенном стиле. Многослойность внешних оболочек (накладных, шитых, обёрнутых и т.д.) человеческого тела

предполагает структуризацию покровов на следующие опорные линейки:

- головные уборы – покровы головы;
- одежда – покровы тела;
- обувь – покровы стопы;
- аксессуары – дополнительные (съёмные и автономные) элементы, сопровождающие различные виды оболочек.

Искусство костюма включает, помимо перечисленных оболочек, причёску, макияж, ароматизаторы, манеру поведения, осанку, походку человека и опирается на его психофизиологические особенности и индивидуальные характеристики.

Однако все составляющие костюма остаются лишь «мертвыми» вещами без человека, его физического тела, характера, привычек, художественного вкуса [1, с.15]. Поэтому история костюма неотделима от моды с её конкретным материальным проявлением запросов, потребностей и идеала человека в обществе.

Мода в одежде подвержена риску, переворотам, её движение вперёд неравномерно. Происходят быстрые сдвиги визуального восприятия всего тела, но при этом мода затрагивает и мелкие детали и продолжает управлять длительными и неспешными переменами: кажется, что она изменяет не только заметные формы одежды, но и свой собственный скрытый дизайн [2, с.17].

Разработчики новой моды – кутюрье, модельеры, дизайнеры. Интересно то, что многие из них являются по базовой профессии архитекторами (Пако Рабанн, Заха Хадид, Верджил Абло и др.), рассматривающими понятие «костюм» как маленькое жилище, которое всегда с нами, и в котором нам уютно и тепло. Костюм нас защищает и представляет, по аналогии с популярным высказыванием «мой дом – моя крепость». Немалый вклад в создание моды представляют различные субкультур и социокультурная среда.

Целью изучения дисциплины «История костюма и моды» является исследо-

вание основных понятий моды, костюма как части мировой художественной культуры, стилевых особенностей искусства, специфики развития исторических периодов; рассмотрение деталей, индивидуальных мелких частей, манеры ношения костюма и его составляющих, присущих определённому народу, стране, времени в контексте своей профессиональной деятельности. Значимым является получение опыта: работы с научной литературой; анализа и творческой трансформации исторического прототипа или первоисточника при создании современных образцов и коллекций; освоения приемов технологии изготовления модели костюма в соответствии с исторической эпохой; понимания значимости костюма и его роли в истории материальной культуры.

Результаты и обсуждение

Обращение к истории костюма и моды является достаточно актуальным для профессионального образования дизайнера и конструктора изделий лёгкой промышленности.

Знание прошлого способствует глубокому пониманию национальных и культурных основ жизни, определяющих социально-нравственный облик общества, укрепляя его духовные устои и тем самым соединяя народ в единое целое.

Владение знаниями в области исторических стилей, традиционных форм индийского, китайского, японского костюмов, которые и сегодня существуют наравне с европейской современной одеждой, расширяют культурную память и позволяют дизайнеру / исследователю костюма острее чувствовать время, культуру, образы. Культурная память понимается как особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, выходящая за рамки опыта отдельных людей или групп, сохраняемых традиций; формализованная и ритуализированная, она выражается в мемориальных знаках разного рода – памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изоб-

разительных и монументальных памятниках [3, с.154]. Конструирование новых форм одежды идет через освоение культурного наследия.

Одновременно усложняется ситуация познания моды как феномена культуры. Сфера её действия не ограничивается одеждой, где права моды общепризнаны. Она даёт себя знать в области производства и политики, в искусстве и науке, в социальной психологии и идеологии [4, с. 209].

Процесс изучения истории костюма сопровождается выполнением различного типа зарисовок, от конкретных, чётко и до мельчайших подробностей отрисованных, до мелких условных набросков. Использование различных приёмов стилизации графического изображения в дизайнерской деятельности молодых авторов и работа с уже встречавшимися в истории мирового искусства художественными формами в новом содержательном контексте для достижения определенных эстетических целей позволяет значительно расширить творческое пространство.

Источником стилизации может стать также индивидуальный стиль творчества и почерк отдельного автора или исполнителя, художественного направления, Дома моды, школы. Возможна и адаптация моделей, создаваемых на основе образцов народной культуры, к современным реалиям. Рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли позволяет проектировщику тут же вносить необходимые изменения в творческий замысел, наглядно показывать особенности новой модели (конструкции) [5, с. 7]. Выполнение графических работ при изучении костюма позволяет развивать творческое мышление студентов.

Чувство стиля и индивидуальное самовыражение посредством одежды должно стать основополагающим в творчестве дизайнера. Творчество предполагает высокую эрудицию не только в той области, в которой творит или собирается

творить человек, но и в сопредельных с нею областях, поскольку любой акт творчества означает выход за рамки привычных стереотипов мышления и поведения, но этот выход не должен осуществляться вслепую. Чем шире круг жизненных и духовных интересов человека, тем шире его творческие горизонты и возможности [6, с. 413].

Именно творчество выступает специфическим человеческим свойством, одновременно порождённым потребностями развивающейся культуры и формирующим саму культуру.

Современность демонстрирует смешение стилистических направлений и технологий, проникающих друг в друга и порождающих тренд-миксы: кружево и цифровые принты, вышивка и смарт-системы, экологичный текстиль и 3-D печать в костюме и его составляющих.

В ходе выполнения практических работ по истории костюма и моды, опираясь на разработанный алгоритм, служащий для решения не одной, конкретной задачи, а целого ряда выявленных проблем, студенты получают определенный комплекс навыков, необходимых для творческой деятельности будущих профессионалов индустрии моды. Предложенная последовательность действий, направленных на достижения цели работы и решения поставленных задач, включает следующие позиции:

- изучение теоретического материала по заданной тематике, подбор цитируемых источников и их структуризация в табличную или схематическую формы. Для выполнения схем можно использовать программы Microsoft Office Word, Microsoft Office Excel, а также авторские арт-конструкты;

- выбор профессиональных научных терминов, подбор иллюстративного материала (визуального ряда эпохи);

- написание реферата, статьи или эссе на тему практической работы (выбор тематики определяется самим студентами из ряда предложенных);

– для наглядности теоретической части реферата и отработки профессиональных навыков следует выполнить авторские рисунки: эскизы исторических костюмов, зарисовки элементов одежды, аксессуаров, сосредоточив внимание на деталях, характерных для исследуемого периода и универсальных, проходящих сквозь время. Созданные эскизы оформляются: подбирается паспарту к графическим и колористическим работам; подписываются эскизы с пояснениями, что изображено на предложенных рисунках, проставляются временные рамки. Если к исследованию предлагается авторская коллекция, то её следует прокомментировать – дать название, рассказать концепцию, отметить новизну и значимость в контексте современной моды;

– результатом аналитического исследования исторической эпохи могут стать авторские коллекции моделей одежды, обуви, аксессуаров, разработанные на основе изученного материала;

– все полученные результаты практической работы представляются в виде презентации, содержащей до 20 слайдов (из расчёта 30 секунд на просмотр одного слайда).

Для оптимально-быстрого освоения темы рекомендуется опираться на предлагаемые в методических указаниях источники: литературу, имеющуюся в Научной библиотеке ЮЗГУ, видео, DVD материалы и другие информационные материалы, предоставляемые кафедрами.

Полученные знания, умения и владения используются студентами при выполнении научно-исследовательских работ, разработке коллекций моделей одежды для участия в конкурсах и внедрения в производства.

Тематика научных исследований определяется в соответствии с программой курса «История костюма и моды», циклом лекций, блоком практических и самостоятельных работ. Обучающимся предоставляется право выбора темы для выполнения исследовательских работ. В

процессе консультирования и оценивания преподавателю необходимо относиться к студенту как к социально зрелой личности, не ограничивая его возможности реализации личности, а усиливая их своей поддержкой, эмоциональной теплотой и уважением. Недопустимо негативную оценку результатов учебной деятельности студента переносить на оценку личности студента в целом, демонстрируя словами и мимикой, что он неумен, ленив, безответственен и т.п. Важно поддержать студента в его стремлении к достижению успехов, признания саморазвития профессионального или научного роста [7, с. 479].

Исследовательская работа по дисциплине «История костюма и моды» является одним из видов научно-исследовательской работы, смежной со всем циклом работ по конструкторским и технологическим дисциплинам и подготавливающей студентов к проектированию.

Приведём несколько вариантов тем научных исследований:

– «Научные исследования формы и конструкции исторического костюма: головных уборов, образцов ювелирного и текстильного искусства».

– «Изучение конструктивных, эргономических особенностей и концептуальных характеристик исторического костюма и их влияние на современные одежды».

– «Эргономика исторического и современного костюма (анализ и синтез формообразования)».

– «Раскрытие особенностей функционирования системы дизайнер – потребитель в историко-культурном аспекте».

– «Русский народный костюм юга России (эволюция форм крестьянской одежды в конце XIX – начале XX века жителей Курской губернии на основе изучения костюмов Фондов Курского областного краеведческого музея, Музея археологии Курской области, Курской государственной картинной галереи им. А. Дейнеки)».

Одним из составляющих отчёта является аспект изучения конструкции одежды и аксессуаров с подробным визуальным рядом, исследования декора и техник художественного оформления текстиля исторического костюма.

Интересным методом изучения или, точнее, погружения в искусство костюма и его создания может стать индивидуальная работа студентов по созданию / реконструкции макета исторического костюма. Реконструкция представляет собой сложный, комбинированный процесс исторического познания, в котором органично сочетаются как элементы воспроизведения, так и конструирования знания о прошлом.

Большинство систем конструирования сформировалось с развитием массового промышленного производства, изготовлением и продажей готового платья. Однако, что касается более раннего периода формирования исторического костюма, то здесь порой необходимо обратиться к методу «наколка», одному из старейших систем конструирования одежды. Например, при реконструкции исторического костюма Древней Греции, где основой является драпировка, применение данного метода – оптимальный выбор. Отличительной чертой эллинских одежд было отсутствие швов – жёстких конструкторских членений. Одежда делалась в основном из цельного куска ткани. Вариативность складок и их пластика стали прототипами драпировок современных нарядных платьев [8, с.132].

Примерный алгоритм выполнения макета исторического костюма на основе аутентичного кроя разбирается подробно вместе с обучающимся. Он опирается на целый ряд последовательных действий. Основополагающим является выбор стиля эпохи, ассортимента, гендерного акцента. Здесь важно, чтобы студент определился с выбором, костюм какого периода он бы хотел визуализировать в материале. Следует подобрать иллюстратив-

ный материал по теме, выбрать объект для исследования:

- мужской костюм эпохи (сословие, статус, традиционный костюм);
- женский костюм эпохи;
- детский костюм.

Если тема данной работы предполагает посещение музеев, историко-культурных комплексов, где представлен костюм, необходимо провести художественно-конструкторский анализ музейных образцов, экспонатов. Рекомендуем посещение музеев, выставок, картинной галереи с целью составления иллюстративной информационной базы.

После определения стиля костюма, сословия, его носившего, необходимо проанализировать дополнительные литературные, узкоспециальные источники и источники, находящиеся в открытом доступе, информационные ресурсы сети интернета. Следует написать эссе или реферат по выбранной тематике (до 15 страниц с иллюстрациями, схемами и чертежами), придерживаясь следующего плана:

- введение (цель и задачи рассматриваемой темы);
- анализ исторического периода;
- описание мужского/женского/детского костюма: иллюстрации костюма и его составляющих;
- выполнение выкройки и конструкции костюмов;
- описание текстильных материалов исследуемого стиля;
- рассмотрение специфики текстильного рисунка, декора, фактуры;
- сравнительный анализ моды и изучаемого исторического стиля сегодня;
- заключение (по теме и содержанию реферата);
- составление краткого словаря используемых терминов;
- подготовка списка литературы и источников цитирования.

Следующим этапом является выполнение зарисовок костюмов, фрагментов и элементов одежды, декора, фурнитуры, аксессуаров; эскизов архитектурных па-

мятников, отражающих художественный стиль исследуемой эпохи. Можно использовать фото- и видеосъёмку. Рекомендуем выполнить эскиз – копию базовой (выбранной) модели в цвете (фото источника поместить в текст или приложение реферата). Затем разработать технический рисунок модели костюма и выкройку платья. Значимым является подбор текстильных материалов, фурнитуры, аксессуаров: изготовление обуви, париков, характерных соответствующей эпохе.

В какой последовательности будет изготовлен костюм, не имеет принципиального значения. Можно начать с причёски, а можно – непосредственно с шитья одежды. Для эстетической подачи макета исторического костюма необходимо изготовить манекен (не менее 50 см в высоту или в натуральную величину) с подставкой или штативом. Выполняя работу, нужно все время сравнивать рисунок и получаемую модель и придерживаться соответствия. Если модель выполняется в натуральную величину, демонстрацию можно провести на манекенщике – демонстраторе одежды в виде дефиле с музыкальным сопровождением. К отчёту можно приложить видео или фоторепортаж. Данные методические аспекты раскрывают творческий и технологический потенциал обучающихся, активизируют их проектное мышление и профессиональное развитие. Практические навыки по выполнению эскизов исторического костюма, выполнению заданий в материале как на мини-манекенах, так и в натуральную величину помогают студентам выпускных курсах полнее представить образ создаваемых моделей и коллекций.

Во время выполнения практических занятий по дисциплине «История костюма и моды» студенты выполняют работы по уже известным им вопросам, после того, как преподавателем установлены закономерности и причинно-следственные связи и проведены необходимые демонстрации.

Выводы

Совместная с преподавателем исследовательская деятельность возможна лишь в ситуации, когда решается задача, ответ на которую не знает ни студент, ни преподаватель. В этих условиях задача превращается из учебной в реальную, научную или производственную проблему, что обогащает и усиливает «пул» мотивов, побуждающих творческую деятельность [9, с. 156].

Выполняя работы такого рода, студенты еще раз углубляются в изучение данного вопроса, охватывают его полнее и всесторонне. При рассмотрении некоторых тем выполнение практической работы имеет иной характер, когда в результате работы студенты подводятся к новым знаниям или самостоятельно их осваивают.

При самостоятельных работах применяется учебное / документальное кино, позволяющее демонстрировать объекты в движении, анализировать и осуществлять переход от конкретного восприятия действительности к абстрактному. Учебный фильм применяется как иллюстрация к изложению учебного материала, а также как средство самостоятельного изучения материала студентами.

Через историю костюма отражается сущность человека той или иной эпохи, в отличие от исторических документов, достаточно «сухо» констатирующих те или иные события и факты. Костюм – это своего рода проектор, на котором демонстрируются в зримой и яркой форме не только все аспекты социального, материального, технического уровня развития общества. Также костюм, который, являясь областью прикладного искусства, может раскрывать и воплощать в художественно убедительной форме достоверный социальный опыт, быть уникальным источником информации.

Интерес к искусству костюма все более возрастает, приобретает характер метапредметного исследования. В настоящее время костюм все чаще становится

объектом внимания и интересов не только истории искусства, культурологии, дизайна, но и физико-технических наук, в частности, технологических дисциплин. В связи с тем, что костюм стал предметом промышленного изготовления, возрастает потребность в усовершенствовании производства, а, следовательно, конструкции и технологии предметов костюма. Ведутся исследования и создаются машины и различное оборудование, находят применение компьютерная техника и т.п. Всё это важно для общества [10, с. 29].

Современный костюм стал многофункциональным, сама функция – многозначной. В последнее время в моде мы наблюдаем некую дисгармонию: большое

влияние улицы и нанотехнологии в производстве текстильных материалов, оригинальный крой и нешитые одежды. Это миксирование говорит о том, что происходит смена исторического стиля. Но мы не знаем, как долго она продлится. Сегодня в искусстве костюма происходят удивительные и кардинальные изменения, помогающие понимать эволюционные процессы, на которые обучающимся следует обратить внимание. Процесс изучения дисциплины «История костюма и моды» решает задачи не только узкопредметные, но и способствующие развитию художественной культуры студентов, их становлению как профессионалов в сфере дизайна и индустрии моды.

Список литературы

1. Будникова О.В. Искусство костюма: история и современность. Курск, 2013. 252 с.
2. Холландер Э. Пол и костюм. Эволюция современной одежды / пер с англ. Е Канищевой, Л. Сумм. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 178 с.
3. Звягинцева М.М. «Места памяти» как составляющая курского культурного контекста // Ценности и смыслы культуры: мир теорий и практик / отв. ред. В.Г Туркина. Белгород: БГИИК, 2014. 328 с.
4. Эстетика: словарь / под общ. ред. А.А. Беляева [и др.]. М.: Политиздат, 1989. 447 с.
5. Пармон Ф.М., Кондратенко Т.П. Рисунок и графика костюма. М.: Архитектура-С, 2005. 208 с.
6. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: ООО АСТ, 2003. 512 с.
7. Столяренко Л.Д. Педагогическая психология. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 544 с.
8. Будникова О.В., Колесникова Е.В. Развитие профессиональных качеств конструктора при освоении метода накладки ткани на манекен в рамках самостоятельной работы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 127-135.
9. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М.: Академия, 2001. 304 с.
10. Степучев Р.А. Основы теории костюмного языка (Понятийный аппарат). М.: РИО МГУДТ им. А.Н. Косыгина, 2002. 192 с.

References

1. Budnikova O.V. *Iskusstvo kostyuma: istoriya i sovremennost'* [The Art of Costume: History and modernity]. Kursk, 2013. 252 p.
2. Hollander E. *Pol i kostyum. Evolyuciya sovremennoj odezhdy* [Gender and costume. The evolution of modern clothing]; per s angl. E Kani-shchevoj, L. Summ. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 178 p.

3. Zvyaginceva M.M. "Mesta pamyati" kak sostavlyayushchaya kurskogo kul'turnogo konteksta ["Places of memory" as a component of the Kursk cultural context]. *Cennosti i smysly kul'tury: mir teorij i praktik* [Values and meanings of culture: the world of theories and practices]; ed. by V.G Turkina. Belgorod, 2014. 328 p.

4. *Estetika. Slovar'* [Dictionary]; ed. by A.A. Belyaeva eds. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 447 p.

5. Parmon F.M., Kondratenko T.P. *Risunok i grafika kostyuma* [Drawing and graphics of the costume]. Moscow, Arhitektura-S Publ., 2005. 208 p.

6. Kononenko B.I. *Bol'shoj tolkovyj slovar' po kul'turologii* [A large explanatory dictionary of cultural studies]. Moscow, OOO AST Publ., 2003. 512 p.

7. Stolyarenko L.D. *Pedagogicheskaya psihologiya* [Educational psychology]. Rostov n/D., Feniks Publ., 2003. 544 p.

8. Budnikova O.V., Kolesnikova E.V. Razvitie professional'nyh kachestv konstruktora pri osvoenii metoda nakolki tkani na maneken v ramkah samostoyatel'noj raboty [Development of professional qualities of a designer when mastering the method of tattooing fabric on a mannequin as part of independent work]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1 (30), pp. 127-135.

9. Smirnov S.D. *Pedagogika i psihologiya vysshego obrazovaniya: ot deyatel'nosti k lichnosti* [Pedagogy and Psychology of higher education: from activity to personality]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 304 p.

10. Stepuchev R.A. *Osnovy teorii kostyumnogo yazyka (Ponyatijnyj apparat)* [Fundamentals of the theory of costume language (Conceptual apparatus)]. Moscow: RIO MGUDT im. A.N. Kosygina Publ., 2002. 192 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Будникова Ольга Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры архитектуры, градостроительства и графики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: budnikovakursk30@yandex.ru

Olga V. Budnikova, Cand. of Sci. (Pedagogical), Associate professor, Associate Professor, Department of Architecture, Urban Planning and Graphics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: budnikovakursk30@yandex.ru

Колесникова Елена Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры дизайна и индустрии моды, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: elena-v-kolesnikova@yandex.ru

Elena V. Kolesnikova, Cand. of Sci. (Sociological), Associate Professor Associate Professor, Department of Design and Fashion Industry, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: elena-v-kolesnikova@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'23+81'38

Речевое воздействие имиджевой рекламы: некоторые лингвистические особенности рекламного текста**А. В. Анненкова** ¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: Antonina-1984@yandex.ru

Резюме

Статья посвящена исследованию особенностей речевого воздействия имиджевой рекламы. Значимость рекламной коммуникации в современном мире, как и необходимость более глубокого понимания механизмов речевого воздействия рекламы, а также языковых средств, применяемых при её создании, определили **актуальность** проведённого исследования.

Несмотря на большое количество научной литературы, посвящённой различным аспектам функционирования рекламы, недостаточно изученным остаётся вопрос интегрирования разрозненных знаний в комплексную модель, содержащую информацию как о механизмах речевого воздействия в рекламном тексте, так и о специфических выразительных средствах языка, используемых при создании рекламы, что стало **целью** исследования. В **задачи** исследования входило рассмотрение понятия речевого воздействия в рекламе с учётом специфики рекламной коммуникации, анализ модели когнитивно-психологического воздействия рекламного текста на индивида и её компонентов, а также исследование языковых особенностей рекламного текста и, в частности, применяемых в ней выразительных средств, направленных на интенсификацию самого процесса речевого воздействия.

Коммуникативное воздействие имиджевой рекламы, являющейся многоаспектным и многофакторным социально-психологическим феноменом, осуществляется посредством воздействия на знания и отношения индивида к объекту рекламы, определяя его предрасположенность к изменению потребительского поведения в отношении предмета рекламы. Кроме того, необходимо понимать, что комплексный характер речевого воздействия рекламного текста проявляется на всех уровнях – от фонемы / графемы до целого предложения, причём ведущая роль в речевом воздействии принадлежит взаимодействию когнитивных сфер и ассоциативным связям, формирующимся в индивидуальном лексиконе человека – адресата рекламы.

Анализ языкового материала имиджевой рекламы показал, что применяемые в рекламном тексте речевые и языковые выразительные средства активно используются для явного и/или скрытого воздействия на аудиторию, создавая и/или трансформируя ассоциативные связи и внутренние образы, стоящие за рекламным объектом в индивидуальном лексиконе индивида.

Ключевые слова: имиджевая реклама; восприятие; речевое воздействие; поликодовый текст; язык; выразительные средства.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Анненкова А. В. Речевое воздействие имиджевой рекламы: некоторые лингвистические особенности рекламного текста // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 2. С. 124-141.

Статья поступила в редакцию 21.04.2022

Статья подписана в печать 06.05.2022

Статья опубликована 30.06.2022

Linguistic Manipulation of Image Advertising: Some Linguistic Characteristics of Advertising Text

Antonina V. Annenkova¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: Antonina-1984@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the linguistic manipulation of image advertising. The importance of advertising communication, the need for deeper understanding of the mechanisms of speech influence and linguistic means used in advertising determine the **relevance**.

Despite the amount of scientific literature devoted to various aspects of advertising, the issue of integrating knowledge into a complex model containing information about both the mechanisms of linguistic manipulation and the specific expressive means of language remains insufficiently studied, which defines the **purpose**. The **objectives** are the consideration of the linguistic manipulation in advertising, analysis of the model of cognitive-psychological influence of advertising texts on an individual, as well as the study of the linguistic characteristics of advertising text and, in particular, expressive means, aimed at intensifying the process of linguistic manipulation.

The communicative influence of image advertising is carried out by influencing the knowledge and attitudes of an individual towards an object of advertising, determining their predisposition to change consumer behavior. In addition, the complex character of the linguistic manipulation of advertising text is developed at all levels from phoneme/grapheme to a sentence, and the leading role in the linguistic manipulation belongs to the interaction of cognitive spheres and associative connections formed in the individual lexicon of a person.

The analysis of image advertising texts shows that language expressive means used in advertising are actively used for explicit and/or latent influence on audience, creating and/or transforming associative connections and internal images of an advertising object in the individual lexicon.

Keywords: image advertising; perception; linguistic manipulation; polycode texts; language; expressive means.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Annenkova A. V. Linguistic Manipulation of Image Advertising: Some Linguistic Characteristics of Advertising Text. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2022, 12(1): 124–141 (In Russ.).

Received 21.04.2022

Accepted 06.05.2022

Published 30.06.2022

***

Введение

В настоящее время огромный интерес к рекламе как особому средству коммуникации определяется её постоянным зримым и незримым присутствием во всех сферах современного общества. Мировое сообщество предписывает всё новые требования и устанавливает свои новые стандарты в обществе и средствах массовой коммуникации, в которых «речь идёт о совершенно новом понимании сознания и мышления, поскольку сформировалось новое пространство и

новые условия для деятельности в новой цивилизации» [1, с. 26]. Будучи неотъемлемой частью социума, реклама становится культурным феноменом, ретранслятором этих новых идей и мнений.

Так, предметом нашего исследования является имиджевая реклама, под которой мы понимаем поликодовый текст, содержащий вербальные и визуальные компоненты, используемые как отдельно, так и совместно, дополненные графическими средствами, а также видео- и/или аудиорядами. Такое сочетание знаков

разных систем позволяет сформировать более полный образ носителя имиджа в когнитивном пространстве адресата [2, 3]. Взаимосвязанное использование кодов разных систем в одном тексте позволяет индивиду более успешно усвоить предъявляемую ему информацию, так как присутствие в тексте ярких стимулов вербального и невербального характера привлекает внимание к объекту рекламы.

Основной целью создания и распространения рекламных сообщений в средствах медиа и обществе является оказание воздействия на адресата путем изменения существующих в индивидуальном лексиконе представлений о носителе имиджа путём явной и/или имплицитной подачи информации. Реклама, будучи одним из наиболее эффективных направлений реализации коммуникационной политики по продвижению товаров и услуг, а также создания положительного имиджа, оказывает влияние посредством речевого воздействия, которое в случае трансляции рекламного сообщения характеризуется однонаправленностью при имплементации субъектно-объектной модели речевого общения. Воздействие рекламного сообщения на адресата (который может быть отдельным человеком, целевой группой или же обществом в целом) осуществляется непосредственно в процессе коммуникации и предполагает трансформацию его внутреннего состояния, имеющихся образов в индивидуальном лексиконе, а также поведенческой и когнитивной деятельности [4-6].

Мы согласны с мнением И.А. Стернина [7], согласно которому эффективное речевое воздействие считается таковым, только если оно даёт возможность адресату максимально полностью достичь поставленной им в процессе коммуникации цели, а также сохранить коммуникативный баланс с адресатом сообщения.

Принимая участие в речевом акте, как полагает О.С. Иссерс [8], каждый из коммуникантов ставит свои собственные неречевые цели, так или иначе влияющие

на собеседника и его деятельность. Необходимо понимать, что сообщение не может быть абсолютно «нейтральным»: любая коммуникация (как двунаправленная, так и однонаправленная) в итоге характеризуется влиянием на систему восприятия индивида, трансформацией его образа мира [9-15]. Таким образом, речевое воздействие можно описать как «совокупность процедур над моделями мира <...> участников ситуации общения» (цит. по: [8, с. 25]), приводящих к последующей трансляции полученных коммуникантами знаний и информации другим представителям социума.

Кроме того, Власян Г.Р. считает, что под речевым воздействием необходимо понимать «использование особенностей устройства и функционирования» систем естественного языка и паралингвистических семиотических систем (метаграфема, визуально-ритмические ряды) «с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на адресата» [16, с. 31]. Важно понимать, что при реализации речевого воздействия в первую очередь учитываются его неречевые задачи.

Аналогичное мнение высказывалось и в работе Е.Г. Гришечко [17], которая рассматривала язык как средство общения, необходимое не только для передачи информации, но и для осуществления воздействия на последующих участников коммуникации, ведь «языки могут действительно иметь важное влияние на то, во что люди верят, и что они будут делать» (цит. по: [17, с. 54-55]), именно поэтому мы считаем, что передача вербализованных сообщений в рамках рекламной коммуникации является, в первую очередь, средством достижения конечной цели рекламной деятельности, состоящей в управлении деятельностью адресата целевой группы, изменении его образа мыслей и, в итоге, потребительского поведения. Таким образом, цель рекламной коммуникации состоит не только в том,

«чтобы выразить мысль, но также, чтобы подействовать на других» [17, с. 55].

Для анализа языкового материала нами применяются методики, широко используемые в отечественной лингвистической науке и дающие возможность всесторонне оценить как сами языковые единицы, так и смыслы, заложенные в них, а также специфику их внедрения для оказания речевого воздействия на индивида. Для анализа отдельных языковых единиц и их содержательной составляющей использовались методы дефиниционного и контекстуального методов анализа, позволившие выделить значение используемых в рекламном тексте единиц в контексте. Функционально-коммуникативный метод был применён для исследования закономерностей функционирования речевых единиц в рекламной коммуникации для достижения поставленных неязыковых задач. При анализе языкового материала рекламы и анализа абстрактных синтаксических единиц и фактов немаловажная роль принадлежит и интроспективному методу, который опирается на факты (как абстрактные, так и конкретные), кроме того, данный метод позволяет провести анализ мыслей, образов, чувств, актов мышления, являющихся элементами мыслительной деятельность адресата/адресанта, участвующих в процессе рекламной коммуникации. Комплексное использование методик анализа данных позволит с разных сторон взглянуть на языковые и неязыковые элементы, их взаимосвязь в тексте рекламы, а также проанализировать и изменения в структуре текста, которые использовались автором рекламного сообщения с целью оказать влияние на его адресата.

Результаты и обсуждение

Манипулирование образами, формируемыми и хранящимися в индивидуальном лексиконе, можно реализовывать, применяя разные приемы, методы и средства, в том числе, и языковые, являющиеся неотъемлемой частью речевого воз-

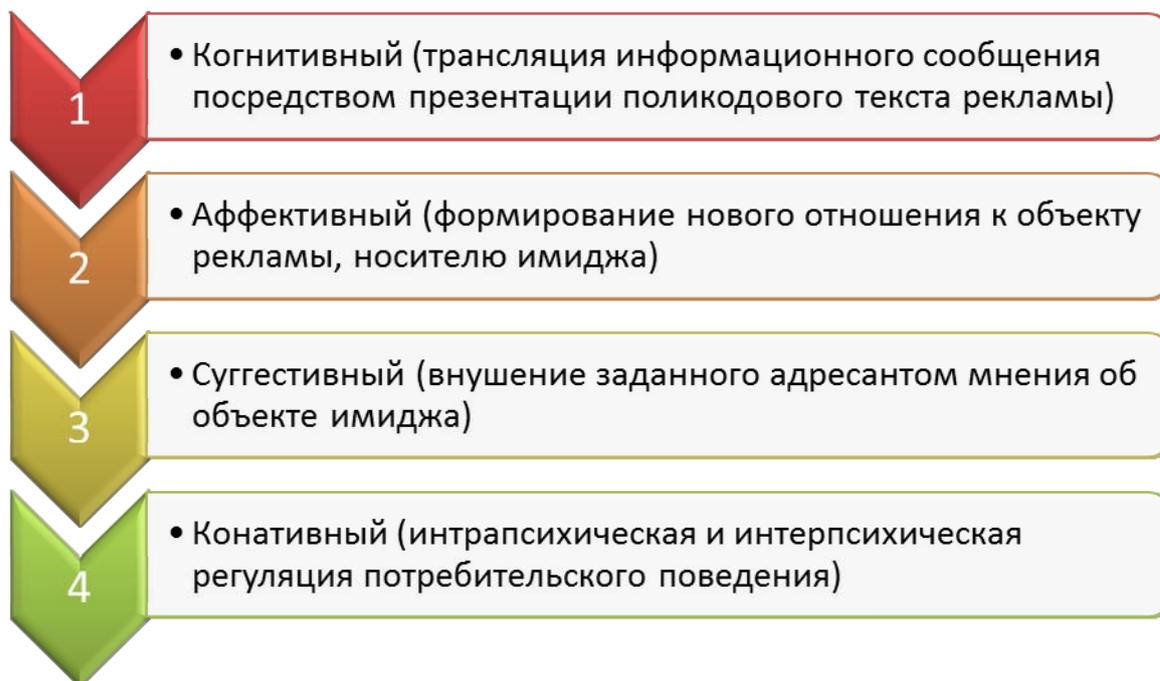
действия, которое, как было отмечено выше, есть общение с точки зрения его целенаправленности и мотивационно-социальной детерминированности. В.Е. Чернявская полагает, что речевое воздействие обычно направлено «на неявное, скрытое побуждение адресата к совершению определенных действий; как скрытое внедрение в его сознание желаний, отношений, установок, служащих осуществлению интересов отправителя сообщения, которые не обязательно совпадают с интересами адресата», а цель такого речевого воздействия – «склонить манипулируемое лицо (адресата) к тому, чтобы принять определенные высказывания за истинные без учёта всех аргументов» (цит. по: [18, с. 387-388]). Кроме того, любое вербализированное сообщение «неотъемлемо связано с аспектом воздействия и внушения» [19, с. 7] и вследствие этого может рассматриваться как средство для воздействия «на психику и сознание реципиента с целью изменения его в желаемом для автора текста направлении» [19, с. 7; 20, с. 131].

Таким образом, речевое воздействие в рамках рекламной коммуникации ориентировано на первичную передачу информационных данных о товаре, услуге, объекте имиджа, его качестве и важных, по мнению адресанта, характеристиках, которые могут оказать когнитивное и психологическое воздействие на индивида, воспринимающего рекламный текст. Если говорить о психологическом воздействии рекламы, то оно направлено также на формирование особой социально-психологической установки, иными словами, внутренней готовности индивида к определенным (запрограммированным в рекламном сообщении) действиям.

Мы согласны с идеями А.А. Петровской [21] и полагаем, что когнитивно-психологическое воздействие поликодового текста имиджевой рекламы можно представить в виде четырёхуровневой модели (рис. 1), отражающей последовательный и взаимосвязанный процесс

трансформации не только внутренних образов в индивидуальном лексиконе ад-

ресата, но и латентное программирование желаемого поведенческого поведения.

Рис. 1. Модель когнитивно-психологического воздействия рекламных текстов на индивида (по А. А. Петровской)

Fig. 1. Model of cognitive-psychological influence of advertising texts on a person (after A. A. Petrovskaya)

Инструментами реализации когнитивно-психологической модели воздействия рекламы, в частности, речевого воздействия поликодового текста имиджевой рекламы, является применение аргументированных высказываний, логической доказательной базы, применение выразительных языковых и неязыковых средств, направленных на формирование положительных ассоциаций в индивидуальном лексиконе респондента [2-6, 9, 10, 14, 15].

Основная идея когнитивного воздействия рекламного текста (см. рис. 1) определяется в трансляции заданного адресантом объема информации, которая предоставляет адресату сообщения данные о товаре, услуге, имидже, факторах, характеризующих объект рекламы, способах улучшения качества жизни от использования товара, услуги и др. На втором уровне – уровне аффективного воздействия – полученная адресатом инфор-

мация воспринимается, анализируется, перерабатывается и трансформируется в видоизмененную систему мотивов, оценок и установок по отношению к объекту рекламы. Суггестивный этап воздействия рекламы предполагает активизацию уже более глубоких процессов, включающих как осознаваемые, так и бессознательные психические элементы, активизирующиеся при усвоении латентно подаваемой информации. Чтобы перейти на конативный уровень модели, речевое воздействие рекламы должно привести к «подталкиванию» адресата к изменению интрапсихического и интерпсихического потребительского поведения, то есть индивид, будучи членом таргетированной группы, должен быть убежден в необходимости, уникальности или важности объекта рекламы, то есть должна быть сильная уверенность в этом, полученная в результате логических умозаключений, опоре на факты или фоновые знания, за-

пускаемые рекламным текстом. Таким образом, результатом когнитивно-психологического воздействия рекламы будет являться триггерирование адресата рекламного сообщения к желаемому для адресанта действию, то есть создание в индивидуальном лексиконе адресата положительного имиджа, приводящего к покупке товара, услуги, то есть физического выражения ожидаемого действия.

При восприятии образов, транслируемых в рекламном тексте, в сознании индивида запускается механизм непосредственной интерпретации явлений, событий и/или предметов окружающей действительности на основе чувственного познания. Формирование внутренних образов объекта рекламы в индивидуальном лексиконе происходит на основе существующих у него концептуальных структур, объективных связей и отношений между образами, существующими в сознании, и воспринимаемыми явлениями, событиями и/или предметами объективной действительности, что в итоге становится перцептивным опытом индивида. Как отмечается в работе А.В. Кинцель, «в норме контролируется (актуально осознается) основной смысл речевого сообщения. Однако если он является стереотипным, привычным, тогда он просто узнаётся, без достаточного осознания» [22, с. 152].

Достижение указанного эффекта, как было отмечено выше, напрямую зависит от применяемых создателем рекламы инструментов, включающих механизмы речевого воздействия на адресата имиджевой рекламы. Восприятие образов, создаваемых рекламным текстом, осуществляется на основе когнитивного механизма метафоризации, в результате реализации которого происходит трансформация существующих в индивидуальном лексиконе адресата дефиниций, транслируемых в имиджевом рекламном тексте, что инспирирует индивида на программируемые действия. «Метафоризация возникает при объединении двух подобных или

имеющих высокую степень подобия событийных структур, представляющих два вида перцептивного опыта индивида» [23, с. 306], то есть, в данном случае, уже осмысленного, концептуализированного опыта и опыта, нуждающегося в последующей концептуализации. Кроме того, «при распознавании в результате метафоризации происходит идентификация выражения как метафоры и его понимание, подразумевающее создание её смысла» [24, с. 26-27], а «между пониманием обычных и метафорических высказываний не существует принципиальной разницы и <...> метафоры могут оцениваться как осмысленные фразы даже быстрее, чем буквальное выражение» (цит. по: [24, с. 27]). Таким образом, речевое воздействие на адресата есть результат имплементации когнитивного процесса метафоризации с целью трансформации существующих в его индивидуальном лексиконе образов и стереотипов, побуждение к акцепции «особой версии» окружающей его действительности.

В современной имиджевой рекламе широко используются изобразительно-выразительные средства, направленные на привлечение внимания целевой аудитории. Если говорить о вербальном компоненте рекламного сообщения (без учёта невербального компонента поликодового текста имиджевой рекламы), то такие средства могут быть как исключительно вербальными, так и с привлечением некоторых элементов графематики, но в составе вербализованного текста. Нами было выделено несколько основных типов выразительности, широко применяемых в современной рекламе:

1. Односоставные предложения, упрощающие процесс восприятия текста имиджевой рекламы за счёт снижения громоздкости вербализованных конструкций, а также краткости и абстрактности предъявляемой информации, что в итоге делает текст рекламы простым, понятным и в большинстве случаев стилистически нейтрально окрашенным: «сила абстракт-

ции пробуждает в человеке воображение», а «создаваемая и исследуемая «ткань языка» <...> способствует постижению самих вещей» [25, с. 25-26]. В качестве примера можно привести следующие рекламные тексты, *Доставляем лекарства за 2 часа; Нежное лакомство по рецептуре «ПТИЧЬЕ МОЛОКО»; Запчасти на грейдер ДЗ-98 (ДЗ-98В) в наличии. Доставим в любую точку России. Низкая цена. Звоните!; Есть л/а? Приходи в такси, 4 500 руб./смена; Отдых с пользой для здоровья – банный комплекс EVO*, в которых информация предьявляется лаконично, тезисно и при необходимости она может быть детализирована адресатом по его запросу.

В плане художественного назначения односоставных предложений, использующихся в рекламном тексте, существенны такие их черты, как «образность, яркость, выразительность, краткость и точность при минимальном использовании языковых средств» [26, с. 199]. Кроме того, односоставные предложения «создают эмоционально-экспрессивную окраску с целью воздействия на читателя и проявления личного отношения автора к предмету речи» [26, с. 195]. Использование односоставных предложений позволяет придать сообщению характер сентенции, акцентирующей внимание на действие, побуждающей участников рекламной коммуникации, в частности, адресатов сообщения, к участию в «разговоре», формируя в его индивидуальном лексиконе чувственно-конкретный образ транслируемого в рекламном сообщении объекта рекламы.

2. Перечисления, объединяющие группы константных и взаимосвязанных понятий в единое целое, что даёт возможность лаконично отразить большое число возможных вариантов, например,

а) Устанавливаем окна быстро как кролики:

- бесплатное сервисное обслуживание

- гарантия от трех лет!

- срок изготовления 1 неделя;

б) Надёжность, эксклюзивность, разумная цена! Всё что необходимо для мебели хита!

в) Модульный ремонт;

Замена дисплеев;

Ремонт плат, контроллеров;

Замена разъёмов;

Замена корпусов, кнопок;

Замена шлейфов;

Ремонт микрофонов, динамиков, камер;

Восстановление после некомпетентного ремонта;

Восстановление телефона после попадания влаги, чистка;

Полный программный ремонт.

Ремонт iPhone/iPad

Запчасти в наличии и под заказ.

Ремонт iPhone

3. Чередование прописных и строчных букв в пределах одного слова, словосочетания или целого предложения применяется для аттракции внимания к выделенной вербальной конструкции. Помимо этого подобный графический приём может использоваться и для придания большей значимости одной букве в слове или комбинации букв, например в рекламном тексте автомобилей марки РИО концерна КИА *НЕвест много, а пРИОритет у нас* авторами выделяются части слов *НЕ* в *невеста* и *РИО* в *приоритет*, показывая, что машин разных марок, включая и машину Веста концерна ЛАДА много, но приоритет стоит отдать именно модели РИО. Еще примером может служить текст *Время варить МЕТалл. Сварочные аппараты, МАСКИ, электроды*, где выделенная часть *МЕТ* в слове *металл* является отсылкой к популярному телесериалу «Во вся тяжкие» (*Breaking Bad*), в котором главный герой варил *МЕТ* (метамфетамин). Несмотря на то, что рекламируемый процесс сварки металла и продаваемое оборудование, необходимое для этого, не имеют ничего общего с сериалом и веществом, которое там варят, авторами была выбрана стра-

тегия привлечения внимания группы, являющейся поклонниками сериала, у которых предложение «*время варить МЕТ*» формирует ассоциации с главными героями сериала и возможностью хорошо заработать и стать популярным.

Ещё в качестве примера можно привести следующие вербализованные конструкции, такие как *ГРАНЕЛЬ. Главный по квартирам. Ваша Ж* может стать шире! *Жилплощадь; ПОСМОТРИ ПО СТОРОНАМ, И ВЫБИРАЙ НЕВЕСТУ САМ. NISSAN; МОЛОКО в большом городе; наш КРЕПЁЖ не подведёт; Мы знаем, где ВЫ ПЕРЕПЛАТИЛИ! Поэтому отдаём вам пакет Лайми 3 в 1. Три услуги по цене одной.* Так, в рекламном тексте, предлагающем купить новую квартиру – *ГРАНЕЛЬ. Главный по квартирам. Ваша Ж* может стать шире! *Жилплощадь* – автором обособлена буква Ж и впоследствии дается её расшифровка гораздо более мелким шрифтом – *Жилплощадь*, но в рамках большого билборда такое контекстуальное решение застройщика жилого комплекса несёт двусмысленность и является негативно окрашенным, что, несмотря на некую необычность, отталкивает адресата.

4. Использование пунктуационно-графического оформления текста, в том числе восклицательных, вопросительных знаков, многоточия, которые часто употребляются в неполных предложениях для привлечения дополнительного внимания к вербальной информации, акцентировки на некоторую определённую идею, мысль, важную для автора рекламного текста. Любая лексическая единица характеризуется эмоционально-окрашенным значением, отношением, переживанием [4-6, 27, 28, 29], но «эмоционально-чувственное значение слова не всегда вербализуется» [30, с. 159] и этот момент необходимо учитывать в рамках рекламной коммуникации, когда процесс «общения» осуществляется опосредованно в письменной форме. Кроме того, «перцептивный образ может быть

отделен от ситуации непосредственного восприятия, <...> но является неотъемлемой частью психологической структуры значения слова» [30, с. 159]. Следовательно, грамотное применение технико-пунктуационных правил помогает адресанту в вербализованном виде выражать эмоции, чувства, латентно задавать желаемые установки.

Использование многоточий, например, свидетельствует о незаконченности высказывания, давая читателю пищу для размышлений, включая механизмы додумывания, спонтанной или творческой фантазии. В качестве примера можно привести рекламный слоган *Будь мужиком, смени пол!... а также обои и двери,* в котором многоточия придают многозначность тексту: читателю предлагается вначале самому решить, какой же «пол» мужчина может сменить и что ещё может подвергнуться трансформации, но затем вносится ясность и становится понятно, что речь идёт всего лишь о ремонте. В предложении *Вы просто ох... когда мы откроемся* адресантом не полностью приводится слово, начинающееся на «ох», поэтому адресат может сам добавить окончание в соответствии со своими фоновыми знаниями: *охните* или же слова из ненормативной лексики. Такая реклама определённо привлечёт внимание целевой аудитории, которой будет интересно, что же случится при открытии ООО «Диметра», но в то же время такие слоганы являются противозаконными, создают ассоциации с бранными словами (случай обценнизма) и, соответственно, относятся к ненормативной лексике. Аналогичны и следующие примеры рекламных слоганов – *Наши кресла из «Европы», колыбель для Вашей ...; Лаки, краски и клея – их на базе до ...!; Евросеть. Цены просто ОХ...Б,* привлекающие внимание адресатов, но противоречащие законодательству и нормам русского литературного языка.

Восклицательные и вопросительные пунктуационные знаки маркируют эмо-

циональность высказывания, добавляют экспрессивности, а также приближают адресата рекламного сообщения к состоянию аффекта. Так, восклицательный знак, являющийся интонационно-экспрессивным знаком препинания, используется для выражения изумления, радостного возбуждения, латентного призыва к действию, например, *Без платья – никуда! Марry те. Свадебные и вечерние платья; Приезжай в Выходной! Торговый центр Выходной; А Я УЖЕ ДОМА! Можно по рублевке, по ильинке, по новой риге. Элитный клубный поселок Rubin Estate; УСПЕЙ В АВГУСТЕ! ЦЕНЫ ВЫГОДНЕЕ СЕЙЧАС! Федеральная сеть фитнес-клубов; Охота, КОГДА ВСЕ ОХОТА! Гипербола Гипермаркет; Мой муж пьёт, но я за него спокойна! Аквафор фильтры для воды.* Подобные рекламные тексты с восклицанием в первой части вначале привлекают адресата, акцентируют его внимание на предлагаемом товаре/услуге, а затем уже дают дополнительную информацию, расширяют предложение, зачастую с использованием односоставных предложений в повествовательной форме.

Вопросительный знак выражает сомнение, вопрос, но может применяться и для отражения неясности, удивления, непонимания, сомнения, апеллируя к любопытству, заинтересовывая адресата на поиск ответа, заданного вопросительным предложением в тексте рекламы. Например, рекламные сообщения *Ищите инструмент по низким ценам? Вам в Леруа Мерлен!; Нужны запчасти и сервис? Все дороги ведут в Маршал; Пообедаем вместе? Бизнес-ланч за 20 минут или за наш счет задают адресату вопрос, «включая» в процесс восприятия чувство любопытства и провоцируя его на поиск решения, которое «предусмотрительный» адресант ему предлагает в рекламном тексте.*

Ещё одним примером употребления вопросительного и восклицательного знаков являются слоганы, апеллирующие к изменению не потребительского поведения, а к трансформации внутренних цен-

ностных установок и норм поведения, например, *Курить в присутствии ребёнка – ещё большая пытка для него. Всё равно?; Природа это не переварит. Всё равно?; А вы уверены, что ваши дети сейчас в школе?; Наркотики? Жду...; Люби свой город. Не мусори!; Алкоголь и дорога несовместимы!; Страшно идти домой?.* Так, заложенный в тексте смысловой социально-культурный посыл реализуется автором путём употребления вопросительного или восклицательного предложения, побуждающего автора задуматься и, в итоге, запустить процесс трансформации внутренних социокультурных установок.

5. Употребление субстандартной лексики (просторечие, сниженная лексика, диалекты, сленг и жаргон), которая отличается от общепринятого литературного языкового стандарта. Подобный приём даёт адресанту возможность непосредственно обратиться к определённой социокультурному общественному классу [31], что создаёт некий эффект соучастия автора рекламного текста и таргетированной группы. Субстандартная лексика характеризуется практически полным отсутствием правил на уровнях грамматики, морфологии, стилистики, являясь особой коммуникативной сферой разговорно-фамильярной речи, придающей ей выразительность, граничащую с вульгарностью, например, *Если что-то кое-где у вас порой... значит это – геморрой!; Ни одного дупла. Мой стоматолог; ОТСОСЕМ. Всю пыль в доме. ПЫЛЕСОС Клининговая компания; Закопай тещу в песок за 399\$. Турция, Эмираты, Египет; Не буду ломаться как твоя бывшая. Chery. Zotye. Ravon. Lifan. Fav.* В приведённых примерах субстандартная лексика вводится опосредованно и завуалировано: использованные в рекламе слова, например, *дупло, геморрой, отсосать, закопай, ломаться, бывшая,* не являются истинно нецензурными, но в контексте изменяют своё значение, переходя в разряд не литературных. Ещё одним вариан-

том такой завуалированной подачи информации является составление нецензурных слов из ассоциативного созвучия букв, например, *Опт твою мать, вот это цены!; Хочешь сосну?! или лиственницу? Брусок 30x40x3м 49р/шт. Вагонка от 2м. 199р/м²; Ах уехал ваш автобус? Такси Сатурн; Лежи и Худей. Криолиполиз.*

Субстандартная лексика в рекламе может включать и явное использование нецензурной лексики, причём тут можно выделить несколько вариантов: 1) непосредственно открытое использование ненормативного слова, например, *Бросил за стекло окуроч – знай: ты чмо и полудуроч;* 2) написание нецензурного слова так, что оно содержит пропуск, зачёркнуто или же соседние буквы поменяны местами, например, *Звони. И она сделает тебе классн~~ый~~ую рекламу (м~~ы~~нет). Световые короба, неон, вывески; Каждый занимается своим делом. Наша работа – защищать ваш компьютер от всякого гонва* Kasperskiy (*вы нас правильно поняли); Конец света, все обо*рутся! Nuggies; Конец света... Ну и пох*уй. Новопассит; ОБАНА! ЦЕНЫ СНИЖЕНЫ! НА МЕБЕЛЬ; ЕДАЛ ТАКОЕ? Burger King;* 3) выбор слова, которое не является нецензурным, однако носит крайне разговорный характер, например, *Все будет охрюнительно! Уникальное предложение к новому году; Толчок для размышлений. Сантехцентр; Свежатинки захотелось? Мясье. Колбасы и деликатесы; Бройлер натурал отморозок. Без гормонов и стероидов. Нова-Тор гипермаркет; Попробуй маминых люлей*! *люля кебаб от 149 рублей.*

Необходимо помнить, что злоупотребление субстандартной лексикой, в частности нецензурной речью, может привести к обратному эффекту: оттолкнуть читателя, стать «отправной точкой» при формировании негативного отношения к объекту имиджевой рекламы.

6. Использование культурно-обусловленных прецедентных феноменов, имён, цитат, высказываний, ситуаций,

образов, составляющих коллективную культурную память общества. Прецедентные феномены, активно применяемые в поликодовых текстах имиджевой рекламы, являются неким фактом, обладающим образцовостью и императивностью [32]. Прецедентный текст рассматривается как комплексный законченный продукт речемыслительной деятельности, характеризующийся значением и смыслом, который «хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества» [33] и апелляция к которому в процессе коммуникации представляется «через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена» [33]. Подобные «прецедентные феномены выполняют роль эталона культуры и выступают как символ какого-либо феномена или ситуации» [34, с. 170-171]. Обращение к прецедентным феноменам в имиджевой рекламе запускается использованием «некоего индикатора – намека, отсылки, признака, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения какие-нибудь его детали» [35, с. 73-74]. Так, например, в имиджевом рекламном тексте Свердловского СКБ-банка используется фраза из кинофильма «Бриллиантовая рука» *Цигель-Цигель, ай лю-лю! Кредит оформлен! СКБ-Банк* и фотоизображение героя Андрея Миронова Геши, что, как отмечается руководством соответствующей кредитной организации, должно привлечь к банку внимание представителей разных социальных групп [36], но в то же время, использование «образа “замечательного, выдающегося, любимого многими поколениями граждан нашей страны” актёра Андрея Миронова» может оскорбить целевую аудиторию [37]. Ещё в качестве примера можно привести такие слоганы, как *Худеть не вредно – вредно не худеть! Только для тех, кто хочет похудеть и не поправляться никогда! Пора худеть!.* Слоган созвучен со всеми известной фразы – Мечтать не

вредно, вредно не мечтать, фраза, первоисточником которой стал афоризм «Жить вредно. От этого Надо мечтать!» Станислава Ежи Леца. Таким способом авторами рекламного текста формируется образ о счастливом, здоровом будущем похуdivшего человека, стать которым адресату, несомненно, помогут в рекламируемой организации, ведь «Худеть, как и мечтать, – не вредно!». В слогане *Я тебе, конечно, верю! Кредиты Сбербанка без залога и поручителей* авторами рекламы взято название песни «Я тебе, конечно, верю» Игоря Кохановского, впервые прозвучавшего в детской киноленте «Большое космическое путешествие» в 1974 году. Использование всем известной фразы, слыша которую в индивидуальном лексиконе адресата запускается механизм формирования образа, характерными чертами которого являются вера в чудеса, умение ценить слова и верить в их силу, позволяет ассоциировать данный фоновый образ с рекламируемым банком и его услугами, ведь «Разве могут быть сомнения» в его честности? Ещё в качестве примеров употребления прецедентных феноменов в рекламе можно привести следующие тексты, такие как *БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ? АЛТАЙ без НАРКОТИКОВ; Невероятно, но факт. Passat по сногшибательным ценам; Старый друг лучше! БУЛГАРТАБАК; Счастливые – аивачасов не наблюдают! URAL AIRLINES; ФЕДЯ, ДИЧЬ! ТЫ УХУ ЕЛ? Ресторан ШАРИКOFF; У тебя теперь есть друг, Преданный и верный, Без него ты как без рук, Если откровенно! СКБ БАНК*, основная цель которых, как отмечалось выше, состоит в ассоциировании и последующей консолидации образов, созданных ранее в индивидуальном лексиконе адресатов рекламы, с образами объектов имиджевой рекламы.

7. Использование рифмованных фраз и предложений в рекламном тексте является одним из способов языкового кодирования, позволяющим адресату сообщения надолго запомнить рифмован-

ную фразу и, соответственно, объект имиджевой рекламы, который легко будет активизироваться в индивидуальном лексиконе респондента при «столкновении» с используемыми в рекламе рифмованными фразами. Необходимо также понимать, что подобный приём воздействия на индивида определяется стремлением адресанта сделать вербализованное сообщение более наглядным, активизировать познавательную деятельность, раскрыть творческий потенциал целевой аудитории, которая, проецируя рифмованные фразы рекламы, создаёт в своём индивидуальном лексиконе устойчивые образы объекта рекламы, что в последующем может латентно влиять на потребительское поведение. Например, такие рекламные тексты, как *Запомнить сложно цифры ваши. Скачайте просто Uber Russia; Очкуешь, товарищ? С наличкой тревожно? Сделай же вклад в банке надёжном! СКБ БАНК; Снимаешь жильё? Купи своё!; Ё-моё! своё жильё! НОВО МОЛОКОВО. КВАРТИРЫ 5км от МКАД; Секрет успеха? Диплом «Политех»!; Что бы ни происходило вокруг, кредит за 10 минут*, в которых авторами используется такой художественный приём выразительности, как рифма, позволяет рассматривать рекламу как произведение искусства, часть литературного мира, элемент творчества, который лучше запоминается и о котором хочется рассказать. В рекламной кампании жилого комплекса «Дом на Киевской» использовался приём рифмовки, построенный на игре слов, иной интерпретации всем известных пословиц и крылатых выражений: *На Киевской поселиться – молодой семье веселиться!; Молодой и энергичный? Для тебя есть дом отличный!; Можно и за КАДом, но лучше с центром рядом!; В чистом поле хорошо, а на Московском лучше!*, которые привлекают внимание индивида своей креативностью, позитивностью и продвижением активной жизненной позиции, узнаваемыми образами и знакомыми фразами.

8. Интеграция в русскоязычное рекламное сообщение лексических единиц и знаков других языковых систем (например, латиницы, кириллицы, глаголицы и др.). А.А. Леонтьевым такой приём был назван «переключение языковых кодов» («codeswitching») [38], он подразумевает симбиоз двух текстовых систем: текстового образования на одном (ведущем) языке, построенном по правилам этого языка, с иноязычными вкраплениями [38] «для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учёности, иногда – оттенка комичности или иронии» [39, с.63]. Подобный языковой приём служит одним из вариантов повышения выразительности вербализованного рекламного сообщения, усиливая интернациональность, достоверность или современность предъявляемой информации. Кроме того, иноязычные вкрапления непосредственно направлены на имплементацию выразительной и побудительной функции языка рекламы, для выделения коммуникативно-значимых элементов рекламного сообщения, например, *Устал в JOBывать за копейки? Достойная оплата труда*, где для ведущего слова слогана используется синтез двух языков – английского и русского – английское слово *job* (*работа*) в рекламном сообщении употреблено как глагол, но по правилам русского языка *JOBывать*. Аналогичная ситуация наблюдается и в следующих примерах, *VIP'ить. Магазин Алкогольной продукции; Reebok. Reeформа. Энергетик для ваших ног*, где также применён синтез двух языковых структур – *VIP'ить* и *Reeформа*, но, в отличие от первого примера со словом *JOBывать*, в данном случае для создания желаемого эффекта выбраны англоязычные конструкции не по смысловому значению, а по фонетическому звучанию. Так, слово *VIP'ить* русскоязычным респондентом воспринимается как слово *выпить*, что соответствует специфике организации, а слово *Reeфор-*

ма – воспринимаемое как слово *реформа*, отражает появление чего-то нового, инновационного, что принесёт изменения в жизни, занятие спортом, увеличение энергии, но только если респондент выберет форму *Reebok*.

Выводы

Таким образом, имиджевая реклама, представляющая собой особую форму речевой коммуникативной ситуации, предполагает реализацию базисных правил речевого поведения и, как считает Г.П. Грайс, отражают то, что «коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель этого диалога» [40, с. 221], т.е. при трансляции рекламного сообщения должна быть поставлена цель, которая одинаково понятна абсолютно всем участникам процесса коммуникации: и адресанту и адресату. Кроме того, необходимо помнить, что ещё одной немаловажной спецификой функционирования имиджевой рекламы и образов, создаваемых ей, становится тот факт, что в современном информационном мире при передаче рекламной информации и запрограммированной в ней модели потребительского поведения задействуются все доступные адресанту информационные каналы. Это оказывает непосредственное влияние на трансформацию выгодных создателю рекламы «стандартов жизни», органично встраивая имиджевую рекламу и все элементы рекламной коммуникации в повседневную жизнь и все происходящие в обществе социокультурные процессы.

Как нами было определено, процесс воздействия текста имиджевой рекламы реализуется на основе применения средств выразительности, направленных на увеличение уровня и степени заинтересованности адресатом в рекламном сообщении и, в результате этого, интенсификации самого процесса внушения, затрагивающего глубинные мыслительные процессы и трансформирующего внут-

ренные образы, как стоящие за объектом рекламы, так и сформированные в индивидуальном лексиконе респондента.

Таким образом, основная цель имиджевой рекламы состоит в передаче закодированной информации для трансформации образа мысли адресата, его отношения к объекту рекламы и, соответственно, модели потребительского отношения по отношению к данному объекту. Важно отметить, что на основании проанализированных текстов имиджевой рекламы, функционирующих в современ-

ных СМИ, нами были определены лексические особенности текстов имиджевой рекламы, которые, являясь неотъемлемой частью национального языка и создаваясь по правилам данного языка, всё же обладают своими уникальными чертами и признаками, и грамотное использование которых приводит к явному и/или латентному воздействию на целевую аудиторию, формируя новые ассоциативные связи и видоизменяя образы, стоящие за объектом рекламы в индивидуальном лексиконе адресата.

Список литературы

1. Андреева О.А. Текст как «ТЕСИС» от античности до современности // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сб. науч. ст. VI Межд. науч.-практ. конф. Курск, 2016. С. 22-28.
2. Анненкова А.В. Специфика функционирования образов имиджевой рекламы в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2018. 229 с.
3. Зубкова О.С., Анненкова А.В. Специфика функционирования образов имиджевой рекламы в индивидуальном лексиконе. Курск, 2017. 242 с.
4. Анненкова А.В. Вербальные и визуальные коды социальной рекламы: опыт экспериментального исследования // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2(30). С. 117-122.
5. Анненкова А.В. Специфика формирования виртуальных образов в имиджевой рекламе // Теория и практика языковой коммуникации: VII Межд. науч.-метод. конф. Уфа: УГАТУ, 2015. С. 16-20.
6. Анненкова А.В. Особенности восприятия образной составляющей имиджевой рекламы (некоторые результаты ассоциативного эксперимента) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7. № 3(24). С. 58-66.
7. Стернин И.А. Речевое воздействие как теоретическая и прикладная наука // Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Воронеж: Истоки, 2008. С. 238-353.
8. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
9. Анненкова А.В. Специфика контекста имиджевой рекламы // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2014. № 2(16). С. 9-14.
10. Анненкова А.В. Особенности языка имиджевой рекламы // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 1(20). С. 1-9.
11. Tanygina E.A. The Inner Image of Russian Color Term черный (Black) (Experimental Study) // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences" (CILDIAH 2019). 2019. Vol. 69 (2019). URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900117/>
12. Таныгина Е.А. Образ цветообозначения желтый в сознании носителей русской культуры (экспериментальное исследование) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 3. С. 99-113.

13. Таныгина Е.А., Никитенкова Т.С. Образ университета, стоящий за словами образование, ВУЗ, университет в сознании современных студентов // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». 2020. № 4 (67). С. 87-97.
14. Анненкова А. В. Специфика проксонимических признаков в текстах имиджевой рекламы (на материалах рекламы региональных вузов) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2015. № 2(15). С. 16-21.
15. Анненкова А. В. К вопросу о восприятии образной составляющей поликодового текста имиджевой рекламы: гендерный фактор (экспериментальное исследование) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 2(31). С. 21-32.
16. Власян Г.Р. Природа речевого воздействия // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. №20. С. 31-34.
17. Гришечко Е.Г. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 53-59.
18. Ковешникова М.Н. Речевая манипуляция и приёмы речевого манипулирования // XVIII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Ленингр. гос. ун-т, 2014. Т. I. С. 387-394.
19. Мегентесов С.А., Мохамад И. Лингвистические аспекты психического воздействия и приёмов манипуляции. Краснодар, 1997. 111 с.
20. Базылев В.Н. Российская лингвистика XXI века: традиции и новации. М.: Изд-во СГУ, 2009. 380 с.
21. Петровская А.А. Влияние рекламы на поведение людей // Материалы VI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». 2014. URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014001012> (дата обращения: 22.02.2022)
22. Кинцель А.В. Психолингвистические механизмы речевого воздействия // Известия Алтайского государственного университета, 2013. Т. 2, № 2 (78). С. 150-154.
23. Зубкова О.С. Условия возникновения метафоры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. №5(1). С. 306-312.
24. Зубкова О.С. Метафора в профессиональной семиотике. Курск, 2011. 334 с.
25. Андреева О.А. К вопросу о просвещенности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7. № 4(25). С. 20-24.
26. Анастасян Ж. Стилистическая функция односоставных предложений // Ученые записки Арцахского государственного университета, гуманитарные науки. 2015. №1. С. 194-199.
27. Кремнева А.В., Мягкова Е.Ю. Чувственные основания значения слова // Язык, коммуникация и социальная среда. 2007. № 5. С. 144-151.
28. Егорова В.И. Эмотивная лексика в лингвистике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 2. С. 44-49.
29. Власенко Н.И. Интерпретация текстов различной речевой интенции // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сб. науч. ст. VII Межд. науч.-прак. конф. Курск, 2018. С. 52-55.
30. Кремнева А.В. Динамика эмоционально-чувственного образа, стоящего за словом // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 65. С. 158-162.
31. Гришкова В.И. Молодежный жаргон // Молодежь и XXI век: тезисы докладов 33 вузовской научно-технической конференции студентов и аспирантов в области научных исследований. Курск, 2005. С. 152-153.
32. Попадинец Р.В. Прецедентные имена в сознании носителя русского языка (Экспериментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2006. 22 с.

33. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 62-85.
34. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 374 с.
35. Попадинец Р.В. Образование новых метафор как основание динамики прецедентной базы культуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 3. С. 71-79.
36. «Цигель-цигель! Ай лю-лю!» Великих Миронова и Папанова пристроили в банковский бизнес // URA.RU. 2014. URL: <https://ura.news/news/1052175332> (дата обращения 07.03.2022)
37. Жительница Калининграда пожаловалась в ФАС на рекламу банка с фотографией Андрея Миронова // KGD.RU. 2014. URL: <https://kgd.ru/news/society/item/36056-zhitelnica-kaliningrada-pozhalovalas-v-fas-na-reklamu-banka-s-fotografiej-andreya-mironova/> (дата обращения 07.03.2022)
38. Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. 1966. № 7. С. 60-68.
39. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970. 262 с.
40. Грайс Г.П. Логика и речевое общение: пер. с англ. // Грайс Г.П. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217-237.

References

1. Andreyeva O.A. [Text as "THESIS" from ancient to modern times]. *Yazyk dlya spetsial'nykh tselei: sistema, funktsii, sreda. Sbornik nauchnykh statei VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language or specific purposes: system, function, environment. Collection of scientific articles of the VI international scientific and practical conference]. Kursk, 2016, pp. 22-28 (In Russ.).
2. Annenkova A.V. Spetsifika funktsionirovaniya obrazov imidzhevoy reklamy v individual'nom leksikone (eksperimental'noe issledovanie). Diss. kand. filolog. nauk [Perception peculiarities of image advertising texts in individual lexicon (experimental research). Cand. philol. sci. diss.]. Tver, 2018. 229 p.
3. Zubkova O.S., Annenkova A.V. Spetsifika funktsionirovaniya obrazov imidzhevoy reklamy v individual'nom leksikone [Perception peculiarities of image advertising texts in individual lexicon]. Kursk, 2017. 242 p.
4. Annenkova A.V. Verbal'nye i vizual'nye kody sotsial'noy reklamy: opyt eksperimental'nogo issledovaniya [Verbal and visual codes of social advertisement: practice of experimental research]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, 2014, no 2(30). pp. 117-122.
5. Annenkova A.V. [Peculiarities of virtual image formation in image advertisement]. *Teoriya i praktika yazykovoy kommunikatsii: VII Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii* [Theory and practice of linguistic communication: Collection of scientific articles of the VII International scientific and methodological conference]. Ufa, 2015. pp. 16-20 (In Russ.).
6. Annenkova A.V. Osobennosti vospriyatiya obraznoy sostavlyayushchey imidzhevoy reklamy (nekotorye rezul'taty assotsiativnogo eksperimenta) [Perception peculiarities of figurative component of image advertising (some results of association experiment)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2017, vol. 7, no. 3(24). pp. 58-66.

7. Sternin I.A. Rechevoe vozdeystvie kak teoreticheskaya i prikladnaya nauka [Speech influence as theoretical and applied science]. *Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznanija* [Theoretical and applied problems of linguistics]. Voronezh, Istoki Publ., 2088, pp. 238-353.
8. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, LKI Publ., 2008. 288 p.
9. Annenkova A.V. Spetsifika konteksta imidzhevoy reklamy [Specific features of image promotion context]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Theory of Language and Intercultural Communication*, 2014, no 2(16), pp. 9-14.
10. Annenkova A.V. Osobennosti yazyka imidzhevoy reklamy [Peculiarities of image promotion language]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Theory of Language and Intercultural Communication*, 2016, no 1(20), pp. 1-9.
11. Tanygina E.A. The Inner Image of Russian Color Term черный (Black) (Experimental Study). *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences"* (CILDIAH 2019), 2019, vol. 69 (2019). Available at: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900117/>
12. Tanygina E.A. Obraz cvetooboznacheniya zheltiy v soznanii nositelej russkoy kul'tury (eksperimental'noe issledovanie) [The image of the color term yellow in the consciousness of the carriers of Russian culture (experimental research)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 99-113.
13. Tanygina E.A., Nikitenkova T.S. Obraz universiteta, stoyashchiy za slovami obrazovanie, VUZ, universitet v soznanii sovremennykh studentov [The inner image of modern university in the language consciousness of Russian students]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya" = Herald of Tver State University. Series: Philology*, 2020, no 4 (67), pp. 87-97.
14. Annenkova A.V. Spetsifika proksonimicheskikh priznakov v tekstakh imidzhevoy reklamy (na materialakh reklamy regional'nykh vuzov) [Specific features of proxinimiy in advertising texts (on the advertising material of local higher educational institutions)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2015, no. 2(15), pp. 16-21.
15. Annenkova A.V. K voprosu o vospriyatii obraznoy sostavlyayushchey polikodovogo teksta imidzhevoy reklamy: gendernyy faktor (eksperimental'noe issledovanie) [To the question of perception peculiarities of figurative component of polycode image advertising: gender factor (experimental research)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2015, vol. 9, no 2(31), pp. 21-32.
16. Vlasyan G.R. Priroda rechevogo vozdeystviya [Nature of speech influence]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk state university*, 2007, no. 20, pp. 31-34.
17. Grisechko E.G. Opredelenie ponyatiya rechevogo vozdeystviya i vidy etogo vozdeystviya [Definition of speech influence notion and types of this influence]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = The Humanities and social sciences*, 2008, no 4, pp. 53-59.
18. Koveschnikova M.N. [Speech manipulation and methods of speech manipulation] *XVIII Tsarskosel'skie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchoy konferentsii* [XVIII Tsarskosel'skie reading. Proceedings of the international scientific conference]. Saint-Petersburg, Leningrad State University Publ., 2014, vol. 1, pp. 387-394. (In Russ.).
19. Megentesov S.A., Mohamad I. Lingvisticheskie aspekty psikhicheskogo vozdeystviya i priemov manipulyatsii [Linguistic aspects of psychological manipulation and methods of manipulation]. Krasnodar, Kuban University Publ., 1997. 111 p.

20. Bazilev V.N. Rossiyskaya lingvistika XXI veka: traditsii i novatsii [Russian linguistics of XXI century: tradition and novation]. Moscow, Sovremennaya gumanitarnaya akademiya Publ., 2009. 380 p.
21. Petrovskaya A.A. [The impact of advertising on people's behavior]. *Materialy VI Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchnoy konferentsii "Studencheskiy nauchnyy forum"* [Student scientific forum. Proceedings of VI International scientific conference]. 2014. (In Russ.). Available at: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014001012> (accessed 22.02.2022)
22. Kintsel A.V. Psikholingvisticheskie mekhanizmy rechevogo vozdeystviya [Psycholinguistic mechanisms of linguistic manipulation]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*, 2013, vol. 2, no 2(78), pp.150-154. (In Russ.).
23. Zubkova O.S. Usloviya vozniknoveniya metafory [Conditions of metaphors emerging]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2011, no 5(1), pp. 306-312.
24. Zubkova O.S. Metafora v professional'noy semiotike [Metaphors in professional semiotics]. Kursk, 2011. 334 p.
25. Andreyeva O.A. K voprosu o prosveshchennosti [To the question of enlightenment]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2017, vol. 7, no. 4(25), pp. 20-24.
26. Anastasyan Zh. Stilisticheskaya funktsiya odnosostavnykh predlozheniy [Stylistic function of mononuclear sentence]. *Uchenye zapiski, Artsakhskogo gosudarstvennogo universiteta, gumanitarnye nauki = Artsakh State University Proceedings: Social Sciences*, 2015, no 1, pp. 194-199.
27. Kremneva A.V., Myagkova E.Yu. Chuvstvennye osnovaniya znacheniya slova [Sensual foundations for word meaning]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda = Language, Communication, and Social Environment*, 2007, no 5, pp. 144-151.
28. Egorova V.I. Emotivnaya leksika v lingvistike [Emotive vocabulary in linguistics]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2013, no 2, pp. 44-49.
29. Vlasenko N.I. [Interpretation of texts of various speech intentions]. *Yazyk dlya spetsial'nykh tselei: sistema, funktsii, sreda. Sbornik nauchnykh statei VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language or specific purposes: system, function, environment. Collection of scientific articles of the VII international scientific and practical conference]. Kursk, Southwest State University Publ., 2018. pp. 52-55. (In Russ.).
30. Kremneva A.V. Dinamika emotsional'no-chuvstvennogo obraza, stoyashchego za slovom [The dynamics of the emotional-sensual image behind the word]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = IZVESTIA: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 2008, no. 65, pp. 158-162.
31. Grishkova V.I. [Youthspeak]. *Molodezh' i XXI vek: Tezisy dokladov 33 vuzovskoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii studentov i aspirantov v oblasti nauchnykh issledovaniy* [Youth of XXI century. Scientific conference abstracts of 33 academic scientific and technical conference of students and post-graduates in the sphere of scientific research]. Kursk, Kursk State Technical University Publ., 2005, pp. 152-153 (In Russ.).
32. Popadinets R.V. *Pretsedentnye imena v soznanii nositelya russkogo yazyka (Eksperimental'noe issledovanie)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Precedent names in the mind of a native Russian speaker (experimental study). Cand. philol. sci. diss. abstract.]. Kursk, 2006. 22 p.
33. Krasnykh V.V., Gudkov D.B., Zakharenko I.V., Bagaeva D.V. Kognitivnaya baza i pretsedentnye fenomeny v sisteme drugikh edinit i v kommunikatsii [Cognitive base and prece-

dent phenomena in the system of other units and in communication]. *Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya = Moscow University Philology Bulletin*, 1997, no 3, pp. 62-85.

34. Krasnykh V.V. "Svoy" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? [Welcomed among strangers: myth or reality?]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 374 p.

35. Popadinets R.V. Obrazovanie novykh metafor kak osnovanie dinamiki pretsedentnoy bazy kul'tury [The formation of new metaphors as the foundation for cultural precedent base]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2013, no. 3, pp. 71-79.

36. «Tsigel'-tsigel'! Ay lyu-lyu!» Velikikh Mironova i Papanova pristroili v bankovskiy biznes [“Ziegel-Ziegel! Ai Liu-Liu!” The greatest Mironov and Papanov found a job in banking business]. URA.RU. 2014. Available at: <https://ura.news/news/1052175332> (accessed 07.03.2022)

37. Zhitel'nitsa Kaliningrada pozhalovalas' v FAS na reklamu banka s fotografiey Andreya Mironova [The resident of Kaliningrad complained to Federal Antimonopoly Service of bank advertisement with the photo of Andrei Mironov]. KGD.RU. 2014. Available at: <https://kgd.ru/news/society/item/36056-zhitelnica-kaliningrada-pozhalovalas-v-fas-na-reklamu-banka-s-fotografiey-andreya-mironova/> (accessed 07.03.2022)

37. Leontiev A.A. Inoyazychnye vkrapleniya v russkuyu rech' [Foreign language inclusion into Russian language]. *Voprosy kul'tury rechi = Questions of speech culture*, 1966, no. 7. pp. 60-68.

39. Babkin A.M. Russkaya frazeologiya, ee razvitie i istochniki [Russian phraseology, its development and sources]. Leningrad, Nauka Publ., 1970. 262 p.

40. Grice H.P. Logika i rechevoe obshchenie : perevod s angliyskogo [Logic and conversation: translation from English] in *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XVI. Lingvisticheskaya pragmatika* [New trends in foreign linguistics. Vol. XVI. Pragmatics in linguistic]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 217-237.

Информация об авторе / Information about the Author

Анненкова Антонина Владимировна, кандидат филологических наук, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: Antonina-1984@yandex.ru

Antonina V. Annenkova, Cand. of Sci. (Philological), Southwest State University, Russian Federation, Kursk, Russian Federation,
e-mail: Antonina-1984@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 378

Формирование фразеологической осведомленности будущих бакалавров в процессе обучения иностранному языку**В. Н. Карташова¹** ✉

¹Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
ул. Коммунаров, д. 28/1, г. Елец 399770, Российская Федерация

✉ e-mail: cartashova.vale@yandex.ru

Резюме

Тема публикации актуализируется пониманием необходимости решения задачи профессионально-ориентированного обучения студентов неязыковых направлений университета. Цель статьи: разработка теоретико-практической основы формирования фразеологической осведомленности в процессе обучения иностранному языку будущего бакалавра направления подготовки 42.03.01 Реклама и связи с общественностью. При разработке технологии методологически оправданными являются профессионально-ориентированный, текстоцентрический и контекстный подходы. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку студентов неязыковых направлений и профилей подготовки предполагает сочетание овладения профессиональным иноязычным вокабуляром с приобретением дополнительных профессиональных знаний. В рамках освоения дисциплины «Иностранный язык» будущие бакалавры обучаются восприятию фразеологизмов посредством профессионально-ориентированного текста, который является источником необходимой лексики, терминологии, может служить предметом анализа. Для анализа текстового материала при обучении фразеологизмам используются методы и приемы: смысловое толкование на иностранном или родном языке, лингвострановедческий комментарий и сопоставительный анализ фразеологизмов немецкого и русского языков. Автором был составлен фразеологический контент, куда вошли профессионально-направленные аутентичные тексты, отобран профессионально-ориентированный глоссарий, разработан ряд заданий и упражнений, цель которых - познакомить студентов – будущих рекламщиков с особенностями использования фразеологизмов в языке рекламы, ввести в пассивный словарь наиболее частотные фразеологизмы. В процессе выполнения системы заданий происходит формирование фразеологической осведомленности студентов. В статье также описаны основные результаты контрольного эксперимента по работе с фразеологизмами. Контрольные срезы показали динамику роста уровней сформированности фразеологической осведомленности будущего рекламщика в трех компонентах (мотивационном, когнитивном, процессуальном) в экспериментальной группе студентов по сравнению с данными контрольной группы. В заключении представлены выводы о значимости использования фразеологизмов для усиления мотивации обучающихся к изучению иностранного языка и будущей профессии.

Ключевые слова: фразеологизм; фразеологический контент; фразеологическая осведомленность; профессионально-ориентированное обучение; иностранный язык; текстоцентрический; контекстный подход.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Карташова В. Н. Формирование фразеологической осведомленности будущих бакалавров в процессе обучения иностранному языку // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 2. С. 142-153.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022   Статья подписана в печать 25.05.2022

Статья опубликована 30.06.2022

© Карташова В.Н., 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика / Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2022; 12(2): 142–153

Formation of Phraseological Awareness of Future Bachelors in the Process of Teaching a Foreign Language

Valentina N. Kartashova¹ ✉

¹Bunin Yelets State University
28/1 Kommunarov str., Yelets 399770, Russian Federation

✉ e-mail: cartashova.vale@yandex.ru

Abstract

The topic of the publication is updated by the understanding of the need to solve the problem of professionally oriented education of students of non-linguistic areas of the university. The purpose of the article is the development of a theoretical and practical basis for forming the phraseological awareness in the process of teaching a foreign language to a future bachelor of 42.03.01 Advertising and public relations training focus area (the bachelor's degree level). When developing a methodology, professionally oriented, text-centric and contextual approaches are methodologically justified. Professionally-oriented teaching of a foreign language to students of non-linguistic areas and training profiles involves a combination of mastering a professional foreign language vocabulary with the acquisition of additional professional knowledge. As part of the development of the discipline "Foreign Language", future bachelors are trained in the perception of phraseological units through a professionally oriented text, which is the source of the necessary vocabulary, terminology and can serve as the subject of analysis. For the analysis of textual material when teaching phraseological units, methods and techniques are used: semantic interpretation in a foreign or native language, linguistic and cultural commentary and a comparative analysis of phraseological units in German and Russian. The author compiled phraseological content, which included professionally oriented authentic texts, selected a professionally oriented glossary, developed a number of tasks and exercises, the purpose of which is to acquaint students - future advertisers with the peculiarities of using phraseological units in the language of advertising, to introduce the most frequent phraseological units into the passive dictionary. In the process of fulfilling the system of tasks, the phraseological awareness of students is formed. The article also describes the main results of the control experiment on working with phraseological units. The control sections showed the dynamics of growth in the levels of formation of phraseological awareness of the future advertiser in three components (motivational, cognitive, procedural) in the experimental group of students compared with the data of the control group. The conclusion sums up the importance of using phraseological units for enhancing the motivation of studying foreign languages and the future profession.

Keywords: phraseological unit; phraseological content; phraseological awareness; professionally oriented education; foreign language; text-centric; contextual approach.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kartashova V. N. Formation of Phraseological Awareness of Future Bachelors in the Process of Teaching a Foreign Language. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(2): 142–153 (In Russ.).

Received 07.04.2022

Accepted 25.05.2022

Published 30.06.2022

***

Введение

Владение специалистом иностранным языком рассматривается как актуальная характеристика его конкурентоспособности на современном рынке труда. Способность осуществлять коммуникацию на иностранном языке в различ-

ных профессионально-деловых ситуациях с учетом специфики и содержания той или иной деятельности является показателем высокой профессиональной компетентности выпускника вуза. В настоящее время дисциплина «Иностранный язык» рассматривается «как обязательный ком-

понент профессиональной подготовки специалиста, реализующий идеи социализации и профессионализации студента в вузе, и явная предпосылка успешной деятельности выпускника в будущем» [1, с.2]. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку студентов неязыковых направлений и профилей подготовки предполагает сочетание овладения профессиональным иноязычным вокабуляром с приобретением дополнительных профессиональных знаний. Опыт работы в качестве преподавателя немецкого языка показал, что реализация принципа профессиональной направленности по дисциплине «Иностранный язык» на направлении подготовки 42.03.01 Реклама и связи с общественностью (Реклама и связи с общественностью в социальной сфере) (уровень бакалавриата) оптимизируется за счет включения фразеологизмов в контент практических занятий. «Фразеологизм – это устойчивое по составу и структуре, лексически неделимое и целостное по значению словосочетание или предложение, выполняющее функцию отдельной лексемы (словарной единицы)» [2, с.169]. В современной публицистике фразеологизмы являются излюбленным языковым средством в силу своей выразительности, образности, наглядности и эмоциональности. Изучение иноязычных рекламных текстов, содержащих фразеологические единицы, способствует развитию не только коммуникативной, лингвострановедческой, но и профессиональной компетенции обучающихся. Разработка фразеологического контента и технологии, направленной на профессионально-ориентированное обучение немецкому языку будущих рекламщиков, является актуальной задачей современного образования.

Обзор литературы

В комплексном изучении языка (родного и иностранного) фразеологизмам уделяется большое внимание. Исследователи убеждены, что методический

потенциал фразеологизмов огромен [3-6]. Знание фразеологизмов повышает языковую культуру обучающихся, обогащает словарь, развивает языковое мышление и языковую догадку [7-11], способствует образному изложению мыслей, расширяет представления о культуре народа страны изучаемого языка [4,12]. В последнее время в лингводидактике появились исследования по формированию у обучающихся фразеологической компетенции [3,6].

В методике преподавания «Немецкий как иностранный язык» в контексте фразеологии можно наблюдать две тенденции: с одной стороны, осознание методистами неперемного «естественного» присутствия фразеологизмов на всех этапах изучения иностранного языка. С другой стороны, их использование вызывает много вопросов, поскольку эти языковые средства являются сложным предметом и их применение подвержено специфическим ограничениям. Вопрос изучения фразеологизмов в контексте профессионально-ориентированного обучения иностранному языку до сих пор не стал предметом специального исследования в научной среде. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку студентов неязыковых направлений и профилей подготовки предполагает сочетание овладения профессионально-ориентированным иностранным языком с приобретением дополнительных профессиональных знаний и специальных навыков обучающихся [8, 13, 14]. Разработан ряд моделей профессионально-ориентированного обучения иностранному языку обучающихся непрофильных направлений: задание – звено – этап [15], интенсивно-коммуникативное профориентированное обучение устной и письменной коммуникации [16], развития профессиональной иноязычной компетенции специалиста при многоуровневом обучении в современном вузе [17] и др. В связи с этим актуальным становится вопрос о разработке фразеологического контента и технологии профессионально-ориентированного

обучения с помощью фразеологизмов бакалавров-будущих рекламщиков.

Методы исследования

Цель исследования: разработка теоретико-практической основы формирования фразеологической осведомленности будущего бакалавра младших курсов направления подготовки 42.03.01 Реклама и связи с общественностью (Реклама и связи с общественностью в социальной сфере) в процессе профессионально-ориентированного изучения иностранного языка. Цель данного исследования обусловила необходимость решения следующих задач:

1. Уточнить понятие «Фразеологическая осведомленность».

2. Выявить базовые подходы, содержательную основу и алгоритм технологии формирования фразеологической осведомленности будущего бакалавра в процессе профессионально-ориентированного изучения иностранного языка.

3. Разработать критерии сформированности фразеологической осведомленности.

4. Проверить опытно-экспериментальным путем эффективность предложенной технологии.

Для решения поставленных задач применялись следующие методы исследования: теоретические (изучение и анализ лингвистической, психолого-педагогической, учебно-методической литературы по проблеме исследования, изучение и обобщение педагогического опыта); эмпирические (анкетирование, тестирование), педагогический эксперимент (диагностический, формирующий и контрольный эксперименты), статистико-математические (обработка эмпирических данных).

Наше исследование базируется на нескольких подходах. Основополагающим подходом является профессионально-ориентированный к обучению иностранному языку, который «предполагает формирование у студентов способности иноязычного общения в конкретных

профессиональных, деловых, научных сферах и ситуациях с учетом особенностей профессионального мышления, при организации мотивационно-побудительной и ориентировочно-исследовательской деятельности» [18, с. 21].

Поскольку одним из основных компонентов содержания обучения иностранному языку является рекламный текст, то следующим подходом выступает текстоцентрический подход. «Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку предполагает, что основой курса становятся аутентичные тексты, отобранные по тематическому принципу. Текст как средство обучения является источником необходимой лексики, терминологии, грамматических структур, может служить предметом анализа» [8].

Следующим подходом правомерно выделить контекстный подход, предполагающий личностное включение обучающихся в учебную деятельность. Контекстный подход позволяет моделировать целостное предметное и социальное содержание профессиональной деятельности. Система специальных упражнений способствует накоплению профессионального тезауруса, а также развитию мотивации и интереса к будущей профессии. Для анализа текстового материала при обучении фразеологизмам бакалавров на занятиях по иностранному языку используются методы и приемы: смысловое толкование на иностранном или родном языке, лингвострановедческий комментарий и сопоставительный анализ фразеологизмов немецкого и русского языков.

Результаты и обсуждение

Фразеологическая осведомленность – часть иноязычной коммуникативной компетенции будущего бакалавра, сформированная на основе теоретических знаний о фразеологизмах и практических умений их использования в процессе профессионально-ориентированного изучения иностранного языка.

Формирование фразеологической осведомленности предполагает, прежде всего, получение обучающимися общих сведений о фразеологическом составе изучаемого языка и формирование готовности обучающихся использовать отдельные фразеологизмы в общении и в будущей профессиональной деятельности. Эти общие сведения обучающиеся получают в процессе изучения профессионально-ориентированных и рекламных текстов с фразеологизмами.

Сфера будущей профессиональной деятельности выпускников данного направления подготовки является «продвижение продукции средств массовой информации, включая печатные издания, телевизионные и радиопрограммы, онлайн-ресурсы» [19]. Они участвуют в разработке, подготовке к выпуску, производстве и распространении рекламной продукции, в проектировании программ и отдельных мероприятий в области рекламы и связей с общественностью, подготовке проектной и сопутствующей документации.

Помимо знания лексических единиц, наиболее употребительных в сфере профессионального общения, будущему рекламщику необходимо овладеть умениями и навыками работы с иноязычными краткими рекламными текстами, отличающимися своей высокой информативностью и специфической структурой. Рекламный текст строится по формуле AIDCA (*attract attention, arouse interest, stimulate desire, creat conviction, get action*)), т.е. рекламный текст – многоуровневый, суггестивный, важная роль в нем отводится аргументации, воздействию на чувства потребителя, конечной целью является склонение к потребительскому действию [20]. Фразеологизмы находят в рекламном тексте широкое применение. Эти языковые средства позволяют сделать рекламный текст более выразительным, эмоционально экспрессивным, оригинальным. Рекламные тексты используют фразеологические еди-

ницы и их трансформации с целью вызвать определенные ассоциации у потребителя [21, с. 279].

Нами был составлен фразеологический контент, куда вошли профессионально-направленные аутентичные тексты, рекламные тексты, отобран профессионально-ориентированный глоссарий, разработан ряд заданий и упражнений, цель которых – познакомить студентов с особенностями использования фразеологизмов в языке рекламы, ввести в их пассивный словарь наиболее частотные фразеологизмы.

Прежде всего, следует сказать о работе с текстами профессионального характера из немецкоязычной прессы.

Технология изучения фразеологизмов, используемая нами на занятиях по иностранному языку, предполагает этапность в обучении. На первом этапе обучающийся должен распознать фразеологизм в тексте, идентифицировать его как словосочетание особого, скажем, фразеологического, типа. Студентам предлагается ряд заданий, направленных на формирование навыка восприятия фразеологизма, его осмысления и осознания. Например: «*Lesen Sie den Text. Achten Sie auf die markierten Phraseologismen. Lesen Sie den Text, finden Sie die Phraseologismen. Geben Sie den Inhalt des Satzes mit Ihren eigenen Worten nach*» или «*Lesen Sie die Sätze. Ersetzen Sie die markierten Phraseologismen durch ein Wort oder eine Phrase*». Данные упражнения позволяют воспринять фразеологизм как единое целое в смысловом отношении. Для этого обучающемуся необходимы знания морфосинтаксических, семантических особенностей фразеологизмов, вызывающих трудности в обучении. Например, фразеологизм *bei jmdm. einen Stein im Brett haben* (*быть у кого-то в фаворе, на хорошем счету*) представляет на первый взгляд бессмысленное соединение лексем *Stein, Brett* и *haben* (*камень, доска и иметь*), на несовместимость слов на семантическом уровне как раз акцентирует-

ся внимание обучающегося [5]. Мы знакомим студентов с подобными случаями, с возможностями использования фразеологизмов в качестве объекта языковой игры. Как показывает практика, чаще всего языковая игра с иноязычными фразеологизмами бывает скрыта.

После осмысления обучающимися семантики фразеологизма можно переходить к упражнениям, направленным на усвоение фразеологизма (задания на подбор синонимов, антонимов, русских эквивалентов, группирование, дифференцирование, упражнения, связанные с морфологической, синтаксической характеристикой фразеологизмов, и другие задания). В ходе практических занятий и выполнения домашних заданий студентами изучались рекламные тексты. В рекламном тексте обычно употребляются фразеологические единства и функциональные глагольные конструкции, подчеркивающие те или иные свойства продукта и преподносящие его как особое событие: „Von dir kriege ich nie genug“ (Nivea), „Urlaub groß geschrieben“ (Veneto), „Sein riesiges Panorama-Glasdach, (...) und seine großzügige Ausstattung machen jede Fahrt zum Erlebnis“ (Peugeot), „Hier steht der Spaß im Mittelpunkt“ (Polo). («Я никогда не нарадуюсь тобой» (Nivea), «Праздники очень важны» (Veneto), «Огромная панорама - стеклянная крыша, (...) и богатое оснащение делают каждое путешествие незабываемым» (Peugeot), «В центре внимания — удовольствие» (Polo)).

Фразеологизмы обычно употребляются в 3-х формах:

- перефразирование (замена одного из слов): „Preise gut, alles gut“ (C&A) / *Ende gut, alles gut* (Все хорошо, что хорошо кончается). Также по аналогии образованы и другие рекламные слоганы: „Hände gut, alles gut“ oder „Ente gut, alles gut“ (WC-Ente), „Essen gut, alles gut“ (Knorr);

- полный фразеологизм (использование полной фразы, связанной с объектом

рекламы): „Mit günstigen Zinsen, kleinen Raten und der schnellen Bearbeitung gehen Ihre Träume (leichter) in Erfüllung“ (Sparkasse) / = *in Erfüllung gehen* исполняться. Другие примеры: „Unser neuer Tarif (...) macht es Ihnen jetzt besonders leicht, Ihre Träume zu erfüllen“ (Schwäbisch Hall); „Muss man ein Leben lang sparen, um sich seine Träume zu erfüllen?“ (Porsche); „Erfüllen Sie jetzt den Traum!“ (Maserati). («С низкими процентными ставками, небольшими платежами и быстрой обработкой ваши мечты станут реальностью (проце)» (Sparkasse) «Наш новый тариф (...) теперь позволяет вам осуществить свои мечты особенно легко» (Schwäbisch Hall) «Накопить на всю жизнь, чтобы мечты сбылись?» (Porsche) «Сделай мечту реальностью сейчас!» (Maserati)).

Многообещающе звучат следующие фразеологизмы в рекламе: „die Sonne ins Leben bringen“, „die Flügel verleihen“, „intensive Eindrücke schaffen“, „das Leben in vollen Zügen genießen“, „es mit allen Sinnen erleben“.

- языковая игра: «Rowi steckt alle Marken in die Tasche» – («Rowi Fototaschen». «in die Tasche stecken» – ‘заткнуть за пояс, быть лучшим’). „Wir lieben langes Haar! Darum kommt es bei uns nicht zu kurz“ (Salon Helias), „zu kurz kommen“ быть в убытке. „Wir legen Ihnen Qualität zu Füßen“ (Girloon Teppichboden), „Damit Ihr Vortrag nicht zu trocken wird“ (Blackcurrent Pastilles).

Рекламодатели также используют пословицы и крылатые выражения. Однако они чаще всего не берутся в исходном виде, а являются лишь его частью, некоторые элементы фразеологизма изменены, опущены или заменены другим словом. В рекламе Badischer Wein 1995 года используется измененное крылатое выражение *Wie Gott in Baden*. (Original: *leben wie Gott in Frankreich* = *im Überfluss leben* = *жить в достатке*): „Wie Gott in Baden müsste das bekannte Sprichwort enden“.

• *für etwas ein Händchen haben* (Anh. 21) = *im Umgang mit etw. sehr geschickt sein, das richtige Gefühl für etw. haben* (иметь способности к чему-либо) = *быть очень искусным в обращении с чем-л., правильно чувствовать что-л.*

В рекламе пива марки Krombacher используется фразеологическое сочетание *eine Perle der Natur*: „Krombacher, frisch und rein mit Felsquellwasser gebraut, ein einzigartiger Genuss, so kostbar wie seine Natur. Krombacher -.“ *Krombacher - eine Perle der Natur*“.

На третьем этапе предлагаются задания, направленные на формирование навыков практического использования фразеологизмов в речи. Сначала обучающийся должен использовать фразеологизм в схожих с учебными ситуациями и контекстах. Далее на продвинутом этапе можно использовать упражнения на редактирование.

Нами были разработаны критерии сформированности фразеологической осведомленности. К ним относятся:

– мотивационный – осознание приобретаемой профессии как приоритетной ценности, наличие познавательной мотивации к изучению иностранного языка, потребность в саморазвитии. Показатели: сформированность профессионального интереса, понимание ценностных оснований изучения иностранного языка, способность к рефлексии;– когнитивный – наличие теоретических сведений о фразеологическом составе изучаемого языка. Показатели: объем и глубина знаний;– процессуальный – готовность к практической реализации фразеологического состава иностранного языка в процессе его профессионально-ориентированного изучения. Показатель: использование профессионально-маркированной фразеологической лексики в общении.

По окончании обучения нами был проведен контрольный эксперимент, на-

правленный на установление уровня сформированности фразеологической осведомленности будущих бакалавров направления подготовки 42.03.01 Реклама и связи с общественностью (Реклама и связи с общественностью в социальной сфере). Всего в эксперименте участвовало 48 студентов первого курса, по 24 человека в контрольной и экспериментальной группах. Контрольный эксперимент прошел в начале июня 2021г. Контрольный эксперимент, как и констатирующий, проводился с помощью анкетирования и контрольного тестирования. Анкета включала десять вопросов, направленных на выявление уровня мотивации обучающихся к изучению иностранного языка и их будущей профессии. Мы хотели узнать: заинтересовало ли студентов изучение фразеологизмов, понравились ли им новые формы работы на занятиях, хотели ли они продолжить изучение новых тем с применением профессионально-ориентированной фразеологической лексики, изменилось ли у них отношение к дисциплине «Иностранный язык», укрепилось ли у них желание совершенствоваться в их будущей профессиональной деятельности и т.д.

Контрольное тестирование проводилось с помощью теста, направленного на наличие теоретических знаний о фразеологическом составе изучаемого языка и определение степени готовности обучающихся использовать отдельные фразеологизмы в будущей профессиональной деятельности. Контрольные срезы показали динамику роста уровней сформированности фразеологической осведомленности будущего рекламщика в трех компонентах (мотивационном, когнитивном, процессуальном) в экспериментальной группе студентов по сравнению с данными контрольной группы. Результаты зафиксированы в табл. 1.

Таблица 1. Динамика роста уровней сформированности фразеологической осведомленности обучающихся в трех компонентах по результатам контрольного эксперимента (%)

Уровни	Компоненты	Группа	
		экспериментальная	контрольная
Низкий	мотивационный	7,8	62,5
	когнитивный	7,7	56,2
	процессуальный	7,9	62,6
Средний	мотивационный	61,5	31,2
	когнитивный	46,2	31,3
	процессуальный	61,3	31,0
Высокий	мотивационный	30,7	6,3
	когнитивный	46,1	12,5
	процессуальный	30,8	6,4

К концу экспериментального обучения студенты имели устойчивую профессиональную мотивацию, выраженный интерес к изучению иностранного языка, потребность в самосовершенствовании; общие представления о фразеологическом составе изучаемого языка; владели необходимым объемом профессионально-маркированных фразеологических единиц. Будущие профессионалы резюмировали, что им понравилась новая форма работы на занятиях, и они хотели бы продолжить изучение новых тем с применением профессионально-ориентированных фразеологизмов.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: Изучение фразеологизмов в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов неязыковых профилей подготовки имеет определенный потенциал, который может способствовать формированию профессиональной компетенции будущего бакалавра. Проведено теоретическое обоснование возможности реализации профессионально-ориентированного обучения иностранному языку на основе фразеологизмов с целью формирования у обучающихся фразеологической осведомленно-

сти, полученного при соответствующей дидактической организации учебного процесса на практических занятиях по иностранному языку. С помощью системного анализа психолого-педагогической и методической литературы определен фразеологический контент, представлены этапы профессионально-ориентированного обучения иностранному языку на основе фразеологизмов, выделен ряд критериев для диагностики сформированности фразеологической осведомленности обучающихся. Разработана технология формирования фразеологической осведомленности будущего бакалавра направления подготовки 42.03.01 Реклама и связи с общественностью (Реклама и связи с общественностью в социальной сфере) в процессе изучения иностранного языка, сочетающая овладение профессионально-ориентированным иностранным языком с приобретением дополнительных профессиональных знаний и навыков. Технология включает несколько этапов работы с фразеологизмами, ориентированных на развитие у обучающихся умений восприятия, понимания, овладения этими языковыми средствами и их использования в речи. Фразеологическая осведомленность как часть иноязычной коммуникативной компетенции будущего бакалавра-рекламщика может быть сфор-

мирована на основе аутентичных профессионально-релевантных разножанровых текстов. Особое внимание уделяется целостному восприятию фразеологизмов в профессионально направленном аутентичном тексте. Полученные диагностические результаты свидетельствуют об эффективности разработанной технологии.

Введение фразеологизмов в контекст профессионально-ориентированного обучения иностранному языку на практических занятиях активизирует процесс развития мотивации обучающихся к овладению и немецким языком, и своей будущей профессией.

Список литературы

1. Краснощекова Г.А. Языковая подготовка студентов на основе полипарадигмальной методологии и стратегии регионализации // Гуманитарный вестник. 2015. Вып. 3. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/edu/pedagog/237.html>.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностр. яз., 1958. 459 с.
3. Сафина Р.А. Лингводидактические принципы формирования фразеологической компетенции // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Международная конференция (V Бодуэновские чтения): труды и материалы / под общей ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во: Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2015. С. 258-260.
4. Хомутская Н.И. Методический потенциал фразеологизмов при обучении немецкому языку в средней школе // Педагогическое образование и наука. 2019. № 2. С. 101-105.
5. Bergerová H. Zum Lehren und Lernen von Phraseologismen im DaF-Studium. Überlegungen zu Inhalten und Methoden ihrer Vermittlung anhand eines Unterrichtsmodells. In: *Linguistik online* 47, 2011, 3/11, 107-117. URL: http://www.linguistik-online.de/47_11/bergerova.pdf
6. Kuzmanovska D., Kirova, S., Daskalovska N., Dimova, V. Developing phraseological competence in foreign language learners // *Phraseologie und Fremdsprachenlernen. Zur Problematik einer angemessenen phraseodidaktischen Umsetzung** INTED2018 Proceedings 12th International Technology, Education and Development Conference March 5th-7th, Valencia, Spain *Linguistikonline* 27, 2018. -2/06 p. 1615-3014 P. 6687-6691. URL: <https://www.researchgate.net/publication/323896164>
7. Василевич А.Л., Попова Л.К. К вопросу о методике обучения фразеологическим единицам английского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2018. №3. С. 108-116.
8. Овчинникова О. И. Профессионально ориентированный подход в обучении иностранному (английскому) языку в свете современных требований к выпускнику среднего профессионального образования // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № VII. URL: <http://e-koncept.ru/2018/186109.htm>.
9. Падалка Р. Н., Ратушная Е. И. Die Phraseologismen als der Bestandteil der Werbeslogans (auf dem material der deutschen Werbezeitschriften) // *Филология и лингвистика*. 2015. № 2 (2). С. 25-28. URL: <https://moluch.ru/th/6/archive/17/391/> (дата обращения: 22.01.2022).
10. Савогина И.И. Трансформированная фразеологическая единица в креолизированных текстах: прагматический аспект // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 7. С. 162–164.
11. Anisimova E. V. *Phraseologismen im Unterricht Deutsch als Fremdsprache*, Germanistisches Jahrbuch der GUS „Das Wort“, 2002. pp. 245-256.

12. Хамидова Н. Т., Мадаминова Н. Р. Использование фразеологических оборотов в процессе изучения русского языка как неродного // Молодой ученый. 2016. №8. С. 1180-1182. URL <https://moluch.ru/archive/112/28504/> (дата обращения: 27.11.2019).
13. Бибикина Э.В. Особенности профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в неязыковом вузе (О некоторых вопросах и проблемах психологии и педагогики // Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Красноярск, 2016. № 3. 173 с.
14. Кучерявая Т. Л. Проблемы профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей // Теория и практика образования в современном мире: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. С. 336-337.
15. Алексеева Л.Е. Методика обучения профессионально-ориентированному иностранному языку // Курс лекций: методическое пособие. СПб.: Филологический факультет. СПбГУ, 2007. 136 с.
16. Хохленкова Л.А. Технология профессионального педагогического общения при обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей: дис. ... канд. пед. наук. Тольятти, 2000. 214 с.
17. Коннова З.И. Развитие профессиональной иноязычной компетенции будущего специалиста при многоуровневом обучении в современном вузе: дис. ... д-ра пед. наук. Тула, 2003. 355 с.
18. Образцов П.И., Иванова О.Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов. Орел: ОГУ, 2005. 114 с.
19. ФГОС ВО по направлению подготовки 42.03.01 Реклама и связи с общественностью, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 08.06.2017 г. № 512.
20. Schlüter St. Die Sprache der Werbung: Entwicklungen, Trends u. Beispiele. Saarbrücken: VDM Verl. Dr. Müller, 2007. 67 s.
21. Куликова Е.В. Языковая специфика рекламного дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6. С. 276–282.

References

1. Krasnoshchekova G.A. Yazykovaya podgotovka studentov na osnove poliparadigmall'noy metodologii i strategii regionalizatsii [Language training of students based on polyparadigm methodology and regionalization strategy]. *Gumanitarnyj vestnik = Humanitarian Bulletin*, 2015, no. 3. Available at: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/edu/pedagog/237.html>.
2. Galperin I.R. *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka* [Essays on the style of the English language]. Moscow, 1958. 459 p.
3. Safina R.A. Lingvodidakticheskiye printsipy formirovaniya frazeologicheskoy kompetentsii [Linguodidactic principles of the formation of phraseological competence]. I.A. Baudouin de Courtenay and world linguistics. International conference (V Baudouin readings): works and materials. Under the general editorship of K.R. Galiullina, E.A. Gorobets, G.A. Nikolaev. Kazan, 2015, pp. 258-260.
4. Khomutskaya N.I. Metodicheskiy potentsial frazeologizmov pri obuchenii nemetskomu yazyku v sredney shkole [Methodological potential of phraseological units in teaching German in secondary school]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka = Pedagogical Education and Science*, 2019, no. 2, pp. 101-105.
5. Bergerová H. Zum Lehren und Lernen von Phraseologismen im DaF-Studium. Überlegungen zu Inhalten und Methoden ihrer Vermittlung anhand eines Unterrichtsmodells. In: *Lingu-*

istik online 47, 2011, 3/11, 107-117. Available at: http://www.linguistik-online.de/47_11/bergerova.pdf

6. Kuzmanovska D., Kirova S., Daskalovska N., Dimova V. Developing phraseological competence in foreign language learners. *Phraseologie und Fremdsprachenlernen. Zur Problematik einer angemessenen phraseodidaktischen Umsetzung* INTED2018 Proceedings 12th International Technology, Education and Development Conference March 5th-7th, Valencia, Spain* Linguistikonline 27, 2018. -2/06 p. 1615-3014 P. 6687-6691. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/323896164>

7. Vasilevich A.L., Popova L.K. K voprosu o metodike obucheniya frazeologicheskimi yedinitami angliyskogo yazyka [To the question of the methodology of teaching phraseological units of the English language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Pedagogy*, 2018, no. 3, pp. 108-116.

8. Ovchinnikova O. I. Professional'no oriyentirovanny podkhod v obuchenii inostrannomu (angliyskomu) yazyku v svete sovremennykh trebovaniy k vypuskniku srednego professional'nogo obrazovaniya [A professionally oriented approach to teaching a foreign (English) language in the light of modern requirements for a graduate of secondary vocational education]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal "Koncept" = Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept"*, 2018, no. VII. Available at: <http://e-koncept.ru/2018/186109.htm>.

9. Padalka R. N., Ratushnaya E. I. Die Phraseologismen als der Bestandteil der Werbeslogans (auf dem material der deutschen Werbezeitschriften. *Filologiya i lingvistika = Philology and Linguistics*, 2015, no. 2 (2), pp. 25-28. Available at: <https://moluch.ru/th/6/archive/17/391/> (accessed 01.22.2022).

10. Savogina I.I. Transformirovannaya frazeologicheskaya yedinita v kreolizovannykh tekstakh: pragmaticheskiy aspekt. [Transformed Phraseological Unit in Creolized Texts: Pragmatic Aspect]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 2016, no. 7, pp. 162–164.

11. Anisimova E. V. Phraseologismen im Unterricht Deutsch als Fremdsprache, Germanistisches Jahrbuch der GUS „Das Wort“, 2002, pp. 245-256.

12. Khamidova N. T., Madaminova N. R. Ispol'zovanie frazeologicheskikh oborotov v processe izucheniya russkogo yazyka kak nerodnogo [The use of phraseological units in the process of studying Russian as a non-native language]. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*, 2016, no. 8, pp. 1180-1182. Available at: <https://moluch.ru/archive/112/28504/> (accessed 11.27.2019).

13. Bibikova E.V. [Features of professionally-oriented teaching of a foreign language in a non-linguistic university (On some issues and problems of psychology and pedagogy)]. *Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Collection of scientific papers based on the results of the international scientific and practical conference]. Krasnoyarsk, 2016, no. 3. 173 p. (In Russ.).

14. Kucheryavaya T. L. [Problems of professionally-oriented teaching of a foreign language to students of non-linguistic specialties]. *Teoriya i praktika obrazovaniya v sovremennom mire. Materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Theory and practice of education in the modern world. Materials of the Intern. scientific conf.]. St. Petersburg, Renome Publ., 2012, pp. 336-337 (In Russ.).

15. Alekseeva L.E. Metodika obucheniya professional'no-oriyentirovannomu inostrannomu yazyku [Methods of teaching a professionally oriented foreign language]. Kurs lekcij [Course of lectures]. St. Petersburg, 2007. 136 p.

16. Khokhlenkova L.A. *Tekhnologiya professional'nogo pedagogicheskogo obshcheniya pri obuchenii inostrannomu yazyku studentov neyazykovykh spetsial'nostey*. Diss. kand. ped.

nauk [Technology of professional pedagogical communication in teaching a foreign language to students of non-linguistic specialties. Cand. ped. sci. diss.]. Tolyatti, 2000. 214 p.

17. Konnova Z.I. *Razvitiye professional'noy inoyazychnoy kompetentsii budushchego spetsialista pri mnogourovnevom obuchenii v sovremennom vuze*. Diss. dokt. ped. nauk [Development of professional foreign language competence of a future specialist in multi-level education in a modern university. Dr. ped. sci. diss.]. Tula, 2003. 355 p.

18. Obraztsov P.I., Ivanova O.Yu. *Professional'no-oriyentirovannoye obucheniye in ostrannomu yazyku na neyazykovykh fakul'tetakh vuzov* [Vocational-oriented teaching of a foreign language at non-linguistic faculties of universities]. Orel, OSU Publ., 2005. 114p.

19. FGOS VO po napravleniyu podgotovki 42.03.01 Reklama i svyazi s obshchestvennost'yu, utverzhennyy prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 08.06.2017 g. № 512.GEF VO in the direction of preparation 42.03.01 Advertising and communications with public, approved by order of the Ministry of Education and Sciences of the Russian Federation dated 06.08.2017, no. 512.

20 Schluter St. *Die Sprache der Werbung: Entwicklungen, Trends u. Beispiele*. [Die Sprache der Werbung: Entwicklungen, Trends u. Beispiele]. Saarbrücken: VDM Verl. Dr. Müller, 2007. 67 p.

21. Kulikova E.V. *Yazykovaya spetsifika reklamnogo diskursa*. [Linguistic specificity of advertising discourse. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after. N.I. Lobachevsky*, 2009, no. 6, pp. 276-282.

Информация об авторе / Information about the Author

Карташова Валентина Николаевна, д-р педагогических наук, профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация, e-mail: cartashova.vale@yandex.ru

Valentina N. Kartashova, Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation, e-mail: cartashova.vale@yandex.ru

УДК 159.9.07

**Особенности формирования стрессоустойчивости
в студенческой среде (результаты психологического
исследования)**

Н.В. Тарасова¹ ✉, Н.С. Тимофеев¹, В.В. Шамакина¹

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: nadia-79@bk.ru

Резюме

В работе рассматриваются такие понятия, как «стресс» и «стрессоустойчивость»; даются основные характеристики причин и последствий возникновения стресса у студентов; изучается необходимость формирования стрессоустойчивости как основы личностного ресурса студентов.

Актуальность изучения проблемы заключается в решении одной из главных задач современного образования, состоящей в поощрении эффективного учебного процесса обучающихся, их активности и самостоятельности. Высокий уровень стрессоустойчивости является психологической основой независимости молодежи. Необходимым условием формирования ответной реакции на стресс является выбор студентами своей будущей профессии. На успешное обучение молодых специалистов влияет множество факторов, одним из которых является стресс. Возникающие трудности в учебном процессе вызывают дополнительное давление, в результате которого развивается стресс. Это порождает необходимость изучения способности студентов справляться со стрессовыми факторами, уровень которых влияет на качество их учебной деятельности.

Целью данного психологического исследования стало изучение формирования стрессоустойчивости в студенческой среде. В работе изучаются такие характеристики, как стрессовые ощущения в поведенческих, соматических, и эмоциональных показателях (шкала психологического стресса); самооценка стрессоустойчивости; уровень стрессоустойчивости; способы «совладающего поведения» (копинг-механизмы).

В работе проведен библиометрический анализ проблемы исследования, проведен эксперимент. Благодаря проведенному психологическому эксперименту доказано, что для студентов существует необходимость проведения социально-психологического тренинга, который направлен на повышение стрессоустойчивости, снижения уровня стресса и уровня напряженности по соответствующим копинг-стратегиям.

Методологическую основу исследования составили подходы: системный, аксиологический подход, гуманистически ориентированный. Методами исследования выступили теоретический анализ научных исследований; организационные методы; эмпирические методы: наблюдение, психодиагностические методы.

Ключевые слова: стресс; стрессоустойчивость; конфликтные ситуации; саморегуляция; личность; студенты; психологическое сопровождение.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Тарасова Н.В., Тимофеев Н.С., Шамакина В.В. Особенности формирования стрессоустойчивости в студенческой среде (результаты психологического исследования) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 2. С. 154-169.

Статья поступила в редакцию 31.03.2022

Статья подписана в печать 11.05.2022

Статья опубликована 30.06.2022

Features of the formation of stress resistance in the student environment (results of psychological study)

Nadezhda V. Tarasova¹ ✉, Nikita S. Timofeev¹, Victoria V. Shamakina¹

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: nadia-79@bk.ru

Abstract

The paper deals with such concepts as «stress» and «stress resistance»; the main characteristics of the causes and consequences of stress in students are given; the necessity of forming stress resistance as the basis of students' personal resource is studied.

The relevance of studying the problem lies in solving one of the main tasks of modern education, which consists in encouraging the effective educational process of students, their activity and independence. A high level of stress resistance is the psychological basis for the independence of young people. A necessary condition for the formation of a response to stress is the choice by students of their future profession.

Many factors affect the successful training of young professionals, one of which is stress. Difficulties that arise in the educational process cause additional pressure, as a result of which stress develops. This gives rise to the need to study the ability of students to cope with stress factors, the level of which affects the quality of their educational activities.

The purpose of this psychological study was to study the formation of stress tolerance in the student environment. The paper studies such characteristics as stressful sensations in behavioral, somatic, and emotional indicators (psychological stress scale); self-assessment of stress resistance; level of stress resistance; ways of «coping behavior» (coping mechanisms).

In the work, a bibliometric analysis of the problem was carried out, an empirical study was carried out. Thanks to the experiment, it was proved that for students there is a need for socio-psychological training, which is aimed at increasing stress resistance, reducing stress and tension levels according to appropriate coping strategies.

The methodological basis of the study was made up of approaches: a systematic, axiological approach, humanistically oriented. The research methods were theoretical analysis of scientific research; organizational methods; empirical methods: observation, psychodiagnostic methods.

Keywords: stress; stress resistance; conflict situations; self-regulation; personality; students; psychological support.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tarasova N.V., Timofeev N.S., Shamakina V.V. Features of the formation of stress resistance in the student environment (results of psychological study). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(2): 154–169 (In Russ.).

Received 31.03.2022

Accepted 11.05.2022

Published 30.06.2022

***

Введение

В обществе студенты считаются той группой людей, которая чаще всего подвергается влиянию факторов стресса. Объяснением является то что, деятельность студентов связана с психоэмоциональной и интеллектуальной нагрузками, которые требуют напряжения адаптив-

ных механизмов и могут увеличить вероятность появления дезадаптации.

Учебная деятельность является основной в юношеском возрасте, поэтому она предопределяет особенность осознания происходящих событий, которые нередко воспринимаются как трудные.

В годы студенчества для человека становятся приоритетными вопросы о

важности жизненных ценностей, осуществление в скором будущем перспективных целей. В дополнение, студенту приходится каждый день сталкиваться с различными бытовыми проблемами и учебными задачами [1, с. 190-200].

Состояние стресса в большинстве случаев возникает из-за реакции организма на происходящее, что объясняется объективными причинами. Профессиональная составляющая Я-концепции молодого специалиста во многом зависит от успешности принятия управленческих решений и решения конфликтных ситуаций [1, с. 175-183; 2, с. 20-30].

Таким образом, можно сделать вывод, что деятельностная составляющая у студенческой молодежи основывается на высоких психических и умственных нагрузках, которые в свою очередь могут привести к развитию дезадаптивных психических процессов. Многие исследователи отмечают снижение внимания, памяти, креативности вследствие снижения результативности функционирования центральной нервной системы. В результате стрессовые факторы сказываются как на успеваемости студентов, так и на построении эффективного процесса межличностного общения.

Причин возникновения стресса в период студенческой жизни много, одна из них – это кардинальные перемены. Студенту приходится привыкать к новому окружению, новому месту, новым порядкам. Связь со школьным кругом общения слабеет. Для некоторых причиной стресса может послужить тот факт, что студенту сложно осознать всю степень ответственности, которой в детстве было гораздо меньше.

Ведущей причиной стресса во время обучения в вузе является учебный стресс. Учебный стресс – это состояние, при котором происходит ухудшение работы умственной и эмоциональной характеристик организма, сильное перенапряжение тела, последствиями этого будет препятствие

личностного роста студента, возникновение заболеваний психики [3, с. 256-271].

По классификации В.Л. Леви, экзаменационный стресс определяют как кратковременный стрессор. Изменения на уровне физиологического и эмоционального состояния, которые вызывают стрессоры, могут быть довольно серьезными [4, с. 71-76].

Экзаменационный стресс происходит на уровне эмоционального напряжения. Психологический опыт и опрос студентов дает понять, что наибольшее количество из них испытывают наиболее повышенный стресс до и во время сессии. Последствия психологического напряжения сохраняются некоторое время после экзаменов.

По мнению Ганса Селье, стресс, приводящий к серьезным отрицательным результатам, негативно оказывающий влияние на психическое здоровье, можно определить как «дистресс».

Результаты и обсуждение

В настоящее время существует множество различных определений понятий «стресс» и «стрессоустойчивость». Данные понятия широко используются в психологической, социальной, физиологической и других областях. Рассмотрим некоторые из них на примере зарубежных и отечественных авторов.

В переводе с английского слово «stress» – означает напряжение, давление, нагрузка. То есть стресс можно определить как любой тип изменений, которые вызывают различные типы напряжения: физическое, эмоциональное или психологическое. Стресс подразумевается как реакция нашего организма на все, что требует какого-либо внимания или действий.

Немногим известен тот факт, что впервые понятия стресса в психологию и физиологию ввел американский психофизиолог Уолтер Кеннон. Он описал стресс как универсальную психологическую реакцию организма человека и назвал ее «бей или беги» [5, с. 96].

Ганс Селье в своих работах понимал физиологический стресс как синдром, связанный с общей адаптацией организма. Он описывает стресс, как «неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование» [6, с. 74-77].

Другими словами, на любое требование окружающей обстановки человека организм будет реагировать определенным для него напряжением. Проблема стресса заключается в том, что реакции на стресс могут проявляться неординарно, сдержанно либо вообще никак не проявиться. Ганс Селье обращал внимание на то, что стресс является обязательным компонентом в жизни человека и поэтому не стоит бояться его проявления.

Ю.Л. Александровский, говоря об адаптации, определяет ее как динамический процесс, при помощи которого, независимо от изменчивости условий, поддерживаются признаки, необходимые для жизни, развития и продолжительности рода. Благодаря механизму адаптации, сформированному в ходе эволюции, организм имеет возможность нормально существовать в постоянно изменяющихся условиях среды [7, с. 42-45].

Такие ученые, как Л.А. Китаев-Смык, Г.Н. Кассиль, М.Н. Русалова и некоторые другие определяли стресс как широкий ряд изменений в психике и поведении человека, наравне с ними происходили изменения физиологических, биохимических и других реакций [6, с. 48; 5, с. 23; 8, с. 55].

К.И. Погодаев считал, что стресс – это состояние, при котором происходит напряжение процессов метаболической адаптации, что в итоге ведет либо к защите организма, либо к его повреждению. При этом он учитывал влияние центральной нервной системы на развитие синдрома общей адаптации [8, с. 55-58].

Во всем мире уже прочно сформировался стереотип, что стресс – это всегда что-то негативное, отрицательное. Каждый человек хоть раз в жизни испытывал

стресс. И если спросить случайного прохожего о том, по какой причине у него возникал стресс, его ответом будет – неприятная ситуация. Но немногие в современном мире знают, что стресс бывает и положительным. В психологии существует два вида стресса – эустресс (положительный) и дистресс (отрицательный).

Эустресс характеризуется как «полезный стресс», физический, психологический (занятия спортом) или биохимический (участие в соревнованиях). Такой вид стресса всегда кратковременный, а реакция организма всегда будет положительная. Эустресс помогает конструктивно преодолеть стрессовые ситуации, также человек обретает полезный опыт, чтобы в будущем лучше справляться с подобными ситуациями. По мнению специалистов, эустресс в большинстве случаев не является угрозой для здоровья, наоборот, он способствует эффективной работе внутренних органов и систем организма. Адреналин, который выбрасывается в кровь во время «положительного стресса», повышает внимательность человека.

Дистресс – это деструктивный вид стресса, который может быть спровоцирован либо физическими факторами (травма, заболевание), либо сильным эмоциональным потрясением. Такой вид стресса имеет продолжительный срок действия, и чаще всего организм человека не в состоянии самостоятельно справиться с ним. Дистресс вызывает упадок сил, энергии, что в свою очередь мешает эффективно разрешить ситуацию, вызвавшую стресс. Многие специалисты определяют дистресс как болезнь адаптации личности (М.А. Падун, Е.А. Загрязская, Б.Б. Величковский и другие).

На данный момент психологи выделили несколько видов дистресса:

1. Физиологический. Определяется проявлением какой-либо угрозы извне. Причинами возникновения такого стресса, могут быть: получение травмы, голод,

воздействие на организм низких или высоких температур и др.

2. Психологический (эмоциональный). Напрямую влияет на психику человека. Причинами могут послужить обстоятельства, которые не связаны с реальностью (иллюзии, фантазии и другие).

3. Кратковременный. Естественная реакция организма на непредвиденные события, вызванная инстинктом самосохранения.

4. Нервный. Появляется из-за развития у человека тревожности, неврозов.

5. Хронический. Возникает вследствие постоянного негативного влияния.

Г. Селье в своей теории выделил три фазы реагирования на стресс:

1. Реакция тревоги. Характеризуется – активацией всех ресурсов организма, такую фазу также называют «адреналиновой фазой». В этот период человек способен выполнить различные действия, которые в обычном состоянии выполнить практически невозможно.

2. Фаза сопротивления. Во время этой фазы все системы организма пытаются вернуться в нормальное состояние.

3. Фаза истощения. В этот период стресс будет продолжаться длительное время. Организм начнет терять силы, способность борьбы со стрессом будет на минимальном уровне. Стадия истощения может вызвать проблемы со здоровьем и привести к стрессовым перегрузкам [6, с. 61-64].

Т.Г. Бохан была первой, кто описал стресс как системный амбивалентный по своей природе феномен и назвала его – «сверхадаптивным синдромом» Она предложила две модели стресса для самоорганизации человека:

1. Модель эустресса. Сравнивается с самодиагностикой системы, которая может определить новые показатели развития и обладает готовностью справляться со стрессором.

2. Модель дистресса. Характеризуется началом деструкции системы, которая не способна оставаться целостной под

влиянием факторов, которые препятствуют самореализации и саморазвитию [9, с. 47-50].

Основываясь на виде стресса и характере его влияния на организм, выделяют два вида стресса: психологический и физиологический.

Физиологический стресс – это естественная реакция организма на внезапное воздействие стрессоров, которые имеют физико-химический характер. В этом случае происходят нарушения в работе физиологических систем и человек начинает испытывать неприятные ощущения физиологического характера (снижается иммунитет, головные боли, усталость, раздражительность и другие).

Психологический стресс – это состояние высокого психологического напряжения, которое возникает вследствие того, что человек переживает сильные эмоции. Распространенными проявлениями данного стресса являются: нарушение нормальной работы психических и эмоциональных процессов, изменение двигательного и речевого аппарата, изменения в мотивационной деятельности.

Совокупность психических состояний во время стресса включает в себя такие группы, как:

– психические состояния. Связаны с процессом восприятия и переработкой информации стрессора (разочарование, отчаяние, раздражение, тревога, страх и др.);

– переживания психологической адаптации (тревога, интерес, напряженность и другие);

– психические состояния, возникающие при мобилизации ресурсов организма (мотивационные состояния, бодрствование, установка, и другие);

– эмоциональные состояния процесса психологической дезадаптации (депривация, утомление и другие).

Как отмечал Г. Селье: «Стресс–вкус жизни» [6, с. 61-64]. Последствия после стресса: как понизить, так и повысить сопротивляемость организма в момент не-

благоприятных ситуаций. Именно поэтому Г. Селье предложил два различных определения стресса: эустресс – положительный стресс, необходимый инструмент совладания с негативными воздействиями, дистресс – отрицательный стресс, механизм, наносящий ущерб организму.

Другими словами, эустресс является напряжением, которое помогает организму справляться с негативными эмоциями, а дистресс – излишнее напряжение, которое сводит к минимуму способности организма эффективно бороться со стрессом.

Главной особенностью стресса считается адаптация к нему, другими словами – стрессоустойчивость. Ю.А. Александровский и В.И. Лебедев определяли стрессоустойчивость как барьер психической адаптации [3, с. 67; 9, с. 130].

Стрессоустойчивость определяется как навык человека, при помощи которого легче противостоять неприятностям, проблемам. Это свойство организма обеспечивает выносливость при больших эмоциональных нагрузках, не нанося ущерб здоровью.

В психологическом словаре стрессоустойчивость определяется следующим образом: «набор личностных черт, определяющих устойчивость к различным видам стрессов. Стрессоустойчивость состоит из трех, связанных между собой компонентов:

- ощущение важности своего существования;
- чувство независимости и способности влиять на собственную жизнь;
- открытость и интерес к изменениям, отношение к ним не как к угрозе, а как к возможности развития» [10, с. 138-140].

С.В. Субботин характеризует стрессоустойчивость как совокупность определенных факторов. Автор отмечает, что в их число входят психологическая и эмоциональная устойчивость к стрессу, фрустрационная толерантность и стрессрезистентность [11, с. 39-41].

А.А. Баранов понимает под стрессоустойчивостью единичный случай психической устойчивости организма, которая появляется при воздействии на него разнообразных стрессогенов [12, с. 78-80].

Б.Х. Варданян определяет стрессоустойчивость как «свойство личности, обеспечивающее гармоничное отношение между всеми компонентами психической деятельности в эмоциогенной ситуации и, тем самым, содействующее успешному выполнению деятельности» [13, с. 13-14].

П. Б. Зильберман рассматривает стрессоустойчивость через призму отсутствия адекватного воссоздания изменившейся ситуации, показывающей, в свою очередь, недостаток гибкости, приспособляемости. Стрессоустойчивость, по мнению автора, «...интегративное свойство личности, характеризующееся таким взаимодействием эмоциональных, волевых, интеллектуальных и мотивационных компонентов психической деятельности индивидуума, которое обеспечивает оптимальное успешное достижение цели деятельности в сложной эмотивной обстановке» [14, с. 66-67].

Е. А. Милерян стрессоустойчивость видит в эмоциональной устойчивости и контроле своих собственных эмоций [15, с. 126].

Н. Н. Данилова определяет под стрессоустойчивостью способность выдерживать длительные нагрузки и адекватно решать задачи в экстремальных ситуациях [16, с. 269].

В.А. Плахтиенко и Н.И. Блудов рассматривают стрессоустойчивость в соответствии с типом темперамента. В зависимости от данного свойства темперамента можно продуктивно выполнять деятельность задачи, связанные с рациональным использованием эмоциональных, нервно-психических резервов [17, с. 82].

Т.В. Черникова отмечает, что стрессоустойчивость может выступать в роли статической направленности эмоций на конструктивное ведущих задач [18, с. 155].

Одни исследователи (Л. Г. Дикая, О. А. Конопкин, В. И. Моросанова, Р.Р. Сагиев) основой стрессоустойчивости считают саморегуляцию человека, которая состоит из определенных компонентов и которые стилистически разнообразны.

Ряд авторов (Р. Лазарус, Л. Мерфи, Д. Амирхан, Н. Сирота, С. Фолкман) рассматривают стрессоустойчивость как некий эмоционально устойчивый механизм, позволяющий преодолеть стресс за счет копинг-стратегий и механизмов психологической защиты. Данных копинг-стратегий существует восемь видов:

- Конфронтационный копинг;
- Дистанцирование;
- Самоконтроль;
- Поиск социальной поддержки;
- Принятие ответственности;
- Бегство-избегание;
- Планирование решение проблемы;
- Позитивная переоценка.

Под копинг-стратегией при этом понимаются некие психологические механизмы, связанные с процессом адаптации личности в стрессовой ситуации.

Р. Лазарус и С. Фолкман, являясь приверженцами транзактного анализа, впервые ввели в научный оборот понятие «копинг-стратегия» [19, с. 38-40]. Согласно предложенной модели, стрессовые реакции, весь переживаемый спектр эмоций выступают в качестве результата тесного процесса взаимодействия среды и самой личности человека. Постепенно понятие «копинг-стратегия» стало включать в себя и другие элементы: ряд действенных приемов для борьбы с ежедневным стрессом, а не только поведенческие реакции в чрезвычайных ситуациях.

Однако смысловое понимание данного понятия не изменилось. Под «копинг-стратегией», как и прежде, рассматривали умственные (когнитивные) и поведенческие стремления, которые человек активно использует для разрешения конфликтных ситуаций между ним и средой, в которой он находится.

Ряд авторов, такие например, как А. Биллингс, Р. Моос рассматривают копинг через призму постоянных личностных характеристик, которые использует человек как некие ответные варианты на возникающие стрессовые ситуации. Авторы выделяют три ведущие способа в поведенческих реакциях личности на стрессовую ситуацию: оценка ситуации, вмешательство в ситуацию, избегание [20, с. 211-215].

На сегодняшний день понятие «копинг-стратегия» имеет в научном обороте большое количество трактовок. Так, например, чаще всего оно рассматривается как синоним «копинг-поведения», и трактуется через призму трансформирующих усилий личности, основной целью которых выступает управление внешними и внутренними факторами, оказывающими роль стрессогенов и вызывающими напряжение и дискомфорт человека. «Копинг-поведение» стало использоваться не только для характеристики поведенческих реакций в экстремальных ситуациях, но и при непрерывных стрессах в повседневной жизни.

Многие авторы подчеркивают, что само копинг-поведение регулируется посредством воплощения копинг-стратегий, базирующихся, в свою очередь, на личностных и средовых копинг-ресурсах. Таким образом, можно отметить, что под копинг-стратегиями чаще всего рассматриваются осознанные способы разрешения, выхода из стрессовых, дискомфортных для личности ситуаций.

Можно выделить некоторые классификации, в основе которых лежит рассмотрение понятия «копинг-стратегия» и «копинг-поведение».

Так, Р. Лазарус и С. Фолкман классифицировали копинг-стратегии по двум основным направлениям: проблемно-фокусированные стратегии и эмоционально-фокусированные стратегии [19, с. 38-40].

Л. Перлин, С. Шулерс выделили такие стратегии, как: при рассмотрении проблемы изменить способ ее видения;

изменение проблемы; эмоциональная стратегия.

Р. Моос, Д. Шеффер в своей классификации рассматривают три вида копинг-стратегий: нацеленные на оценку (установление значимости возникшей дискомфортной ситуации непосредственно для самого человека); нацеленные на конкретную проблему (анализ самой ситуации, поиск и нахождение наиболее эффективного решения, а также адекватные поведенческие реакции, связанные с преодолением самого стресса); нацеленные на эмоции (поддержка своего эмоционального состояния и контроль чувств) [21, с. 14].

Таким образом, рассмотренные классификации базируются на рассмотрении эмоциональной и поведенческой составляющей в направленности личности при использовании той или иной копинг-стратегии.

И.М. Никольская, Р.М. Грановская предлагают представить копинг-стратегии в виде некоторых групп, основываясь на таких критериях при классификации, как поведение, осознание и «работа с подавленным» [22, с. 280].

Е. Коплик в основе своей периодизации копинг-стратегий заложил принцип двух ведущих стратегий: поиск социальной поддержки и бегство-избегание [23, с. 3].

Некоторые исследователи предлагают разделить копинг-стратегии на две группы механизмов совладания: эффективные и неэффективные. Эффективные – это те, которые помогают разрешить проблему, а неэффективные – это, те которые не пытаются справиться с проблемой, избегая ее.

Э. Фрайденберг, Р. Льюис ведущие 18 копинг-стратегий описывают через три основные категории: обращение за помощью к другим (через содействие, поддержку ближайшего окружения, например, друзей, родственников, родителей и т.д.); неэффективный копинг (поведение, характеризующееся выбором та-

кой стратегии, когда человек сознательно избегает решения трудной ситуации, так как просто не в состоянии найти способ выхода из нее); эффективный копинг (человек старается найти решение возникшей проблемной ситуации, причем применяет при этом такие личностные характеристики, как решимость и оптимизм) [11, с. 39-41].

Выделяют несколько уровней обобщенности действий человека для преодоления стресса: копинг-стили, копинг-стратегии, копинг-поведение, копинг-действия. Копинг-действия (мысли, чувства, действия человека) нередко организовываются в копинг-стратегии, то есть, способы управления стрессогенным фактором, которые появляются как ответная реакция человека на существующую угрозу или травмирующую ситуацию. Копинг-стратегии модифицируются в копинг-стили.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что человек для того чтобы найти способ справиться со стрессом или решить проблему, основывается на своем личном пережитом опыте, тем самым использует копинг-стратегии, характерные только для него.

Цель нашего исследования – изучение формирования стрессоустойчивости в студенческой среде.

В исследовании приняли участие 110 студентов, обучающихся в ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет». В эксперименте принимали участие респонденты первых, вторых, третьих курсов таких направлений подготовки, как 37.03.02 Конфликтология, 07.03.01 Архитектура, 10.03.01 Информационная безопасность, 40.03.01 Юриспруденция. Возраст испытуемых 18-22 года, из них – 62 человека – юноши, 48 опрошенных – девушки.

Для данного эмпирического исследования были использованы следующие методики:

- *Тест самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона.*

Данный тест помогает выявить уровень стрессоустойчивости к различного рода событиям и факторам тестируемых. В конечном результате уровень может оцениваться как: отличный, хороший, удовлетворительный, плохой или же очень плохой. Тест представлен в виде десяти вопросов. Тестируемым необходимо прочитать внимательно вопросы и выбрать наиболее подходящий по их мнению ответ.

• *Шкала психологического стресса PSM – 25 Лемура-Тессье-Филлиона (Lemur-Tessier-Fillion)* изначально была разработана во Франции, а позже ее перевод появился в таких странах, как Испания, Англия и Япония. Целью данной методики является измерение стрессовых ощущений в поведенческих, соматических и эмоциональных показателях. В ходе работы над методикой, перед авторами стояла цель устранить недостатки в классических методах оценки стрессовых состояний. Классические методы в основном только косвенно измеряли психологический стресс через стрессоры, депрессию, проявления тревожности и др. Таким образом, Лемур–Тессье–Филлион разработал опросник, который оценивает состояние человека в момент переживания им стресса. Вопросы сформулированы для возрастной категории людей в промежутке от 18-ти до 65-ти лет, а также методика применима к различным профессиональным группам. Все это позволяет считать методику универсальной, независимо от возраста и профессии.

• *Тест «Анализ стиля жизни» (Бостонский тест на стрессоустойчивость)* был разработан учеными из Медицинского центра Университета Бостона. Тест содержит 20 утверждений, которые связаны с образом жизни, окружа-

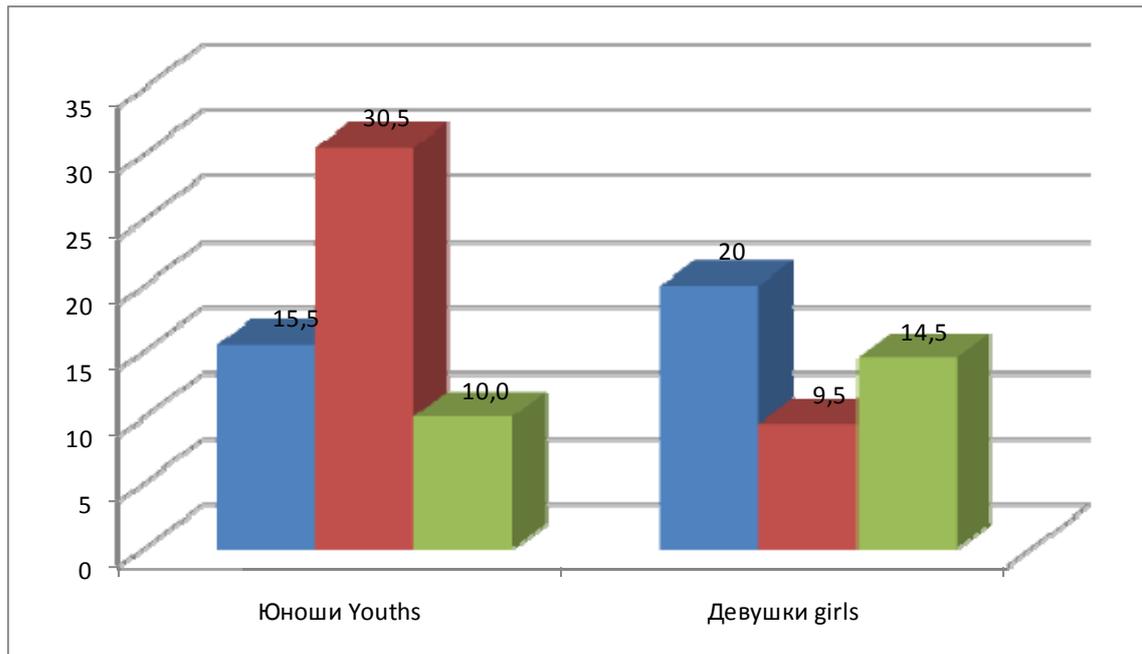
ем, здоровьем и внутренним состоянием. Таким образом, данная методика помогает определить уровень стрессоустойчивости.

• *Опросник «Способы совладающего поведения»* Р. Лазаруса и С. Фолкман, адаптированный Т.Л. Крюковой, Е.В. Куптяк предназначен для определения копинг-механизмов, способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности, копинг-стратегий. Данный опросник считается первой стандартной методикой в области измерения копинга. Методика была разработана Р. Лазарусом и С. Фолкманом в 1988 году, адаптирована Т.Л. Крюковой, Е.В. Куптяк, М.С. Замышляевой в 2004 году.

Совладание со стрессовыми факторами напрямую зависит от трансформирующихся когнитивных и поведенческих стремлений человека. При этом ведущей целью личности выступает управление внешними и внутренними факторами, которые воспринимаются человеком в диаде: подвергающие его трудностям, заставляющими справляться с проблемой или превосходящие его личностные ресурсы.

Главная задача совладания при этом рассматривается либо в преодолении возникших жизненных трудностей, либо в снижении их деструктивных последствий, либо в стремлении избежать данных проблемных ситуаций; либо в формировании умения продолжительное время справляться с данным психическим напряжением.

Используя методику «Шкала психологического стресса PSM-25», нами был установлен уровень стресса студентов. Полученные эмпирические данные представлены на рис. 1.

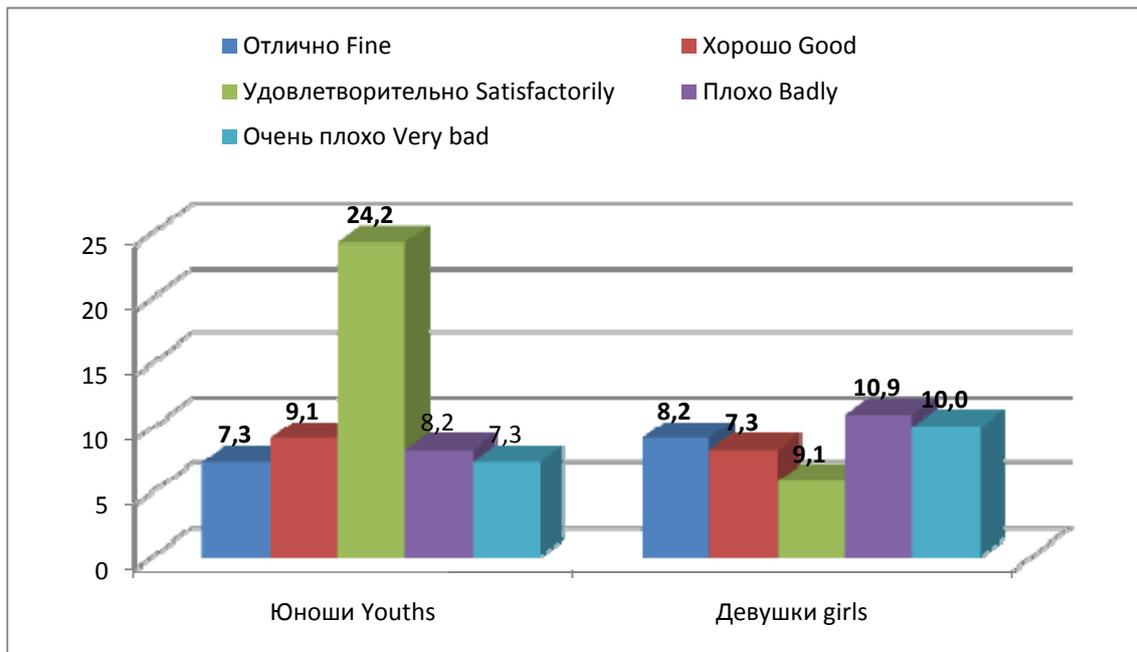

Рис. 1. Уровень психологического стресса у студентов

Fig. 1. The level of psychological stress among students

Анализируя полученные результаты, можно сказать что большая часть опрошенных студентов (40,0%) определяет свой уровень стресса как средний. Высокий уровень стресса был выявлен у

35,5% опрошенных – это 15,5% юноши и 20% девушек. Низкий уровень стресса был отмечен у 24,5% студентов (10,0% юношей и 14,5% девушек).

Рис. 2. Уровень стрессоустойчивости респондентов

Fig. 2. The level of stress resistance of respondents

Анализируя результаты уровня стрессоустойчивости респондентов («Тест самооценки стрессоустойчивости» С. Коухена и Г. Виллиансона, рис. 2), можно отметить, что большая часть опрошенных (30,0%) имеют удовлетворительный показатель реагирования в стрессовых ситуациях, из них 24,2% это юноши и 5,8% – девушки. Низкий уровень стрессоустойчивости в общей сумме был равен

36,4%: «плохо» – 19,1% и «очень плохо» – 17,3%. Высокие результаты были у небольшого количества студентов – «хорошо» – 17,3% и «отлично» – 16,4%.

Эмпирические данные, полученные в ходе обработки результатов теста «Анализ стиля жизни» (Бостонский тест на стрессоустойчивость) представлены на рис. 3.

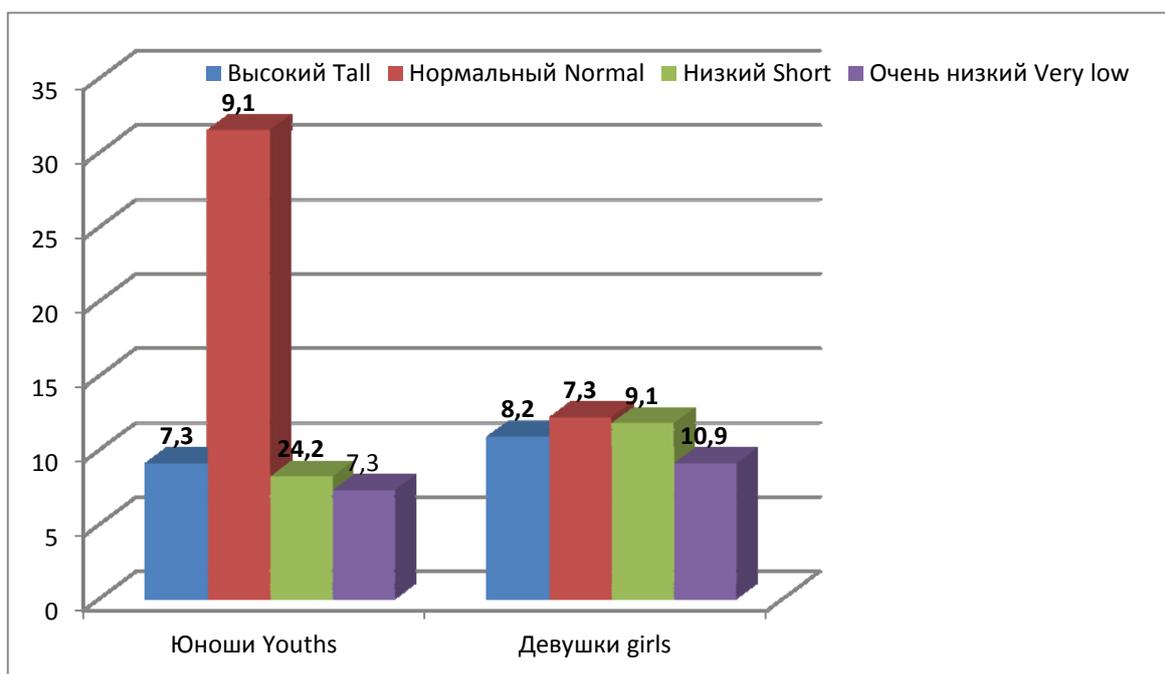

Рис. 3. Анализ результатов по стилю жизни опрошенных

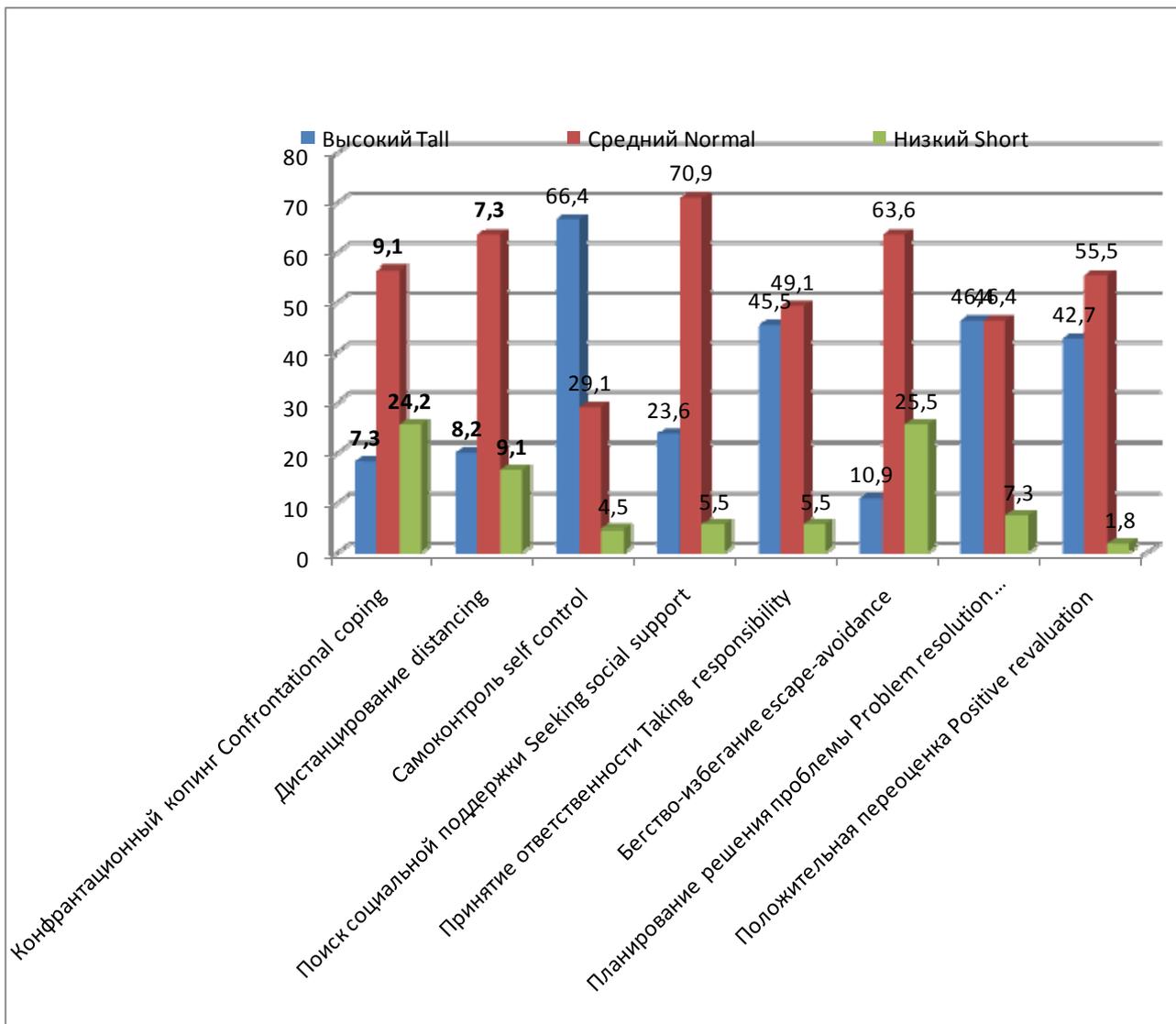
Fig. 3. Analysis of the results by the lifestyle of the respondents

По результатам теста видно, что 43,6% опрошенных имеют нормальный уровень стресса, из них 31,5% – юноши и 12,2% – девушки. Низкие показатели были выявлены у 20% студентов, при таких результатах стоит задуматься о методах борьбы со стрессом. Высокий уровень стресса оказался у 20% опрошенных студентов, с очень низким показателем стресса было 16,4%.

При обработке результатов по тесту «Способы совладающего поведения»

Р. Лазаруса и С. Фолкман, адаптированного Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтыак изученный уровень напряженности опрошенных, способы преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности, был наглядно представлен по восьми разным копингам.

Полученные эмпирические данные представлены на рис. 4 и в табл. 1.

Рис. 4. Уровень напряженности по копинг-стратегиям

Fig. 4. Tension level by coping strategies

Большая часть испытуемых показала повышенный уровень напряженности по стратегиям «Самоконтроль» (66,4%), «Принятие ответственности» (45,5%), «Планирование решение проблемы» (46,4%) и «Положительная переоценка» (42,7%). Низкие уровни напряженности у испытуемых наблюдались по копинг-стратегиям «Конфронтация» (25,5%),

«Бегство-избегание» (25,5%) и «Дистанцирование» (16,4%).

Анализ результатов, полученных в результате проведения психологической диагностики, показал, что около половины опрошенных не умеют эффективно противостоять стрессу, имеют повышенный уровень напряженности.

Таблица 1. Уровни напряженности по восьми разным копингам**Table 1.** Tension levels for eight different copings

№	Копинг-стратегия /Coping strategy	%
1	Конфронтационный копинг	25
2	Дистанционирование	16
3	Самоконтроль	4
4	Поиск социальной поддержки	5
5	Принятие ответственности	6
6	Бегство-избегание	25
7	Планирование решение проблемы	7
8	Положительная переоценка	2

На основе полученных эмпирических данных можно сделать вывод о необходимости использования психологических способов обучения студентов конструктивному преодолению стрессовых ситуаций, эффективным тактикам разрешения проблем. На наш взгляд, наиболее оптимальным способом снижения уровня стресса и уровня напряженности по соответствующим копинг-стратегиям, безусловно, будет являться проведение социально-психологического тренинга, направленного на повышение стрессоустойчивости личности.

Выводы

Во время обучения в вузе у студенческой молодежи особо остро возникает проблема сохранения психического здоровья. Стрессовые ситуации у студентов возникают из-за различных причин, например, огромное количество новой информации, сложности с усвоением учебного материала, конфликты с преподавателями, нехватка времени для сдачи экзаменационной сессии. Это сказывается на их психологическом и физическом состоянии.

Устойчивость к каждодневным стрессорам выступает ведущим фактором высокой работоспособности, конструктивного межличностного взаимодействия, понимания и способности вносить кор-

рективы в собственные поведенческие реакции в стрессовых ситуациях.

Стрессоустойчивость в настоящее время рассматривается как единое, собирательное свойство личности, включающее в себя целый комплекс волевых, эмоциональных, когнитивных и мотивационных составляющих психической деятельности. Именно способность противостоять стрессогенам обеспечивает реализацию поведенческих задач, выполняемых в экстремальной ситуации.

«Совладание» с жизненными проблемами, грамотное разрешение конфликтных ситуаций – это постоянно модифицирующиеся интеллектуальные и поведенческие усилия человека, направленные на управление внешними и (или) внутренними факторами. Причем оценка данных факторов происходит через рассмотрение их как испытание, которое необходимо преодолеть, либо как неразрешимой проблемы, которую можно только избежать.

Нами было проведено психологическое эмпирическое исследование по изучению формирования стрессоустойчивости среди студентов, в ходе которого были изучены стрессовые ощущения в поведенческих, соматических и эмоциональных проявлениях, рассмотрена самооценка стрессоустойчивости студентов, проанализирован уровень их стрессоустойчивости, изучены ведущие способы «совладающего поведения» (копинг-ме-

ханизмы). Анализ эмпирических данных свидетельствует, что большинство испытуемых не умеют эффективно противостоять стрессогенам, и, как следствие, имеют высокий уровень личностной напряженности и низкий показатель стрессоустойчивости.

Наиболее эффективным средством работы со стрессовыми факторами, фор-

мирования стрессоустойчивости у студентов, на наш взгляд, является психологический тренинг. Тренинг – это универсальный метод, направленный на изменение определенных характеристик человека, который способствует его личностному развитию.

Список литературы

1. Либина А.В. Стили реагирования на стресс: психологическая защита или совладание со сложными обстоятельствами? // *Стиль человека: психологический анализ*. М.: Смысл, 1998. 307 с.
2. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behaviour» в системе понятий психологии личности // *Психологический журнал*. 1998. Т. 18. №5. С. 30.
3. Столяренко Л.Д. Психология. Р.-на-Д.: Феникс, 2004. 448 с.
4. Леви В.Л. Приручение страха. М.: Метафора, 2010. 192 с.
5. Кэннон У.К. Телесные изменения в боли, голоде, страхе, страхе и ярости. Нью-Йорк, 1915. 211 с.
6. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979. 124 с.
7. Александровский Ю.А. Состояние психической дезадаптации и их компенсация. М.: Наука, 1976. 173 с.
8. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Наука, 1983. 215 с.
9. Кассиль Г.Н. Внутренняя среда организма. М.: Наука, 1983. 235 с.
10. Русалова М.Н. Экспериментальные исследования эмоциональных реакций человека. М.: Наука, 1979. 307 с.
11. Погодаев К.И. К биологическим основам «стресса» и «адаптационного синдрома» // *Актуальные проблемы стресса*. Кишинев – Штиинца, 1976. 411 с.
12. Бохан Т.Г. Психология стресса: системный подход. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 140 с.
13. Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. М.: Политиздат, 1989. 303 с.
14. Кондратенко Т.Н. Психология студенчества. М.: Академия, 2010. 268 с.
15. Субботин С.В. Устойчивость к психическому стрессу как характеристики метаиндивидуальности учителя: дис. канд. психол. наук: 19.00.07. Пермь, 1992. 152 с.
16. Баранов А.А. Психологическая стрессоустойчивость и мастерство педагога: теоретические и прикладные аспекты: автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2002. 41 с.
17. Варданян Б.Х. Механизмы регуляции эмоциональной устойчивости. Категории, принципы и методы психологии. Психические процессы. М.: Лань, 2001. 543 с.
18. Зильберман П.Б. Эмоциональная устойчивость оператора // *Очерки психологии труда оператора*. М., 1975. 217 с.
19. Милерян Е.А. Психология формирования общетрудовых политехнических умений. М.: Педагогика, 1973. 299 с.
20. Данилова Н.Н. Психофизиология. М.: Аспект пресс, 2001. 372 с.
21. Плахтиенко В.А. Надежность в спорте. М.: Физкультура и спорт, 1983. 176 с.
22. Черникова Т.В. Гуманитарная психология образования. М.: Междунар. пед. акад., 2001. 216 с.

23. Lazarus R.S. Stress, appraisal and coping. N.Y.: Springer Publishing House, 1984. 141 p.
24. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога. М.: Владос, 1999. 368 с.
25. Церковский А.Л. Современные взгляды на проблему стрессоустойчивости // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2011. № 1. Т. 10. 30 с.
26. Кулагина И.Ю. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. М.: Сфера, 2005. С. 280-315.
27. Хвалица С.А. Экзаменационный стресс // Бюллетень медицинских интернет-конференций. Саратов, 2013. Вып. 2. 4 с.

References

1. Libina A.V. Stili reagirovaniya na stress: psihologicheskaya zashchita ili sovladanie so slozhnymi obstoyatel'stvami? [Stress response styles: psychological protection or coping with difficult circumstances?]. *Stil' cheloveka: psihologicheskij analiz* [Human Style: Psychological Analysis]. Moscow, Smysl Publ., 1998. 307 p.
2. Nartova-Bochaver S.K. "Coping behaviour" v sisteme ponyatij psihologii lichnosti ["Copying behavior" in the system of concepts of personality psychology]. *Psihologicheskij zhurnal = Psychological Journal*, 1998, vol. 18, no. 5, p. 30.
3. Stolyarenko L.D. *Psihologiyay* [Psychology]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2004. 448 p.
4. Levi V.L. *Priruchenie straha* [Taming Fear]. Moscow, Metafora Publ., 2010. 192 p.
5. Kennon U.K. *Telesnye izmeneniya v boli, golode, straxe, straxe i yarosti* [Bodily changes in pain, hunger, Fear, fear and rage]. N'yuJork, 1915. 211 p.
6. Sel'e G. *Stress bez distressa* [Stress without distress]. Moscow, Progress Publ., 1979. 124 p.
7. Aleksandrovskij Yu.A. *Sostoyanie psihicheskoy dezadaptacii i ih kompensaciya* [The state of mental maladaptation and their compensation]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 173 p.
8. Kitaev-Smyk L.A. *Psihologiya stressa* [Psychology of stress]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 215 p.
9. Kassil' G.N. *Vnutrennyaya sreda organizma* [The internal environment of the body]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 235 p.
10. Rusalova M.N. *Eksperimental'nye issledovaniya emocional'nyh reakcij cheloveka* [Experimental studies of human emotional reactions]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 307 p.
11. Pogodaev K.I. K biologicheskim osnovam "stressa" i "adaptacionnogo sindroma" [To the biological foundations of "stress" and "adaptation syndrome"]. *Aktual'nye problemy stressa* [Actual problems of stress]. Kishinev – Shtiinca, 1976. 411 p.
12. Bohan T.G. *Psihologiya stressa: sistemnyj podhod* [Stress psychology: a systematic approach]. Tomsk, Izdatel'skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2019. 140 p.
13. Lebedev V.I. *Lichnost' v ekstremal'nyh usloviyah* [Personality in extreme conditions]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 303 p.
14. Kondratenko T.N. *Psihologiya studenchestva* [Psychology of students]. Moscow, Akademiya Publ., 2010. 268 p.
15. Subbotin S.V. *Ustojchivost' k psihicheskomu stressu kak harakteristiki metaindividual'nosti uchitelya*. Diss. kand. psihol. nauk. [Resistance to mental stress as characteristics of a teacher's meta-individuality. Cand. philol. sci. diss.]. Perm', 1992. 152 p.
16. Baranov A.A. *Psihologicheskaya stressoustojchivost' i mastretstvo pedagoga: teoreticheskie i prikladnye aspekty*. Avtoref. dis. dokt. psihol. nauk [Psychological stress resistance and teacher's skills: theoretical and applied aspects. Dr. psychol. sci. diss. abstract]. St. Petersburg, 2002. 41 p.

17. Vardanyan B.H. *Mekhanizmy regulyatsii emocional'noj ustojchivosti. Kategorii, principy i metody psixologii. Psihicheskie process* [Mechanisms of regulation of emotional stability. Categories, principles and methods of psychology. Mental processes]. Moscow, Lan' Publ., 2001. 543 p.
18. Zil'berman P.B. *Emocional'naya ustojchivost' operatora* [Emotional stability of the operator] *Ocherki psixologii truda operatora* [Essays on the psychology of the operator's work]. Moscow, 1975. 217 p.
19. Mileryan E.A. *Psihologiya formirovaniya obshchetrudovyh politekhnicheskikh umenij* [Psychology of the formation of general labor polytechnic skills]. Moscow, Pedagogika Publ., 1973. 299 p.
20. Danilova N.N. *Psihofiziologiya* [Psychophysiology]. Moscow, Aspekt press Publ., 2001. 372 p.
21. Plahtienko V.A. *Nadezhnost' v sporte* [Reliability in sports]. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1983. 176 p.
22. Chernikova T.V. *Gumanitarnaya psixologiya obrazovaniya* [Humanitarian psychology of education]. Moscow, Mezhdunar. ped. akad. Publ., 2001. 216 p.
23. Lazarus R.S. *Stress, appraisal and coping*. N.Y.: Springer Publishing House, 1984. 141 p.
24. Rogov E.I. *Nastol'naya kniga prakticheskogo psixologa* [A practical psychologist's handbook]. Moscow, Vldos Publ., 1999. 368 p.
25. Cerkovskij A.L. *Sovremennye vzglyady na problemu stressoustojchivosti* [Modern views on the problem of stress resistance]. *Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta = Bulletin of the Vitebsk State Medical University*, 2011, no. 1, vol. 10, 30 p.
26. Kulagina I.Yu. *Vozrastnaya psixologiya: Polnyj zhizennyj cikl razvitiya cheloveka* [Age psychology: The full life cycle of human development]. Moscow, Sfera Publ., 2005, pp. 280-315.
27. Hvalina S.A. *Ekzamenacionnyj stress* [Exam stress]. *Byulleten' medicinskih internetkonferencij = Bulletin of medical Internet conferences*. Saratov, 2013, is 2, p. 4.

Информация об авторах / Information about the Authors

Тарасова Надежда Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры коммуникологии и психологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: nadia-79@bk.ru

Nadezhda V. Tarasova, Cand. of Sci. (Pedagogical), Professor of the Department of Communology and Psychology, Southwestern State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: nadia-79@bk.ru

Тимофеев Никита Сергеевич, преподаватель кафедры коммуникологии и психологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: timofeew-kursk@yandex.ru

Nikita S. Timofeev, Teacher, Department of Communology and Psychology, Southwestern State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: timofeew-kursk@yandex.ru

Шамакина Виктория Владимировна, бакалавр кафедры коммуникологии и психологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: KGTUP@mail.ru

Victoria V. Shamakina, Bachelor, Department of Communology and Psychology, Southwestern State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: KGTUP@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 159.922

Развитие эмоционального интеллекта в контексте проблемы формирования личности**Т. В. Иванова¹ ✉, С. В. Ильина²**

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

²Курский государственный университет
ул. Радищева, д. 33, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉ e-mail: mk473942@yandex.ru

Резюме

Цель исследования. Значение эмоционального интеллекта в контексте формирования личности подтверждается работами российских и зарубежных ученых в последние десятилетия. Развитие эмоционального интеллекта дошкольников, на наш взгляд, является прочной основой формирования его личности, успешной социализации. Целью нашего исследования является изучение некоторых аспектов эмоционального интеллекта старших дошкольников. В статье исследованы когнитивный и эмоциональный компоненты эмоционального интеллекта. Показана взаимосвязь уровня развития эмоционального интеллекта и некоторых сторон поведения старших дошкольников.

Методы. В работе использовались проективные методы исследования и тестирование. Мы применяли следующие методики: методику «Домики» О.А. Ореховой и методику «Изучение социальных эмоций» Урунтаевой Г.А.

Результаты. В процессе эмпирического исследования было выявлено, что подавляющее большинство детей, участвовавших в исследовании, имеет недостаточный уровень развития социальных эмоций. Эти дети продемонстрировали ограниченность представлений о социальных эмоциях, что может привести к проблемам в построении отношений с окружающей действительностью, социумом, основные ошибки в дифференциации эмоций были сделаны детьми в блоках межличностного взаимодействия и потенциальной агрессии. В то же время исследование показало, что дети умеют сострадать, сопереживать, стремятся помочь другому, учатся радоваться за друзей. Наиболее дифференцированными были ответы детей в отношении ситуаций со сверстниками. Основные затруднения дошкольников связаны не столько с отсутствием представлений о социальных эмоциях, сколько с их дифференциацией и готовностью проявлять.

Заключение. Таким образом, развитие эмоционального интеллекта детей должно реализовываться одновременно с оптимизацией взаимоотношений старших дошкольников.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; личность; дошкольники; эмоциональное состояние; социальные эмоции.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Иванова Т. В., Ильина С. В. Развитие эмоционального интеллекта в контексте проблемы формирования личности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 2. С. 170-177.

Статья поступила в редакцию 31.03.2022

Статья подписана в печать 15.04.2022

Статья опубликована 30.06.2022

© Иванова Т. В., Ильина С. В., 2022

Development of Emotional Intelligence in the Context of the Problem of Personality Formation

Tatyana V. Ivanova¹✉, Svetlana V. Ilina²

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

² Kursk State University
33 Radishchev str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: mk473942@yandex.ru

Abstract

Purpose of research. Emotional intelligence development of preschoolers, in our opinion, is a solid basis for future personality formation and successful socialization.

The purpose of our research is to examine some aspects of emotional intelligence in older preschoolers.

Cognitive and emotional components of emotional intelligence are under consideration. In The relationship between the level of emotional intelligence development and some aspects of senior preschoolers behavior is shown.

Methods. Projective research methods and testing are the main ones used in the work. We applied the following methodologies: the "Houses" technique worked out by O.A. Orekhova and the "Study of social emotions" technique proposed by G.A. Uruntaeva.

Results. An empirical study revealed that the vast majority of children participating in the study had an insufficient level of social emotion. These children demonstrated limited perceptions of social emotions, what can lead to problems in building relationships with the surrounding reality, society, major errors in differentiating emotions were made by children in blocks of interpersonal interaction and potential aggression.

At the same time, the study showed that children are able to have compassion, empathize, strive to help others, learn to rejoice for friends. The most differentiated responses of children were in relation to situations with peers.

The study showed that the main difficulties of preschoolers are associated not so much with the lack of ideas about social emotions, as with their differentiation and willingness to show.

Conclusion. Thus, the development of children's emotional intelligence should be implemented simultaneously with the optimization of relationship among older preschoolers.

Keywords: emotional intelligence; personality; preschoolers; emotional state; social emotions.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ivanova T.V., Ilina S.V. Development of Emotional Intelligence in the Context of the Problem of Personality Formation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(2): 170–177 (In Russ.).

Received 31.03.2022

Accepted 15.04.2022

Published 30.06.2022

***

Введение

Вопрос успешной личности на сегодняшний день не теряет своей актуальности, а, напротив, активно обсуждается и приобретает все большую значимость. Успешной, востребованной личностью в современном обществе становится личность, способная продуктивно выстраивать взаимоотношения с окружающими людьми, эффективно разрешать конфликт-

ные ситуации, контролировать свои эмоциональные проявления и т.д. Зачастую эти способности сопоставляются с высоким уровнем развития эмоционального интеллекта (EQ). И.Н. Андреева считает эмоциональный интеллект системным проявлением способностей к анализу, обработке и использованию эмоциональной информации и называет его частью социально-практического интеллекта. Автором построена модель эмоционального

интеллекта, куда входят следующие уровни: эмоциональный интеллект индивида, эмоциональный интеллект субъекта деятельности, эмоциональный интеллект личности [1, 2]. И.Н. Андреева показывает связи эмоционального интеллекта с общим интеллектом, с адаптивностью, принятием себя и принятием других, креативностью [1, 2]. Таким образом, эмоциональный интеллект представляет собой когнитивно-личностное образование с наиболее выраженным когнитивным компонентом, как совокупность умственных способностей к пониманию эмоций и управлению ими, а также знаний, умений, навыков, операций и стратегий интеллектуальной деятельности, связанных с обработкой и преобразованием эмоциональной информации.

Поскольку дошкольный возраст принято рассматривать как период интенсивного развития личности, временем зарождения ее базиса, то становится очевидно, что формирование эмоционального интеллекта является актуальной задачей, которая решается в этом возрасте.

Кроме того, в дошкольном возрасте решается еще одна важная задача, а именно, задача социализации дошкольников. Вхождению ребенка в социум способствует его общение в различных общностях и в социальных институтах. Эффективное взаимодействие подразумевает возможность регуляции эмоциональных состояний и выстраивание своего поведения с учетом эмоций коммуникативного партнера. Таким образом, успешная социализация личности не возможна без развития способностей к пониманию себя и другого человека. Все перечисленное демонстрирует, что решение задач социализации дошкольников невозможно без развития их эмоционального интеллекта.

Такие актуальные тенденции современного общества транслируются в систему образования и отражаются в нормативной документации. Так, например, в ФГОС ДО среди образовательных областей обозначена такая область, как «со-

циально – коммуникативное развитие». Основной целью этого направления является позитивная социализация детей дошкольного возраста, приобщение их к социокультурным нормам, традициям семьи, общества и государства. Подчеркнем, что в перечне задач данной области обозначено «...развитие социального и эмоционального интеллекта, эмоциональной отзывчивости, сопереживания, формирование готовности к совместной деятельности со сверстниками, формирование уважительного отношения и чувства принадлежности к своей семье и к сообществу детей и взрослых в Организации»¹.

Таким образом, становится очевидным, что различные аспекты развития эмоционального интеллекта детей дошкольного возраста остаются актуальными проблемами современных психолого-педагогических исследований (Дж. Мейер, М.А. Нгуен, П. Сэловей, А.И. Савенков, Е. Л. Яковлева, И. Н. Андреева, Р. Бар-Он, Д. Гоулмен, Д. Карусо, Д. В. Ушаков, Д. В. Люсин и др.). В обобщенном виде можно говорить об эмоциональном интеллекте как о способности различать и понимать эмоциональные состояния и управлять ими, использовать эмоции для повышения эффективности общения. Эмоциональный интеллект включает в себя внутриличностный аспект как умение управлять собственными эмоциями, и межличностный аспект как умение распознавать эмоции окружающих.

Анализируя разнообразные модели, К.В. Петридес и Э. Фёрнхем пришли к выводу, что в современных подходах эмоциональный интеллект трактуется либо как способность, либо как черта личности.

Нам импонирует подход А.И. Савенкова, который подчеркивает необходи-

---

¹ Федеральный Государственный образовательный стандарт дошкольного образования: утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 октября 2013г., №1155. М., 2013.

мость рассмотрения эмоционального интеллекта в контексте социальных взаимодействий. Он предлагает собственную модель эмоционального интеллекта, структура которого складывается из трех компонентов: когнитивный, регуляторный и поведенческий. Эти компоненты предполагают знания эмоциональных состояний, социальную интуицию и прогнозирование, эмпатию, эмоциональный контроль, способность к взаимодействию и т.д. [3].

Исследования И. О. Карелиной, А. О. Куракиной, И.В. Фаустовой, И.В. Шапочниковой доказывают, что к завершению дошкольного детства возможно сформировать все компоненты эмоционального интеллекта. Так у старших дошкольников могут формироваться:

- представления о различных эмоциональных состояниях, способность распознать эмоции другого человека, учитывать эти знания в своем поведении и процессе общения (когнитивный компонент);

- эмоциональная ориентация на партнера, эмпатия и сопереживание (эмоциональный компонент);

- способность реализовывать понимание эмоций в регуляции социального поведения, умение сохранять полезные эмоции, ослаблять уместные, но не полезные эмоциональные состояния, преодолевать неуместные эмоции с целью формирования позитивных отношений с другими людьми (поведенческий) [4, 5, 6, 7, 8, 9].

Результаты и обсуждение

Нами были проведены исследования, посвященные изучению различных аспектов эмоционального интеллекта старших дошкольников. Как уже отмечалось ранее, одним из компонентов эмоционального интеллекта является когнитивный компонент, который связан с представлениями дошкольников о разнообразии эмоциональных состояний. В нашем исследовании для выявления адекватно-

сти и правильности определения ребенком эмоционального состояния другого человека использовалась методика «Изучение понимания эмоциональных состояний людей, изображенных на картинке» (Урунтаева Г.А.). Анализ результатов показал, что большинство дошкольников экспериментальной выборки (75%) понимают значение эмоций, изображенных на предъявляемых картинках (радость, страх, гнев, горе и т.д.). Они с легкостью описывают изображения и говорят, в какой ситуации человек может испытывать такую эмоцию. В то же время некоторые сюжетные картинки, предъявленные во второй серии (сюжетные картинки с изображением положительных и отрицательных поступков детей и взрослых), вызвали затруднения. Отметим, что детям было легче описывать изображения с детьми, чем со взрослыми. Со второй серией картинок успешно справилось около 55% опрошенных дошкольников.

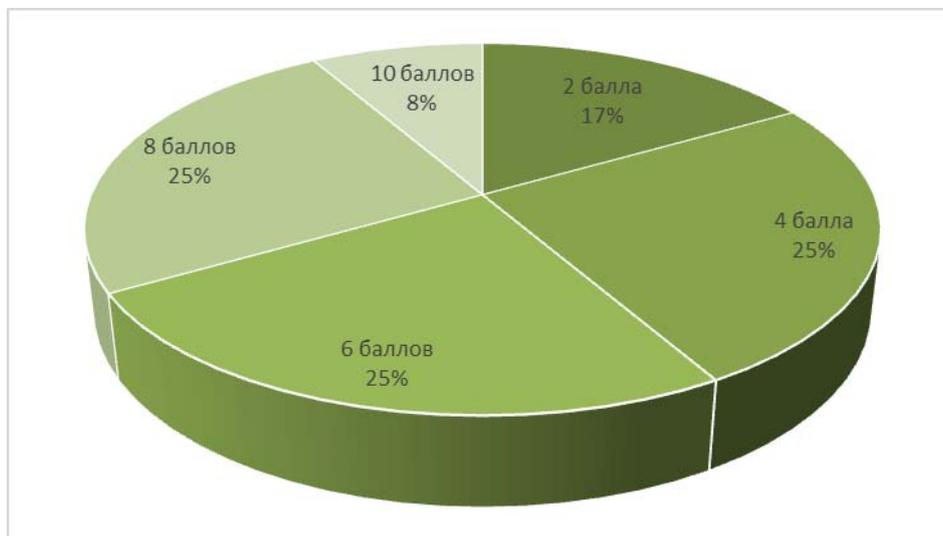
Для изучения эмоционального компонента эмоционального интеллекта старших дошкольников, на наш взгляд, представляет интерес изучение особенностей развития социальных эмоций детей. С этой целью в своем исследовании мы использовали методику «Домики» О.А. Ореховой и методику «Изучение социальных эмоций» Урунтаевой Г.А.

Анализ результатов проективной методики «Домики» О.А. Ореховой позволил нам сделать выводы по двум критериям: психологическое благополучие и степень дифференциации социальных эмоций.

Первый критерий вычисляется по формуле суммарного отклонения (СО) от аутогенной нормы с помощью определенного порядка цветов, которые дети располагали, выполняя первое задание «Кирпичики». Можно констатировать эмоциональное и психологическое благополучие детей, участвовавших в исследовании. У 92 % дошкольников экспериментальной выборки числовое значение СО менее 10, т.е. их можно охарактери-

зовать как веселых, счастливых, оптимистично настроенных детей. В их эмоциональном состоянии преобладают положительные эмоции. Эмоциональное состояние 8 % детей, СО которого равен 10,

также можно интерпретировать как норму. В этом случае подчеркивается сочетание положительных и отрицательных эмоций ребенка, но не дающее поводов для беспокойства (рис. 1).

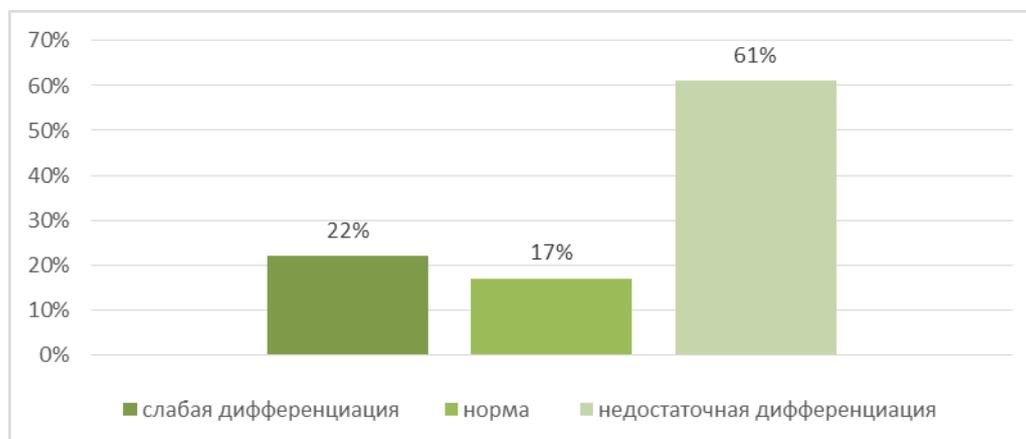

Рис. 1. Показатели суммарного отклонения (СО) по критерию «психологическое благополучие» (методика «Домики» О.А. Ореховой)

Fig. 1. Indicators of total deviation (CO) according to the criterion of psychological well-being methodology "Houses" by O.A. Orekhova

Критерий «степень дифференциации эмоций» включает в себя целый комплекс операций: узнавание социальной эмоции, понимание её смысла, объяснение, определение своего отношения к данной эмоции через выбор цвета. Для диагностики

старших дошкольников нами были выбраны 5 социальных эмоций: справедливость, обида, дружба, доброта, злоба. Результаты были разделены на следующие группы: норма, слабая дифференциация и недостаточная дифференциация (рис. 2).

Рис. 2. Результаты методики «Домики» О.А. Ореховой по критерию «Дифференциация эмоций»

Fig. 2. The results of the technique "Houses" by O.A. Orekhova according to the criterion "Differentiation of emotions"

По результатам анализа диагностических данных можно сделать вывод, что подавляющее большинство детей (83%), участвовавших в исследовании, не соответствуют норме в сфере социальных эмоций. Эти дети продемонстрировали ограниченность представлений о социальных эмоциях, что может привести к проблемам в построении отношений с окружающей действительностью, социумом, ведь основные ошибки в дифференциации эмоций были сделаны детьми в блоках межличностного взаимодействия и потенциальной агрессии.

При этом следует отметить, что результаты проведения методики «Изучение социальных эмоций» Урунтаевой Г.А. продемонстрировали, что 65 % опрошенных детей все же склонны к проявлению социальных эмоций, т.е. они умеют сопереживать, стремятся помочь другому, учатся радоваться за друзей. Интересно, что наиболее разнообразны были ответы детей в отношении ситуаций со сверстниками. Некоторые дети выражали стремление оказать помощь своим друзьям (если упал, то принести зеленку или йод, помочь встать и довести до медицинского пункта). Часть дошкольников показали не понимание, что делать в таких ситуациях.

Исходя из результатов обеих методик, основные затруднения дошкольников связаны не столько с отсутствием представлений о социальных эмоциях, сколько с их дифференциацией и готовностью проявлять.

Рассматривая поведенческий компонент эмоционального интеллекта, нам бы хотелось остановиться на процессе общения детей дошкольного возраста со сверстниками. Такое общение основано на потребностях в признании, уважении и

сотрудничестве с другими детьми. Неудовлетворенность характером взаимоотношений в детской общности становится для дошкольника источником отрицательных эмоциональных состояний, чувства недооценённой и отстраненности. В ситуациях взаимодействия со сверстниками дети испытывают тревожность независимо от уровня сформированности у них коммуникативных умений и социометрического статуса. При этом, очевидно, что к проявлению агрессии больше склонны дошкольники с низким уровнем коммуникативных умений или с низким социометрическим статусом. Результаты наших исследований показали, что характер эмоциональных состояний дошкольников, особенности их проявлений, способность к саморегуляции эмоций и т.д. определяет продуктивность общения дошкольников со сверстниками [8].

Выводы

Исходя из этого, мы полагаем, что работа по повышению уровня развития эмоционального интеллекта детей должна реализовываться одновременно с оптимизацией взаимоотношений старших дошкольников.

Решению этих задач помогают игры и упражнения, способствующие развитию средств общения и передачи эмоциональных состояний; осознанию своих эмоций и распознаванию эмоциональных состояний других; обучению открытому проявлению эмоций социально приемлемыми способами; развитию навыков совместной деятельности, чувства общности, умения применять нормы и правила общения, навыков конструктивного поведения в проблемных ситуациях и т.д.

Список литературы

1. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополюк: ПГУ, 2011. 388 с.

2. Андреева И.Н. Современные представления об эмоциональном интеллекте и его месте в структуре личности // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2017. №2. С. 104–109.
3. Савенков А.И. Развитие эмоционального интеллекта и социальной компетентности у детей. М.: Национальный книжный центр, 2015. 127 с.
4. Карелина И.О. Развитие понимания эмоций в период дошкольного детства: психологический ракурс. Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. 178 с.
5. Куракина А.О. Модель психолого-педагогического сопровождения развития эмоционального интеллекта дошкольников // Фундаментальные исследования. 2013. №11. С. 546–550.
6. Фаустова И.В. Особенности эмоционального интеллекта детей старшего дошкольного возраста // Казанский педагогический журнал. 2019. №4 (135), С. 66–71.
7. Шапочникова И.В. Результаты диагностики эмоционального интеллекта старших дошкольников // Всероссийский педагогический форум: сборник статей всероссийского педагогического форума. Петрозаводск, 2020. С. 101–106.
8. Подымова Л.С., Ильина С.В. Развитие эмоциональной сферы старших дошкольников в процессе общения со сверстниками // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2016. № 5. С. 140–143.
9. Карелина И.О. Динамика развития у дошкольников эмоционального интеллекта как способности к пониманию и регуляции эмоций // Социосфера. 2020. № 4. С. 62–74.

References

1. Andreeva I. N. *Emocional'nyj intellekt kak fenomen sovremennoj psihologii* [Emotional intelligence as a phenomenon of modern psychology]. Novopolock, PGU Publ., 2011. 388 p.
2. Andreeva I.N. *Sovremennye predstavleniya ob emocional'nom intellekte i ego meste v strukture lichnosti* [Modern ideas about emotional intelligence and its place in the structure of personality]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya = Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*, 2017, no. 2, pp. 104–109.
3. Savenkov, A.I. *Razvitie emocional'nogo intellekta i social'noj kompetentnosti u detej* [Development of emotional intelligence and social competence in children]. Moscow, Nacional'nyj knizhnyj centr Publ., 2015. 127 p.
4. Karelina I.O. *Razvitie ponimaniya emocij v period doshkol'nogo detstva: psihologicheskij rakurs* [Developing an understanding of emotions during preschool childhood: a psychological perspective]. Praga, Vědecko vydavatelské centrum "Sociosféra-CZ", 2017. 178 p.
5. Kurakina A.O. *Model' psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya razvitiya emocional'nogo intellekta doshkol'nikov* [The model of psychological and pedagogical support for the development of emotional intelligence of preschoolers]. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*, 2013, no. 11, pp. 546–550.
6. Faustova I.V. *Osobennosti emocional'nogo intellekta detej starshego doshkol'nogo vozrasta* [Features of emotional intelligence of older preschool children]. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*, 2019, no. 4 (135), pp. 66–71.
7. Shapochnikova I.V. *Rezultaty diagnostiki emocional'nogo intellekta starshih doshkol'nikov* [Results of diagnostics of emotional intelligence of senior preschoolers]. *Vserossijskij pedagogicheskij forum. Sbornik statej vserossijskogo pedagogicheskogo foruma* [All-Russian Pedagogical Forum. Collection of articles of the All-Russian Pedagogical Forum]. Petrozavodsk, 2020, pp. 101–106.

8. Podymova, L.S., Il'ina, S.V. Razvitie emocional'noj sfery starshih doshkol'nikov v processe obshcheniya so sverstnikami [Development of the emotional sphere of older preschoolers in the process of communication with peers]. *Vospitanie i obuchenie detej mladshego vozrasta = Upbringing and Education of Young Children*, 2016, no. 5, pp. 140–143.

9. Karelina I.O. Dinamika razvitiya u doshkol'nikov emocional'nogo intellekta kak sposobnosti k ponimaniyu i regulyacii emocij [Dynamics of development of emotional intelligence in preschoolers as an ability to understand and regulate emotions]. *Sociosfera = Sociosphere*, 2020, no. 4, pp. 62–74.

Информация об авторах / Information about the Authors

Иванова Татьяна Витальевна, кандидат психологических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: mk473942@yandex.ru

Tatiana V. Ivanova, Cand. of Sci. (Psychological), Associate Professor, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: mk473942@yandex.ru

Ильина Светлана Владимировна, кандидат психологических наук, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: ugllo@mail.ru

Svetlana V. Ilina, Cand. of Sci. (Psychological), Associate Professor, Kursk State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ugllo@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 159.9

Взаимосвязь гендера и индивидуально-психологических особенностей личности**Н.М.К. Хахутадзе¹, А.А. Кузнецова¹ ✉, В.Л. Баркова²**

¹Курский государственный медицинский университет
ул. К. Маркса 3, г. Курск 305041, Российская Федерация

² Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова
ул. Островитянова, д. 1, г. Москва 117997, Российская Федерация

✉ e-mail: kuznetsova.a80@mail.ru

Резюме

Особую актуальность на сегодняшний день представляют исследования в области гендера и его связи с различными индивидуально-психологическими особенностями личности. Наблюдения в области гендера показывают, что манера поведения, особенности личностного реагирования на ситуацию, способы выхода из проблемной ситуации определены типом гендерной идентичности.

Целью нашего исследования явилось изучение взаимосвязи гендера и индивидуально-психологических особенностей личности.

Методы исследования: полоролевой опросник С. Бем, тест Т. Лири (модификация Ю. А. Решетняк, Г. С. Васильченко), для обработки данных использовался корреляционный анализ.

В качестве материала исследования выступили 60 респондентов, в возрасте от 18 до 22 лет.

В статье представлен теоретический обзор проблемы гендерной идентичности с точки зрения различных направлений. Представлены взгляды на дихотомию гендерной идентичности и межличностного взаимодействия. В ходе экспериментального исследования с помощью корреляционного анализа были выделены основные системообразующие составляющие такие, как: доминирование и дружелюбие, в структуру которых можно вписать остальные характеристики, для доминирования: авторитарность, эгоистичность, агрессивность, подозрительность, для дружелюбия: альтруизм, зависимость, подчиненность. При этом, стоит отметить, что в исследовании не было выявлено высоких корреляционных связей между гендерной идентичностью и межличностным взаимодействием.

Многие исследователи стремятся давать четкие характеристики гендерных различий, и поэтому жестко приписывают фемининным проявлениям такие черты, как: альтруистичность, покорность, мягкость, робость, эмоциональность и т.п., к маскулинным же проявлениям приписывают: агрессивность, эгоистичность, авторитарность, и т.п. Но данные проявления не являются четко приписанными тому или иному гендеру, т.к. одна и та же характеристика присуща обоим гендерам, но ее проявления будут различны. Поэтому, дихотомия данного вопроса может лечь в основу дальнейших исследований.

Ключевые слова: гендер; гендерная идентичность; межличностное взаимодействие.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Хахутадзе Н.М.К., Кузнецова А.А., Баркова В.Л. Взаимосвязь гендера и индивидуально-психологических особенностей личности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 2. С. 178-187.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022

Статья подписана в печать 26.05.2022

Статья опубликована 30.06.2022

© Хахутадзе Н.М.К., Кузнецова А.А., Баркова В.Л., 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика / Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2022; 12(2): 178–187

The Relationship Between Gender and Individual Psychological Characteristics of Personality

Nilufer M. K. Khakhutadze¹, Alesya A. Kuznetsova¹✉, Valentina L. Barkova²

¹Kursk State Medical University
3 Karla Marks str., Kursk 305041, Russian Federation

²Pirogov Russian National Research Medical University
1 Ostrovityanova str., Moscow 117997, Russian Federation

✉ e-mail: kuznetsova.a80@mail.ru

Abstract

Of particular relevance today are studies in the field of gender and its relationship with various individual psychological characteristics of the individual. Observations in the field of gender show that the manner of behavior, features of personal response to a situation, ways out of a problematic situation are determined by the type of gender identity.

The purpose of our study was to study the relationship between gender and individual psychological characteristics of personality.

Research methods: the gender role questionnaire by S.Bem, the test by T. Leary (modified by Yu. A. Reshetnyak, G. S. Vasilchenko), correlation analysis was used for data processing.

60 respondents, aged from 18 to 22 years, acted as the research material.

The article presents a theoretical overview of the problem of gender identity from the point of view of various directions. Views on the dichotomy of gender identity and interpersonal interaction are presented. During the experimental study, using correlation analysis, the main system-forming components were identified such as: dominance and friendliness, in the structure of which other characteristics can be entered, for dominance: authoritarianism, egoism, aggressiveness, suspicion, for friendliness: altruism, dependence, subordination. At the same time, it is worth noting that the study did not reveal high correlations between gender identity and interpersonal interaction.

Many researchers strive to give clear characteristics of gender differences, and therefore rigidly attribute to feminine manifestations such traits as: altruism, submissiveness, gentleness, timidity, emotionality, etc., to masculine manifestations are attributed: aggressiveness, egoism, authoritarianism, etc. But these manifestations are not clearly attributed to one or another gender, because one and the same characteristic is inherent in both genders, but its manifestations will be different. Therefore, the dichotomy of this issue can form the basis for further research.

Keywords: gender; gender identity; interpersonal interaction.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Khakhutadze N. M. K., Kuznetsova A. A., Barkova V. L. The Relationship Between Gender and Individual Psychological Characteristics of Personality. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(2): 178–187 (In Russ.).

Received 12.04.2022

Accepted 26.05.2022

Published 30.06.2022

***

Введение

Одной из характерных черт современного общества является видоизменение социальных стереотипов в отношении ролей мужчин и женщин во всех сферах общества как профессиональных (руководящие должности у женщин в «неженских» профессиях), так и в непро-

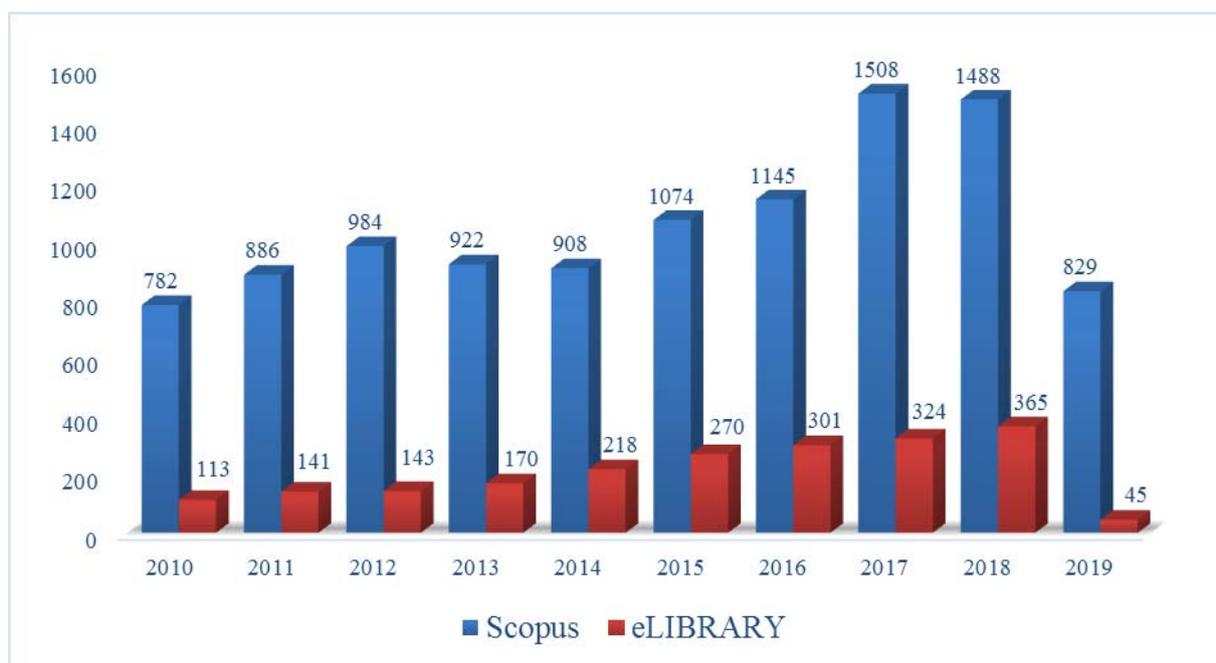
фессиональных (отпуск по уходу за ребенком для мужчин, в то время как женщины продолжают трудовую и профессиональную активность). И эти тенденции из редких случаев трансформируются в стойкие реалии современности. Несмотря на популярность гендерной психологии и усилившуюся публикацион-

ную активность в данном направлении остаются недостаточно проработаны такие аспекты, как критерии дифференцированности половых и гендерных особенностей, этапы формирования и нормы гендерной идентичности и многие другие.

Гендерные исследования получили свое развитие в России с 90-х годов XX века. В разных научных направлениях стали появляться публикации, в которых рассматривались проблемы ролевого поведения и статусных позиций мужчин и женщин, о социальных стереотипах в отношении профессий, внешности, паттер-

нов поведения мужчин и женщин, о представлениям о маскулинности и фемининности, о вопросах гендерного равенства и неравенства.

Проведя анализ публикационной активности за период с 2010 по 2019 г. в базах данных Scopus и eLIBRARY по запросу «гендер» в разделе «Психология», можно заметить, что в базе Scopus наблюдается волнообразное распределение кривой с тенденцией к увеличению публикационной активности, а в базе eLIBRARY равномерный рост публикационной активности за данный период (рис.1) [1].

Рис. 1. Анализ публикационной активности за период 2010 – 2019 гг. в отечественных и зарубежных базах данных

Fig. 1. Analysis of publication activity for the period 2010 – 2019 in domestic and foreign databases

При этом, следует отметить, что в базе Scopus публикаций более чем в 4 раза больше, чем в базе eLIBRARY. Можно предположить, что такая большая разница в публикациях связана с включением в базу Scopus большего количества стран [1].

Так же, можно заметить, что пик активности в базе Scopus наблюдался в 2017 г. (1145 статей), в базе eLIBRARY этот пик пришелся на 2018 г. (365 статей) [1].

На основе психологических исследований гендерных проблем оформилось новое научное направление – гендерная психология. Несмотря на оформление в самостоятельную область знания и выделение специальных категорий (пол, гендер, ролевое поведение, статусная позиция) вопрос о гендерных различиях, гендерной идентичности весьма противоречив как на нормативно-правовом, так и на феноменологическом уровне, что вызы-

вает ряд других противоречий и затруднений.

На сегодняшний день существует множество теорий развития гендерной идентичности. И каждая теория пытается выделить свои факторы, которые влияют на формирование гендерной идентичности. Так, например, традиционный подход к изучению гендерной идентичности обращается к гендерно-типичным чертам личности или интересам. Мужские и женские личностные идентичности, признанные в этой традиции, связаны с когнитивными, аффективными и поведенческими стилями женщин и мужчин и, кроме того, являются частью определяемых культурой гендерных стереотипов [2].

Биологизаторские концепции описывают биологическое влияние на развитие гендерной идентичности в эмбриогенезе, а внутриутробное воздействие гормонов в некоторых исследованиях было связано с гендерной идентичностью взрослых. Таким образом, у взрослых мужчин были более низкие показатели мужественности по шкале гендерной идентичности BSRI, поскольку у их матерей обнаруживались циркулирующие гормоны, которые, вероятно, подавляли андрогенизацию мозга плода [3]. Дополнительные данные о развитии получены из исследований девочек с врожденной гиперплазией надпочечников (ВГКН), которые подвергались воздействию высоких уровней пренатальных андрогенов и которые обычно демонстрировали некоторые физические признаки мужественности (например, вирилизацию)[4].

В психодинамическом подходе, представителями которого являются: З. Фрейд, Ж. Лакан, Н. Чодороу, гендерная идентичность формируется через механизм идентификации ребенка с родителем [5]. Так, З. Фрейд акцентировал свое внимание на том, что мальчики рассматривают своего отца как соперника за любовь к матери, и ведомые этим чувством соперничества, путем механизма идентификации, начинают копировать поведение от-

ца, и таким образом начинают закладываться основы гендерной идентичности. Девочки же, ведомые чувством зависти к мужским половым органам, должна подавить в себе данное чувство, и путем подавления и идентификации начинает перенимать стереотип поведения матери.

Н. Чодороу говорила о том, что ребенок рано может соотносить себя с тем или иным полом за счет привязанности, которая формируется в раннем возрасте. Она уделяла большее внимание матери, т.к. именно с ней у детей обоего пола складываются более тесные эмоциональные связи, и проводит с ними больше времени, нежели отец. Девочки могут сохранить эту привязанность на всю жизнь, и через механизм идентификации могут проявлять свою гендерную идентичность. Мальчики же, формируют свою маскулинность путем отрицания женских поведенческих реакций.

Биологизаторские концепции, представителями которой являются: Л. Тайгер, Р. Фокс, Д. Бэрэш, говорят о том, что на формирование гендерная идентичность биологически детерминирована, что все предопределено природой. Так, Д. Бэрэш объяснял поведение мужчин и женщин, применением различных способов выживания и воспроизведения. Он указывал на то, что мужчинам выгодно проявлять агрессию, непостоянство, импульсивность, а женщинам чувство стыда, сомнения, покорности, т.к. эти проявления биологически заданы и детерминированы полом.

Теория когнитивного развития отдает главную роль познавательным процессам – переработке информации, полученной от взрослого, и осознанию половой принадлежности [6]. Л. Колберг, являясь представителем когнитивного подхода, утверждал, что главным фактором формирования гендерной идентичности является та информация, которую ребенок получает от родителя или взрослого его заменяющего. Интеллект, в данном случае, выполняет главенствующую роль.

Новая психология пола делает упор на ожидания, которые исходят от общества [6]. Дж. Стоккард и М. Джонсон утверждали, что биологический пол определяет лишь стереотип поведения, а гендерная идентичность более сложный конструкт, который будет зависеть от расовой принадлежности, культурных особенностей и соответствующие данным им социальным ожиданиям.

Бихевиоральное направление, в частности теория социального научения А. Бандуры, рассматривает развитие гендера с позиции родительских моделей поведения, и через механизм научения, путем подкрепления у ребенка формируется тот или иной стереотип поведения, причем многое зависит от подкрепления. Так, например, если мальчик будет плакать, а девочка будет сорванцом, и этим детям будут говорить о том, что данный стереотип поведения недопустим для их пола, то в таком случае, мы наблюдаем негативное подкрепление, и навязывание маскулинного или фемининного гендера детям.

Исходя из этих концепций, можно сделать вывод, что гендерная идентичность влияет на наше поведение, и определяет наш характер, а, следовательно возможное влияние на специфику межличностного взаимодействия.

И.Г. Малкина-Пых определяет гендер как социальный статус и социально-психологические характеристики личности, возникающие во взаимодействии с другими людьми в рамках определенной культуры [7].

А.Г. Дугин определяет гендер как социальный пол, определяющий поведение человека в обществе и то, как это поведение воспринимается, то полоролевое поведение, которое определяет отношение с другими людьми: друзьями, коллегами, одноклассниками, родителями, случайными прохожим и т. д. [8].

Если мы рассматриваем гендерную идентичность как категорию, определяющую характер человека, то следует вы-

делять черты маскулинности и фемининности. Так, к маскулинным чертам характера принято относить: стремление к лидерству, доминированию, эгоистичность, агрессивность, подозрительность, открытость, экстравертированность, и др. К фемининным чертам: подчиняемость, альтруизм, зависимость, эмоциональность, застенчивость, интровертированность, тревожность, и др.

Все эти характеристики, безусловно, влияют на наше межличностное взаимодействие, на то, как мы будем строить отношения с окружающими нас людьми, и через это межличностное взаимодействие проявлять свою гендерную идентичность. Так, в учебном пособии Т.В. Бендас говорится о том, что гендер относится к взаимодействию между мужчиной и женщиной, и социальному конструированию данного взаимодействия, выстраивание взаимоотношений в социуме [9].

Но что если возможен обратный процесс? Что если не гендерная идентичность влияет на формирование характера и наше межличностное взаимодействие, а наоборот наш характер, и способы взаимодействия с окружающими людьми являются факторами формирования гендерной идентичности.

В зависимости от стиля взаимодействия, от окружающих нас людей в процессе этого межличностного взаимодействия, от стиля поведения в этом взаимодействии формируется наша гендерная идентичность.

Если с детства в межличностном взаимодействии мы стремимся к доминированию, проявляем свою экстраверсию, открытость, эгоистичность, то эти черты формируют у нас маскулинный тип гендерной идентичности. Если же идет стремление к подчинению, альтруизму, эмоциональности, то можно говорить о формировании фемининного типа гендерной идентичности.

Таким образом, мы видим, что влияние одного фактора на другой неоднозначно. Эта дихотомия послужила толчком к данному исследованию.

Методы и организация исследования

В исследовании приняли участие 60 человек в возрасте от 18 до 22 лет.

Методами исследования выступили: полоролевой опросник С.Бем, тест Т. Лирри (модификация Ю. А. Решетняк, Г. С. Васильченко). Для выявления связи гендерной идентичности и межличностного взаимодействия был использован корреляционный анализ.

Результаты и обсуждение

Согласно результатам корреляционного анализа выявлены статистически значимые связи между шкалами «Гендер & Агрессивность», и выявлены корреля-

ционные статистически значимые связи на уровне тенденции в шкалах «Гендер & Дружелюбие».

Обнаружены отрицательно значимые корреляционные связи слабой силы показателей по шкале «Гендер & Агрессивность» ($r = -0,28$ $p = 0,02$) (табл. 1). Данные показатели свидетельствуют о том, что чем выше гендерные проявления, тем ниже уровень агрессии.

Выявлены положительно значимые корреляционные связи на уровне тенденций слабой силы показателей шкал «Гендер & Дружелюбие» ($r = 0,24$ $p = 0,06$) (табл. 1). Следовательно, чем выше гендерные проявления, тем выше обнаруживается уровень дружелюбия.

Таблица 1. Корреляционные взаимосвязи показателей гендера и межличностного взаимодействия

Table 1. Correlation relationships between indicators of gender and interpersonal interaction

	Правиль	Spearman	t(N-2)	p-level
Гендер & Авторитарность	60	-0,149899	-1,15464	0,252971
Гендер & Эгоистичность	60	-0,217632	-1,69814	0,094841
Гендер & Агрессивность	60	-0,281146	-2,23114	0,029553
Гендер & Подозрительность	60	-0,144610	-1,11302	0,270292
Гендер & Подчиненность	60	0,069588	0,53125	0,597271
Гендер & Зависимость	60	0,144490	1,11207	0,270695
Гендер & Дружелюбие	60	0,242239	1,90147	0,062212
Гендер & Альтруизм	60	0,154642	1,19206	0,238093

Результаты корреляционного анализа показали статистически значимые связи между маскулинностью и авторитарностью, эгоистичностью, агрессивностью и подозрительностью. А так же, статистически значимые связи между фемининностью и эгоистичностью, агрессивностью, подозрительностью, дружелюбием и альтруизмом. Выявлены корреляционные статистически значимые связи на уровне тенденций в шкалах маскулин-

ность и подчиненность, фемининность и авторитарность.

Обнаружены положительно значимые корреляционные связи умеренной силы показателей между шкалами «маскулинность и авторитарность» ($r = 0,38$ $p = 0,002$) (табл. 2). Данные показатели говорят о том, что чем выше маскулинные проявления, тем выше уровень авторитарности, это может выражаться в степени от энергичности, авторитетности и упорности до диктаторства и деспотизма.

Таблица 2. Корреляционные взаимосвязи показателей маскулинности/фемининности и межличностного взаимодействия**Table 2.** Correlation relationships between indicators of masculinity / femininity and interpersonal interaction

	Авторитарность	Эгоистичность	Агрессивность	Подозрительность	Подчиненность	Зависимость	Дружелюбие	Альтруизм
Маскулинность	,3880 p=,002	,3772 p=,003	,2873 p=,026	,4118 p=,001	-,2351 p=,071	-,0247 p=,851	-,0939 p=,476	-,1957 p=,134
Фемининность	-,2236 p=,086	-,3829 p=,003	-,3728 p=,003	-,3697 p=,004	,1933 p=,139	,2123 p=,103	,2988 p=,020	,3064 p=,017

Обнаружены положительно значимые корреляционные связи умеренной силы показателей между шкалами «маскулинность и эгоистичность» ($r=0,37$ $p=0,003$) (табл. 2). Выраженные маскулинные черты приводят к стремлению ставить свои интересы выше других, наличие собственного мнения, делать всё для себя, иногда, в ущерб другим, для удовлетворения своих желаний.

Положительно значимые корреляционные связи слабой силы в показателе «маскулинность и агрессивность» ($r=0,28$ $p=0,026$) (см. табл. 2). Данные показатели могут характеризоваться требовательностью, строгостью, упорством, упрямством, жесткостью и враждебностью при проявлениях маскулинного гендера.

Положительно значимые корреляционные связи умеренной силы обнаружены в показателях «маскулинность и подозрительность» ($r=0,41$ $p=0,001$) (см. табл. 2). Доминирование маскулинного гендера может демонстрироваться критичностью, злопамятностью, обидчивостью, и другими характеристиками, присущими подозрительности.

Выявлена отрицательная корреляционная связь на уровне тенденций слабой силы в показателе «маскулинность и подчиненность» ($r=-0,23$ $p=0,071$) (см. табл. 2). Здесь видна обратная связь данных показателей, так, при доминировании маскулинности, такие черты, как: уступчивость, скромность, отсутствие собственного мнения, застенчивость, покорность

будут иметь низкие показатели, или вовсе отсутствовать.

В показателе «фемининность и авторитарность» наблюдаются отрицательные корреляционные связи на уровне тенденций слабой силы ($r=-0,22$ $p=0,086$) (см. табл. 2). Люди, с доминирующим фемининным гендером, не склонны к проявлениям власти, настойчивости, это подтверждается обратной связью показателей данных шкал.

Отрицательно значимые корреляционные связи умеренной силы обнаружены в показателях «фемининность и эгоистичность» ($r=-0,38$ $p=0,003$) (см. табл. 2). Здесь, так же, наблюдается обратная связь в данных показателях, это говорит о том, что чем выше уровень проявления фемининного гендера, тем ниже проявления эгоистических черт.

Так же, отрицательно значимые корреляционные связи умеренной силы обнаружены в показателях «фемининность и агрессивность» ($r=-0,37$ $p=0,003$) (см. табл. 2). Чем выше уровень проявлений фемининности, тем ниже человек склонен к проявлениям настойчивости, непримиримости, жесткости и враждебности.

Отрицательно значимые корреляционные связи умеренной силы обнаружены в показателях «фемининность и подозрительность» ($r=-0,36$ $p=0,004$) (см. табл. 2). Данный показатель, говорит о том, что преобладание фемининного гендера сглаживает проявления скептичности, кри-

тичности, постоянного недовольства и других черт, присущих подозрительности.

Положительно значимые корреляционные связи слабой силы обнаружены в показателях «фемининность и дружелюбие» ($r= 0,29$ $p=0,020$) (см. табл. 2). Данная прямая связь доказывается обратной связью в показателях «фемининность и агрессивность», что говорит о проявлениях гибкости, склонности к сотрудничеству, компромиссности у людей с преобладанием фемининного гендера.

Положительно значимые корреляционные связи умеренной силы обнаружены в показателях «фемининность и альтруизм» ($r= 0,30$ $p=0,017$) (см. табл. 2).

Данная положительная связь также подтверждается обратной связью в показателях «фемининность и эгоистичность». Таким образом, фемининный гендер напрямую связан с проявлениями деликатности, сострадания, гиперответственности, т.е. всеми теми показателями, характеризующими понятие альтруизма.

Здесь выявлены отрицательно значимые корреляционные связи умеренной силы в показателях «маскулинность и дружелюбие» ($r= -0,36$ $p=0,004$) (табл. 3). Данные свидетельствуют о склонности маскулинного гендера к проявлению агрессивно-конкурентной позиции в отношении межличностного взаимодействия.

Таблица 3. Корреляционные взаимосвязи показателей маскулинности/фемининности и факторов межличностного взаимодействия

Table 3. Correlation relationships between indicators of masculinity / femininity and factors of interpersonal interaction

	Дружелюбие	Доминирование
Маскулинность	-,3653	,2252
	$p=,004$	$p=,084$
Фемининность	,5156	-,1986
	$p=,000$	$p=,128$

В показателях «фемининность и дружелюбие» выявлена положительно значимая корреляционная связь заметной силы ($r= 0,51$ $p=0,000$) (см. табл. 3), что говорит о стремлении к сотрудничеству, формированию доверительных отношений в межличностном взаимодействии.

Положительно значимая корреляционная связь на уровне тенденций слабой силы обнаружена в показателях «маскулинность и доминирование» ($r= 0,22$ $p=0,08$) (см. табл. 3). Данный показатель свидетельствует о стремлении человека к лидерству.

Выводы

Проведенное исследование подтверждается данными Т.В. Белых, где говорится о том, что при одном и том же

стиле межличностного взаимодействия у юношей и девушек с разной гендерной идентичностью проявляются разные способы реагирования на ситуацию [10].

Проведя анализ показателей фемининности/маскулинности и качеств личности, полученные значимые корреляционные связи указывают на преимущественное влияние гендера на качества доминирования и дружелюбия. Данные категории являются системообразующими, т.к. все остальные характеристики можно вписать в структуру данных понятий.

Так же стоит отметить, что в исследовании не было выявлено высоких корреляционных связей между гендерной идентичностью и межличностным взаимодействием. Поэтому можно сделать вывод об отсутствии специфичного влия-

ния гендера на данные характеристики. Большинство исследований стремятся подвести гендер к определенным проявлениям характера, но, если мы возьмем стремление к доминированию, данная черта всегда относилась к проявлению маскулинного гендера, но это не означает, что имея фемининный гендер, человек не может проявить одну из сторон доми-

нирования. Необходимо понимать, что данная характеристика может присутствовать и в маскулинном и в фемининном гендере, только проявления могут иметь различную интенсивность, или проявляться с различных сторон. Данное положение может выступить как основа для дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Кузнецова А.А., Хахутадзе Н.М.К. Библиометрический анализ публикационной активности по проблеме "гендер" в отечественной и зарубежной психологической науке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 4 (33). С. 195-204.
2. Wood W., Eagly A.H. Two Traditions of Research on Gender Identity. *Sex Roles* 73, 461–473 (2015). <https://doi.org/10.1007/s11199-015-0480-2>
3. Davis S. N., & Risman B. J. (2015). Feminists wrestle with testosterone: Hormones, socialization and cultural interactionism as predictors of women's gendered selves. *Social Science Research*, 49, 110–125. doi:10.1016/j.ssresearch.2014.07.012
4. Pasterski V., Zucker K. J., Hindmarsh P. C., Hughes I. A., Acerini C., Spencer D., Neufeld S., & Hines, M. (2015). Increased cross-gender identification independent of gender role behavior in girls with congenital adrenal hyperplasia: Results from a standardized assessment of 4- to 11-year-old children. *Archives of Sexual Behavior*. doi:10.1007/s10508-014-0385-0.
5. Хахутадзе Н.М.К., Кузнецова А.А. Основные подходы к развитию гендерной идентичности // Университетская наука: взгляд в будущее: сборник научных трудов по материалам Международной научной конференции, посвященной 85-летию Курского государственного медицинского университета: в 2-х т. / под ред. В.А. Лазаренко. Курск, 2020. С. 537–539.
6. Борисова Д. П. Дворянчиков Н.В. Гендерные факторы формирования агрессивного поведения в подростковом возрасте // Психология и право. 2013. № 3. С. 1-10.
7. Малкина-Пых И.Г. Гендерная терапия. М.: Эксмо, 2006. 928 с.
8. Дугин А. Г. Социология пола (Структурная социология) // Структурная социология. М., 2010. С.13.
9. Бендас Т. В. Гендерная психология. СПб.: Питер, 2018. 431 с.
10. Белых Т.В., Белых В.В. Особенности восприятия коммуникативного "я" у юношей и девушек с разной гендерной идентичностью // Гуманизация образования. 2019. № 3. С. 4-15.

References

1. Kuznecova A.A., Nahutadze N.M.K. Bibliometric analysis of publication activity on the problem of "gender" in domestic and foreign psychological science [Bibliometric analysis of publication activity on the problem of "gender" in domestic and foreign psychological science]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 4 (33), pp. 195-204.

2. Wood W., Eagly A.H. Two Traditions of Research on Gender Identity. *Sex Roles* 73, 461–473 (2015). <https://doi.org/10.1007/s11199-015-0480-2>
3. Davis S. N., & Risman B. J. (2015). Feminists wrestle with testosterone: Hormones, socialization and cultural interactionism as predictors of women's gendered selves. *Social Science Research*, 49, 110–125. doi:10.1016/j.ssresearch.2014.07.012
4. Pasterski V., Zucker K. J., Hindmarsh P. C., Hughes I. A., Acerini C., Spencer D., Neufeld S., & Hines M. (2015). Increased cross-gender identification independent of gender role behavior in girls with congenital adrenal hyperplasia: Results from a standardized assessment of 4- to 11-year-old children. *Archives of Sexual Behavior*. doi:10.1007/s10508-014-0385-0
5. Hahutadze N.M.K., Kuznecova A.A. [Basic approaches to the development of gender identity]. *Universitetskaya nauka: vzglyad v budushchee. Sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [University science: a look into the future. Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific Conference]; ed. by V.A. Lazarenko. Kursk, 2020, pp. 537-539 (In Russ.).
6. Borisova D. P. Dvoryanchikov N.V. Gendernye faktory formirovaniya agressivnogo povedeniya v podrostkovom vozraste [Gender factors in the formation of aggressive behavior in adolescence]. *Psihologiya i parvo = Psychology and Law*, 2013, no. 3, pp. 1-10.
7. Malkina-Pyh I.G. *Gendernaya terapiya* [Gender therapy]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 928 p.
8. Dugin A. G. Sociologiya pola (Strukturnaya sociologiya) [Sociology of gender (Structural sociology)]. *Strukturnaya sociologiya* [Structural sociology]. Moscow, 2010/ P. 13.
9. Bendas T. V. *Gendernaya psihologiya* [Gender psychology]. St. Petersburg, Peter Publ., 2018. 431 p.
10. Belyh T.V., Belyh V.V. Osobennosti vospriyatiya kommunikativnogo "ya" u yunoshej i devushek s raznoj gendernoj identichnost'yu [Features of the Perception of the Communicative "I" in Boys and Girls with Different Gender Identities]. *Gumanizaciya obrazovaniya = Humanization of Education*, 2019, no. 3, pp. 4-15.

Информация об авторах / Information about the Authors

Хахутадзе Нилуфер Мажид Кизи, ассистент кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: miss.litl@mail.ru

Nilufer M. K. Khakhutadze, Assistant of the Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation, e-mail: miss.litl@mail.ru

Кузнецова Алеся Анатольевна, кандидат психологических наук, проректор по воспитательной работе, социальному развитию и связям с общественностью, и.о. зав. кафедрой психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kuznetsova.a80@mail.ru

Alesya A. Kuznetsova, Candidate of Sci. (Psychological), Vice-Rector for Educational Work, Social Development and public relations, acting head of the department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kuznetsova.a80@mail.ru

Баркова Валентина Леонидовна, кандидат психологических наук, зав. кафедрой социальной работы, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: 2782737@mail.ru

Barkova Valentina L., Candidate of Sci. (Psychological), head. Department of Social Work, Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation, e-mail: 2782737@mail.ru

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

– статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

– лицензионный договор;

– сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail).

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Университету прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью, включая адрес организации), электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (5–10 слов), текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках. Текст статьи должен быть структурирован по разделам:

- введение (постановка проблемы)
- результаты и обсуждение
- выводы

Например:

УДК 81-114.2

Н. А. Боженкова, д-р филол. наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6) (e-mail:natalyach@mail.ru)

Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве

Дезинтеграционные процессы последнего десятилетия XX века, вызванные многоплановыми геополитическими факторами, привели к трансформации информационного поля на русском языке: в каждом из четырнадцати новых постсоветских государств...

Ключевые слова: социолингвистика; коммуникативная лингвистика; постсоветское пространство; статус русского языка; языковая ситуация.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

9. Для набора формул и переменных следует использовать редактор формул MathType версии 5.2 и выше с размерами: обычный – 12 пт; крупный индекс 7 пт, мелкий индекс – 5 пт; крупный символ – 18 пт; мелкий символ – 12 пт.

10. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 dpi и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. **Рисунки, выполненные в MS Word, недопустимы.**

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания **не допускаются.**

11. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Список представляется в двух вариантах: традиционный (ГОСТ Р 7.05–2008) и дополнительный с переводом русскоязычных источников на латиницу и английский язык. Применяется транслитерация по системе BSI. Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

12. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <http://www.swsu.ru/izvestiya/serieslingva>.

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://science.swsu.ru>.